

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Костромской государственный университет имени Н. А. Некрасова

**Рабочие и общественно-политический процесс
в России в конце XIX –XX вв.**

**Материалы VI Всероссийской научной конференции
Кострома, 20–21 сентября 2012 года**

ЧАСТЬ II

Кострома
2012

ББК 63.3(2)53-282.1я431; 63.3(2)53-3я431
P121

Печатается по решению редакционно-издательского совета
КГУ имени Н. А. Некрасова

Редакционная коллегия:
А. М. Белов (ответственный редактор),
Л. И. Бородин, И.М. Пушкарёва, Н. М. Рассадин, Е. А. Чугунов,
А. В. Новиков (заместитель ответственного редактора)

Рабочие и общественно-политический процесс в России в конце XIX –
P121 XX вв.: материалы VI Всерос. науч. конф.: в 2 ч. / отв. ред., сост. А. М. Белов. –
Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2012. – Ч. II. – 143 с.

ISBN 978-5-7591-1303-4
ISBN 978-5-7591-1305-8 (Ч.II)

В сборник вошли материалы VI Всероссийской научной конференции «Рабочие и общественно-политический процесс в России в конце XIX –XX вв», состоявшейся в Костромском государственном университете имени Н. А. Некрасова при поддержке Российского гуманитарного научного фонда 20–21 сентября 2012 года.

Исследователями рассмотрены вопросы социальной адаптации рабочих и предпринимателей в модернизационных процессах рубежа XIX – XX вв.; участия рабочих в общественно-политическом движении в дореволюционной России через призму складывавшейся многопартийной политической системы и обострения межнациональных отношений. Специальный раздел посвящён освещению советского периода модернизации и роли рабочих в этом процессе.

Издание адресовано научным работникам, аспирантам, учителям, студентам, всем, интересующимся историей Отечества.

ББК 63.3(2)53-282.1я431; 63.3(2)53-3я431

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 12-01-14036)*

ISBN 978-5-7591-1303-4
ISBN 978-5-7591-1305-8 (Ч.II)

© А. М. Белов, составление, 2012
© КГУ им. Н. А. Некрасова, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

	стр
РАЗДЕЛ III. РАБОЧИЕ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ	5
<i>Репников А.В.</i> Русские националисты и рабочий вопрос в начале XX века	5
<i>Карнишина Н.Г.</i> Национальный вопрос в общественно-политическом процессе России начала XX века	16
<i>Омельянчук И.В.</i> Политический традиционализм в рабочей среде в 1905-1907 гг.	21
<i>Потолов С.И.</i> Георгий Гапон и петербургские рабочие: пути и перепутья рабочих организаций России накануне и в годы первой русской революции	29
<i>Баранов А.Н.</i> Реформирование государственного строя России и манифест 17 октября 1905 года в оценке отечественных либералов.	42
<i>Прислонов Н.Н.</i> Учащаяся молодежь г. Костромы в революционных событиях 1905 г.	51
<i>Аманов С.Ф.</i> Раскол в рабочей среде в период первой русской революции 1905-1907 гг.	58
РАЗДЕЛ IV. РАБОЧИЕ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВЕТСКОЙ РОССИИ	64
<i>Камардин И.Н.</i> Протестное движение рабочих Поволжья в 1918 году	64
<i>Гнусарев И.С.</i> Материальное положение рабочих Пензы в годы революции и гражданской войны	71
<i>Ульянова С.Б.</i> Суды на предприятиях в 1920-е гг. (К вопросу о взаимоотношении власти и заводского сообщества в советской России в межвоенный период)	75

<i>Ермушин М.В.</i> Политика советского государства по материальному стимулированию инженерного труда в годы НЭПа	83
<i>Миловидова Н.В.</i> К вопросу о среде обитания московских рабочих в период НЭПа (по материалам «Записок уцелевшего» С.М.Голицына)	89
<i>Офицерова Н.В.</i> Выборные собрания в фабрично-заводской повседневности 1920-х гг.	95
<i>Коровин Н.Р.</i> Советский рабочий класс в общественно-политическом процессе 30-х годов: мифы и действительность	102
<i>Околотин В.С.</i> «Маленький Кронштадт» или «кризис пролетарской диктатуры» в ИПО: их причины и последствия (апрель 1932 г.).	109
<i>Фишева А.А.</i> «Образовательный конвейер» для рабочих (К вопросу о политике ликвидации неграмотности в годы первых пятилеток).	124
<i>Семёнова А.В.</i> Домашний быт рабочих 1930-х гг. по материалам Костромского научного общества по изучению местного края	131
<i>Сведения об авторах</i>	141

РАЗДЕЛ III. РАБОЧИЕ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

А.В. Репников

Русские националисты и рабочий вопрос в начале XX века

*Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного
научного фонда (РГНФ), проект № 10-01-00040а («Русский национализм и
патриотизм в государственной-политической жизни страны: история и
современность»).*

В своих работах историки уже затрагивали попытки русских консерваторов разрешить рабочий вопрос¹. В этой связи, их внимание в первую очередь было обращено на программы черносотенных партий и позицию их лидеров. Современный исследователь подчеркивает, что в среде консерваторов «доминировали негативные представления о капитализме и буржуазии»². Другой историк отмечает: «Идеология российских консерваторов, будучи антикапиталистической по своей сути, до начала первой российской революции фактически игнорировала рабочий вопрос, считая пролетариат лишь временной и вынужденной формой существования крестьянства... взгляд на Россию как на “страну аграрную”, игнорирование существования объективных противоречий между трудом и капиталом, а также стремление к “постепенности” в решении социальных проблем не позволили правым на идеологическом поприще успешно конкурировать с оппозиционными социалистическими партиями, предлагавшими немедленное и радикальное решение рабочего вопроса»³. Однако, позиция русских националистов, которых на наш взгляд, совершенно оправданно отделяют от черносотенцев⁴, практически не затрагивалась. В их программных документах значилось: «В вопросе о рабочих, фабричных и сельских, фракция считает необходимым стремиться к достижению обеспечения всякого честного труженика в случаях болезни, увечья и старости. Вместе с этим фракция должна способствовать ограждению широкой свободы труда (т.е. прежде всего – препятствовать забастовкам)»; необходимо «обеспечение свободы труда и развитие деятельности государства по страхованию рабочих и взаимному ограждению интересов труда и капитала», а также «насаждение учреждений, обеспечивающих всякого труженика в случае болезни, увечья и старости»⁵.

¹ © А.В. Репников, 2012

Один из наиболее известных публицистов националистического лагеря М.О. Меньшиков выступал с критикой буржуазного духа, который, по его мнению, сначала захлестнул Европу, а затем, после Великих реформ, начал разлагать Российское государство. Главными составляющими этого духа являются культ наживы и бездуховность, эгоизм и отрицание национальных традиций. «Если хоть на секунду отрешиться от сковывающего старые общества лицемерия и спросить: какое мы чтим божество? Какую власть? То культурнейшие страны обязаны ответить: божество наше – знание, уважаемая власть – капитал»⁶. На смену вере в Бога приходит знание, вместо идеи традиции – господствует идея прогресса. Как и черносотенцы, «больной» цивилизации города Меньшиков противопоставляет «здоровую» деревенскую цивилизацию: «Городская культура, беспрерывно ломая семью и совершенно не давая сложиться роду, в сущности крошит всякое органическое строение в обществе... В этой кромешной свалке карьер и профессий, построенных не на семье, не на земле, гибнут лучшие человеческие силы»⁷. Страшная тягость городской культуры, по его мнению, интуитивно ясна народному сознанию, пытающемуся обрести «покой и волю» не в комфорте, богатстве и власти, а в общении с природой. Труд только тогда может нести радость, когда он является творческим, а не механическим. А свобода возможна только в случае, если человек не пытается достигнуть целей, превышающих его реальные возможности. Все вместе: творчество и свобода, возможны только в очень узких рамках. Тех рамках, находясь в которых человек может сам распоряжаться своим временем, заботясь о себе, своей семье и своем хозяйстве. Городская культура, основанная на разделении труда, лишает сам труд творческого начала. Крестьянин оставляет пусть бедное, но *свое* хозяйство и идет на фабрику, где добровольно «превращается в инструмент или станок для инструмента». Уважаемый в деревне и чувствующий себя главой в семье, он обезличивается сразу же после прихода на работу в город.

Подобное обезличивание, превращение человека в «живую машину» может грозить и людям творческих профессий, которые ради куска хлеба «приковывают» себя к письменному столу, и многочисленным служащим, вынужденным изо дня в день выполнять одну и ту же работу, но больше всего оно угрожает именно фабричным рабочим. Меньшиков с неподдельным ужасом замечает, что человек, живущий свободно и «сам себе довлеющий» это явление невозможное для буржуазного общества. «Только в деревне, на просторе и в тишине природы, при органическом срастании с землею, при культуре бедной и скромной, возможно восстановление души человека и ее власти»⁸. Каждый человек должен иметь свой «маленький престол», свой, только ему принадлежащий

«независимый удел». Только тогда он будет иметь живую, а не «машинную» душу.

Множество крестьян, которые приходят в город, способны, в лучшем случае, «пройти обучение» в двух «институтах» – на фабрике, или в казарме. В свободное от службы и работы время город манит доверчивых и жаждущих новых впечатлений крестьян не библиотеками и музеями, а кабаками и публичными домами. Но даже если бы у крестьян была возможность познавательного отдыха, нет никакой гарантии в том, что они предпочтут кабаку библиотеку. Монотонная и тяжелая фабричная работа, повторяющаяся изо дня в день, тяжелые условия жизни, невозможность уединения – все это толкает людей к примитивным и жестоким развлечениям, в которых они ищут возможность хотя бы на время забыть о своих тяготах.

Меньшиков не пытался закрывать глаза на то, что в России идет бурное развитие капитализма. Он предупреждал что, вступив на этот путь, Империя не застрахована от тех социальных потрясений, которые уже вызвал рабочий вопрос на Западе. Рисую в мрачных красках положение парижского рабочего, он вовсе не связывает названные им проблемы исключительно с Европой. В России реальность жизни рабочего не менее удручающая. Вместо своего дома, где ты хозяин – чужое помещение, где живут и чужие люди. Вместо здоровой и крепкой семьи – невозможность нормальной личной жизни. Отсюда – психология бродяги и люмпена; человека ни к чему не привязанного, которого окружают чужие люди и вещи. К этому добавляется ощущение себя человеком, оторванным от «корней» и «выброшенным» во враждебный и жестокий мир. На работе приходится делать то, что прикажут, не имея и не чувствуя личной заинтересованности в своем труде. О каком чувстве собственника и хозяина можно говорить в этом случае? «Инстинкт собственности в его чистой, благородной форме доступен только человеку, выделяющему предметы собственности для себя, а не покупающему их за деньги...»⁹. Только та вещь истинно своя, в которую вложена часть самого себя...»⁹.

Меньшиков констатировал, что деревенская народная культура общения со всеми ее положительными и отрицательными чертами неизбежно уходит в прошлое. А значит, в капиталистическом обществе будет строиться новая культура и новая система взаимоотношений. На смену общению приходит конкуренция; а вместо дружеской помощи – эгоизм. Все основано на деньгах и связью между людьми служит не возможность «душевного проникновения в интересы друг-друга», а исключительно деловое партнерство. Помимо физического и нравственного вырождения рабочему, с точки зрения Меньшикова, грозит и умственное вырождение. При кажущейся простоте крестьянского труда, земледельцу надо постоянно упражнять свой ум, а ленивому и нерасторопному крестьянину грозит потеря урожая. Рабочему для

выполнения своей деятельности, достаточно слепо осуществлять ежедневный набор определенных механических движений. Меньшиков писал и о негативном влиянии работы в городе на религиозность. Вера, по его мнению, сугубо «деревенское» явление, присущее традиционному обществу в России или в Европе, без разницы¹⁰. В буржуазном обществе религиозность неизбежно будет ослабевать.

В отличие от крестьянина, живущего в единстве с природой, рабочий живет среди грохота машин, ютится в жалких помещениях, ходит по улицам, с многоэтажными домами, за которыми не видно солнца¹¹. Не случайно Меньшиков сравнивает фабрику с огненным, гремящим адом. Поставленное во главу угла материальное благополучие приводит, в конечном счете, к тому, что человек становится безразличным ко всему тому, что не связано с приобретением или тратой денег. О таком обществе предупреждал не только Меньшиков. Его отразил в своих романах Ф.М. Достоевский. Именно такое общество описал французский писатель Луи-Фердинанд Селин, отринувший «холодное, дребезжащее безумие» капитализма в романе «Путешествие на край ночи». О каких правах личности можно говорить, если все поставлено в унижительную зависимость друг от друга: «Человек на фабрике весь в руках человека, который весь в руках своего старшего и т.д., вплоть до главного хозяина, который весь в руках рынка или биржи, существа слепого и жадного, и как все мертвое – неумолимого»¹².

Рассуждения о гибельности городской культуры Меньшиков заканчивал призывом перехода к деревенской цивилизации, в чем, несомненно, сказались его толстовские симпатии, но это не значит, что он идеализировал современную ему деревню, которая, по его мнению, была «отравлена» городской культурой. Прогресс и здесь проявил себе не лучшим образом. Все измельчало. С искоренением крупных пороков исчезли и крупные добродетели. На смену волевым представителям русского крестьянства, способным и на бунт, и на подвиг (мы бы сейчас назвали их «пассионариями») пришли их слабые потомки, способные только к пьянству и разврату, и мечтающие при первой возможности уехать из деревни в большие города, не уважающие традиции и веру предков. Отмечая исчезновение в народе привычки к труду, Меньшиков критиковал общину и поддерживал столыпинскую «ставку на сильного», считая индивидуальное хозяйство «единственно разумным». Он писал, что с переходом «от общинного владения к подворному с расселением деревень на поселки» удастся выйти из кризиса. В первую очередь государство должно помогать сильному хозяину, профессионалу и человеку дела, а «русский человек не любит регулярной работы изо дня в день, как привыкли западные европейцы... Русский человек готов сегодня себя замучить на страде, лишь бы завтра ему был предоставлен полный праздник... Невозможно нам брать западную цивилизацию и оставлять

прежние методы труда»¹³. После того, как наиболее трудолюбивые крестьяне получили возможность выходить на отруба, в общине останутся только те, кто не может или не хочет работать, останутся «люди стада». Такая община должна или изжить сама себя или же сделать все что бы «задушить» более преуспевающего соседа – собственника. Предвидя подобное развитие ситуации, Меньшиков предупреждал о неизбежной волне террора против «кулаков», не жалея черных красок и саркастических эпитетов, подробно описывал деревенскую «жизнь на виду», дикие нравы улицы, пренебрежение крестьян к чужой собственности.

Согласно Меньшикову, причиной нищеты (в крестьянской и рабочей среде) являлось нерациональное использование крестьянами земельных наделов, пьянство, нежелание и неумение работать. О необходимости просвещения и борьбы с пороками говорили многие монархисты и отчасти их рассуждения были небеспочвенными. «Оставить народ гнить в пьянстве и затевать какие-либо великие реформы так же глупо, как на гнилой канве вышивать жемчугом», писал Меньшиков¹⁴. Призывая к просвещению рабочих, он крайне негативно реагировал на любые проявления явления, им «социальной завистью». Характерной в этом плане является его статья Меньшикова «Хозяева и работники», в которой он доказывал взаимозависимость рабочих и капиталистов. Если бы рабочие могли быть хозяевами – они стали бы ими, но организаторский и хозяйственный талант – это удел избранных. За буржуазно-капиталистической роскошью «рабочие не видят авторов капитала, скромных тружеников, почти таких же чернорабочих, как они сами»¹⁵. Последующие поколения буржуазии придут уже на подготовленную почву, но это будет потом, а пока в России капитал только становится на ноги, а без рабочих капитал существовать не может. Но и рабочие не могут существовать без капитала и для улучшений условий своего существования пролетариат должен не бастовать, а работать. «Высокая плата возможна при серьезном накоплении капитала и непрерывном его развитии. Она возможна при том лишь условии, когда рабочие будут смотреть на хозяйский капитал как на свой собственный и оберегать его от всяких потрясений»¹⁶.

Не оправдывая злоупотребления отдельных предпринимателей, и даже призывая к уголовному преследованию хозяев – «расточителей капитала», Меньшиков подчеркивал, что рабочие выступления зачастую вызываются «не столько действительной нуждой, сколько искусственно привитой социальной завистью, соблазнами более широкой жизни, тщеславным стремлением к равенству с хозяевами»¹⁷. Уступки забастовщикам формируют у последних психологию иждивенцев, привыкших во всех своих бедах обвинять не себя, а работодателей. В качестве альтернативы стачечному движению Меньшиков предлагал «прививать» пролетариату «ослабленные культуры» того же микроба буржуазности. Т.е. со временем превращать рабочих в буржуа.

Всевозможные сберегательные кассы, кооперативы, учреждения мелкого кредита, страховые премии, участие в пенсионных фондах и пр. – все это делало пролетариев маленькими капиталистами, зажиточными буржуа¹⁸. Аналогично рассуждал и Л.А. Тихомиров, считавший, что рабочие будут постепенно становиться пайщиками своих предприятий и получать проценты от акций¹⁹.

Осознавая невозможность социальной гармонии, Меньшиков пришел к выводу, что на смену отмененному в 1861 году крепостному праву приходят новые «крепостнические отношения со стороны сильных людей». Промышленникам приходится платить больше налогов, нести определенные обязанности перед государством, следовательно, те, кто принадлежит к низшим слоям общества и имеет меньше обязанностей, получает и меньше прав. Разумеется, должны действовать общегосударственные правовые нормы, но во имя государственного блага «худшие должны подчиняться лучшим». Лучшие – это не те, у кого есть власть и деньги, а те, кто более профессионален, умен и трудолюбив. Те, кто путем «честного соперничества» смог составить себе капитал и «выбиться в люди». Меньшиков надеялся, что в итоге в России произойдет расслоение внутри рабочей среды и сами рабочие смогут отделить от себя своих опустившихся и выродившихся собратьев-люмпенов, которые попали в число неудачников не по вине хозяев-капиталистов, а лишь по своей собственной неспособности к труду. Беда не столько в том, что есть привилегированные слои, социальное неравенство и иерархия, а в том, что в народе потеряна вера в труд и привычка к систематическому, кропотливому труду. Эту привычку нужно воспитывать. Без ущерба для будущих поколений, государство может покровительствовать только детям и глубоким старикам, не способным работать. Поскольку рост пролетариата неизбежен, то государство не должно давать ему поддержку «в виде общественной и государственной благотворительности», поскольку пролетарии – профессионалы это «обыкновенно вырожденцы. Мешать им вырождаться – грех перед природой»²⁰. Меньшиков почти буквально воспроизводил некоторые из формулировок Фридриха Ницше, утверждая, что в начале XX века «развились ложная чувствительность, лицемерие, сострадание всему уродливому и падшему... Одряхлевшая наша государственность уже давно – уже более полувека – сделалась служением слабости, и сильные начала жизни чувствуют себя жертвой слабых»²¹. Может показаться, что эти слова плохо согласуются с проклятьями, посылаемыми Меньшиков городской цивилизации, и в его взглядах, действительно много спорного. Но и сам период становления российского капитализма был насыщен противоречиями. Мечтая о «прививке» рабочим буржуазности, Меньшиков ненавидел буржуазию. Идеализируя деревенский уклад, понимал, что «традиционная» деревня осталась в прошлом. Он мечтал о новой иерархии, когда в каждом

социальном слое будут выдвигаться только лучшие, прошедшие отбор и составившие в итоге новую аристократию не по знатности предков, а по своим собственным заслугам.

Уже после крушения самодержавия, в марте 1917 года выходят два материала Меншикова «Речи к народу». По мнению историка П.И. Шлемина, в них публицист «фальшивил и постыдно заискивал перед толпой»²². Предположу, что это было просто признанием реалий времени. Меншиков призывал депутатов думы и сенаторов, профессоров и выходцев «из глубины народа» раскрыть глаза массам на то, что враг (т.е. немцы) у ворот. Патриотические «воззвания... М.В. Родзянко, А.И. Гучкова, генералов Брусилова и Радко-Дмитриева, В.М. Пуришкевича и пр. – их мало напечатать в газетах, их надо распространить в тысячах летучих листков»²³. Он вовсе не заискивал, когда писал: «В борьбе за жизнь бессильна и ученая аристократия, и средний класс. Мировая катастрофа так сложилась, что участь народов решают два класса: воюющие солдаты и работающие рабочие. Горе тем народам, у которых окажутся невоюющие солдаты и неработающие рабочие»²⁴. Вторая часть материала «Речи к народу» заканчивалась призывом: «Если теперь в ближайшие недели и месяцы мы не отстоим себя от напора немцев, то похороним народную свободу надолго, может быть навсегда»²⁵.

20 мая 1917 года другой русский националист В.В. Шульгин произнес на частном совещании членов Думы речь с оценкой ситуации в стране: «Мне кажется, что мы находимся в периоде массового помешательства... В самом деле, посмотрите, гг., что делается. Безусловно, какое-то психическое поветрие бежит по стране... Вот люди приходят и говорят: прибавьте нам столько. Им на это возражают: вы остановите предприятие, ваших прибавок не могут предприятия выдержать, – а они на это отвечают: вы врете, выдержат. ...Когда им на это отвечают: ну, так возьмите предприятие и хозяйничайте сами, они отвечают: нет, гг. капиталисты, тут нас не проведешь – предприятие-то мы возьмем, но вас цепочкой к ним прикуем и принудительной повинностью вы будете в этих предприятиях хозяйничать. И это, гг., объявивши свободу стачек, хлебнувши свободы в полной мере, хотят основываться на рабском труде. Вот где мы, во власти какой психологии мы находимся. Гг., причины здесь сложные. Одна причина, я бы сказал, это все-таки значительное невежество в социальных вопросах. Ведь этим людям твердили, Бог знает, сколько лет, что все дело в капиталистах, и никто никогда не догадался им сказать, что если все разделить и переделить, то все-таки Россия будет бедная страна и все-таки роскошно жить не придется. Такие простые истины не проповедовались. Их нужно сейчас говорить впервые, как новые открытия. И когда вы это скажете, то вам скажут, что вы буржуй, а потом изменник или еще какой-нибудь

соответственный эпитет и, только попробовав сами, начнут понимать, что это так и есть. Это одна причина, а другая причина, может быть, еще более сложная. Гг., что делалось год или полгода тому назад. Вспомните это бессовестное обирание казны со всех сторон, кто во что горазд. Вспомните, как одиноки были те голоса, которые говорили, что роскошь во время войны недопустима, что стыдно ходить по улицам разодетыми до такой степени, как мы это наблюдали. Гг., эти крики остались воплями вопиющих в пустыне. К кому они были обращены? Гг., увы, это была буржуазия и не только буржуазия верхов, это была и демократическая буржуазия. Она в то время переживала, так сказать, свой пир во время чумы. Это какое-то специально русское бесшабашное учение – хоть день да мой. Вот это и дало свои плоды. Из этого класса это теперь перекочевало в другой социальный класс, это перешло в пролетариат. И сейчас именно в пролетариате наблюдается эта безрассудная жажда бумажек... Эта жажда такая неразумная безрассудная жажда наживы, она должна, по-видимому, обойти все классы русского населения. И вот, когда эта лихорадка всех перетрясет, тогда получится тот результат, который нужен. Тогда проклянут религию брюха, которая говорит: все возьми себе. Тогда воцарится религия духа, которая говорит: все отдай для государства. Когда эта религия восстановится, тогда начнется спасение России. Тогда увидят, что государство это не есть каприз, это не есть чья-то выдумка, это есть совершенная необходимость. Тогда увидят, что, чтобы спастись каждому отдельному человеку, нужно восстановить общее, т.е. государство. Я утверждаю, что эта религия духа восстановится. Но какими жертвами – этого никто не знает»²⁶. 3 июня в очередном выступлении он говорит о неготовности народа к демократии: «Толпа, народ, не подготовленный политически, воспринимает эту мысль очень наивно и до конца: войну устроили капиталисты – значит, прежде всего, русские капиталисты»²⁷.

После Октябрьской революции Меньшиков писал: «Если нынешняя буржуазия сдает свои позиции черни, стало быть этим и будет доказана ее слабость, ее непригодность к посту власти. В формулу истинного аристократизма должны входить... способность 1) работать по 16 часов в сутки, 2) выносить всякую погоду, 3) не бояться никакой опасности, 4) одолевая настойчиво всякие трудности, 5) радоваться, как древние герои и витязи, что судьба посылает сильного врага, *искать* его, а не прятаться от него»²⁸. Нельзя изменить общество, не изменив самого человека. Даже при социализме, предупреждал Меньшиков, государству придется иметь дело с теми же людьми, что и раньше. Из огненной купели революции неизбежно возникнет новая иерархия. Придут новые хозяева и для того, что бы сохранить отнятый у буржуазии капитал, придется «не только не увеличивать платы рабочим, когда не из чего ее увеличивать, но прямо уменьшать ее, когда это становится необходимым... в будущем

социалистическом строе рабочим... придется искать хозяев и, найдя их, подчиняться им почти на тех же условиях, как и теперь»²⁹. Допуская возможность практического воплощения в жизнь социалистических идей, Меньшиков подчеркивал, что это воплощение явилось бы торжеством посредственности. 25 июня 1918 г. он запишет: «Истинное призвание капитала – обслуживать народные массы, обслуживать ту ферму, к-рая называется земным шаром... Иллюзия самодержавия капиталиста совершенно та же, что иллюзия политического самодержавия: капиталист – монарх, который более связан природой подданных, чем они сами: “Да, но все-таки капиталист – монарх, все-таки он имеет хотя бы иллюзорные, но права на капитал, право увеличения, направления, рассеяния, уничтожения капитала”, – скажете вы. Верно, но исследуйте, насколько это право призрачно и насколько реально. Толкаемый иллюзией собственности, капиталист, конечно, делает все для благополучия своего капитала, для нарастания его. Но всегда ли удается ему это – большой вопрос. А когда удается, то не должны ли мы, посторонние, быть благодарны капиталисту за его усилия, повторяю, нередко каторжные, обеспечить благополучие капитала? Ведь это **наша общая** машина! Она работает для нас. В каком бы направлении ни работала... – она работает для нас. И накапливаясь, и распадаясь капитал не выходит из службы обществу»³⁰. Меньшиков полагал, что если уж природа создала тип хозяина, то нужно беречь этот тип, но только в том случае, если хозяин вкладывает весь свой труд в общее дело. «Большинство – работники, меньшинство – хозяева. Вместо глупейшего раздора между ними необходимо согласие, вот и все. Что же делать? Т.е. что **следует** делать вместо разрушительной войны всех против всех? Я думаю, все благоразумные люди должны стараться не мешать природе, а помогать ей благим намерениям. Если она создала тип хозяина, то и нужно оберегать его, как такового»³¹.

М.О. Меньшиков был расстрелян в 1918 году, В.В. Шульгин эмигрировал в 1920 и продолжил писать. В книге «Нечто фантастическое» он (1922 г.) предложил план преобразования России, включавший привлечение иностранных капиталов и предпринимателей, а также восстановление частной собственности. Он писал: «Я убежден, что в России огромные казенные предприятия имеют все шансы на успех», но «это вовсе не социализм. Это только признание того, что при русских условиях государственное хозяйство может давать лучшие результаты, чем частная промышленность, которая у нас в высшей степени слаба»³². Он предлагал обеспечить социальную поддержку рабочим и создать возможность здоровой конкуренции предпринимателям.

Можно констатировать, что русские националисты, в отличие от монархически настроенных священников и черносотенцев, обращаясь к рабочему вопросу, практически не затрагивали религиозной

составляющей, не призывали к христианской благотворительности и т.п. Этим они отличались, например, от Н.П. Розанова, полагавшего, что неправильно требовать повышения зарплаты, так как Христос ничего об этом не говорил, или протоиерея И.Г. Айвазова обращавшегося к идее постепенного “просветления” социального поведения людей силой религии; и уж тем более от А.И. Дубровина, рекомендовавшего беднякам в целях экономии употреблять морковный чай вместо китайского³³. М.О. Меньшиков, В.В. Шульгин и другие видные представители русского национализма уже были носителями буржуазно-капиталистической идеологии, исходя в своем отношении к рабочему вопросу именно из данных принципов.

¹ См.: *Сысоева Е.К.* Политика идеологического воздействия черносотенных партий на рабочих в годы первой русской революции: по материалам Москвы и Московской губернии. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1978; *Сур Дж.* Союз русского народа и петербургские рабочие в 1906 г. (два документа) // Национальная правая прежде и теперь. Историко-социологические очерки. Приложения к частям I – III. СПб., 1992. С. 131–147; *Степанов С.А.* Рабочие и черносотенные организации. 1905 – 1917 годы // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций 1861 – февраль 1917 г. СПб., 1997 С. 367–378; *Белов А.М.* Политические партии и рабочие Центрального промышленного района в революции 1905–1907 годов. Кострома, 1997; *Бойко Т.В.* Рабочий России и культура: полемика на страницах консервативной и либеральной периодики начала XX века. М., 1997; *Репников А.В.* Социальная проблематика в работах русских консерваторов начала XX века // Призвание историка. Проблемы духовной и политической жизни России: Сборник статей. К 60-летию профессора, доктора исторических наук В.В. Шелохаева. М., 2001. С. 202–220; *Он же.* Рабочий вопрос в «зеркале» монархической публицистики // Рабочие – предприниматели – власть в XX веке. Кострома, 2005. Ч. 2. С. 14–20; *Он же.* Консервативные концепции переустройства России. М., 2007; *Розенталь И.С.* Москва на перепутье: Власть и общество в 1905 – 1914 гг. М., 2004. С. 82–112; *Максимов К. В.* Патриотическое общество мастеровых и рабочих Уфимских железнодорожных мастерских (1905 – 1917 гг.). Уфа, 2003; *Он же.* Монархическое движение в России: 1905 – 1917 гг. (на материалах Уфимской губернии). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2004; *Богомолов А.И.* Монархисты, рабочие и «политика»: Смена политической принадлежности как язык общения с властью в начале XX в. // Герценовские чтения 2006. Актуальные проблемы социальных наук. СПб., 2006. С. 80–82; *Он же.* Уральские рабочие-монархисты в 1900–1919 гг.: механизмы эволюции политических взглядов. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2007 и др.

² *Лукьянов М.Н.* Российский консерватизм и реформа, 1907–1914. Пермь, 2001. С. 135.

³ *Омельянчук И.В.* Рабочий вопрос в идеологии и практике российских консерваторов начала XX в. // Вопросы истории. 2010. № 3. С. 34–35.

⁴ См.: *Омельянчук И.В.* О месте Всероссийского национального союза в партийной системе начала XX в. // Вопросы истории 2008. № 4. С. 95–104; *Иванов А.А.* Были ли русские националисты черносотенцами? (О статье И.В. Омельянчука) // Вопросы истории. 2008. № 11. С. 171–175.

⁵ Цит. по: *Коцюбинский Д.А.* Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001. С. 394.

⁶ *Меньшиков М.О.* Из писем к ближним. М., 1991. С. 165.

⁷ *Меньшиков М.О.* Думы о счастье. Ставрополь, 1995. С. 127.

⁸ Там же. С. 85.

⁹ Там же. С. 91.

¹⁰ См. фундаментальные работы А.Я. Гуревича: *Гуревич А.Я.* Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981; *Он же.* Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990.

¹¹ Сравните с наблюдением молодого Н.Я. Данилевского, отмечавшего, что в жителях больших городов «где общественные отношения так многосложны, где человек всегда и везде окружен делами рук своих, где само небо является ему не в виде всеобъемлющего, сверкающего лазурью, или живописно-разбросанными облаками купола, а в виде каких-то сферических треугольников и четверугольников» развивается препятствующее глубокому общению с природой чувство эгоизма. // Цит. по: *Бажов С.И.* Философия истории Н.Я. Данилевского. М., 1997. С. 24. Критика урбанизации и мегаполисов в сочетании с идеализацией крестьянства была характерна и для немецких националистов, что нашло отражение в работах идеологов национал-социализма: «Города растут, портят народности нервы, рвут нити, связывающие человека с природой, привлекают авантюристов и дельцов всех мастей, способствуя тем самым образованию расового хаоса ... Шпенглер пророчит 20 миллионные города и вымершую деревню как наш конец, Ратенау изобразил каменные пустыни и “жалких жителей” немецких городов как будущее, которое приведет к подневольному труду в пользу сильных иностранных государств ... остается только один выбор “добровольно” встретить жалкий конец на асфальте или “принудительно” процветать на селе или в небольшом городе» // *Розенберг А.* Миф XX века. Оценка духовно-интеллектуальной борьбы фигур нашего времени. Tallinn, 1998. С. 401. Подробнее см.: *Панэтов О.Г.* Идеологема «земля» в Третьем Рейхе (в контексте кожиновской темы «Россия и мир во время Второй мировой войны») // Наследие В.В. Кожина и актуальные проблемы критики, литературоведения, истории, философии в изменяющейся России: Материалы 5-й Международной научно-практической конференции. Армавир, 2006. Ч. 2. С. 50–58.

¹² *Меньшиков М.О.* Думы о счастье. С. 94–95.

¹³ *Меньшиков М.О.* Забастовка // Новое время. 1909. 4 июня.

¹⁴ *Меньшиков М. О.* Пьяный бюджет // Новое время. 1907. 2 июня.

¹⁵ *Меньшиков М.О.* Письма к русской нации. М., 1999. С. 161.

¹⁶ Там же. С. 162.

¹⁷ *Меньшиков М.О.* Невоспитанный народ // Новое время. 1913. 26 сентября.

¹⁸ *Меньшиков М.О.* Рост раздора // Новое время. 1914. 12 апреля.

¹⁹ См.: *Репников А.В., Милевский О.А.* Две жизни Льва Тихомирова. М., 2011. С. 387–389

²⁰ *Меньшиков М.О.* Собиратели земли. // Новое время. 1908. 6 декабря.

²¹ *Меньшиков М.О.* Тирания слабых // Новое время, 1908. 9 декабря.

²² *Шлемин П.И. М.О. Меньшиков: мысли о России.* М., 1997. С. 248.

²³ *Меньшиков М.О.* Речи к народу // Новое время. 1917. 11 марта.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Стенографический отчет частного совещания членов Государственной думы (четвертого созыва). 20 мая 1917 года. Б.м., б.г. С. 18–19.

²⁷ Стенографический отчет частного совещания членов Государственной думы (четвертого созыва). 3 июня 1917 г. Б.м., б.г. С. 21.

²⁸ Российский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX века). М.О. Меньшиков. Материалы к биографии. М., 1993. Вып. IV. С. 51.

²⁹ Меньшиков М.О. Письма к русской нации. С. 160; 161.

³⁰ Российский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв.). С. 76.

³¹ Там же. С. 77.

³² Шульгин В.В. Нечто фантастическое. София, 1922. С. 43–44.

³³ См. главу «Социализм и рабочее движение в системе мировоззрения националистов» // Елисеев А.В. Социально-экономические воззрения русских националистов начала XX века. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1997.

Н.Г. Карнишина

Национальный вопрос в общественно-политическом процессе России начала XX века

Национальный вопрос в начале XX века трактовался русскими государствоведами, политиками и публицистами, как с точки зрения государственного устройства Российской империи, положения национальных окраин, так и в контексте общей национальной идеи.

Правовед С.А. Корф объяснил подобный широкий подход тем обстоятельством, что «имперское единение в наши дни достигается единственно факторами экономическими, социальными и духовно-культурными»¹.

Публицист Я.Г. Емельянов обосновал возросший интерес в обществе к данным проблемам политическими обстоятельствами. Он писал в журнале «Юридический вестник»: «Мировая война выдвинула и поставила на очередь целый ряд проблем международного и государственного права. Многие из них, решавшиеся до сих пор политиками и публицистами чисто теоретически, превратились в настоящее время в жизненные и практические вопросы»².

Наконец, безусловно, Манифест 17 октября 1905 г. и последовавшие за ним изменения в государственном и общественном устройстве сыграли немаловажную роль в усилении интереса к проблемам национально-территориального устройства Российской империи.

З.Ф. Авалов в статье «Областные сеймы. Федерализм» отметил доминировавшие в 1905-1906 гг. тенденции в общественно-политической жизни России. По его мнению, «...переход к конституционализму неизбежно сопровождается критическим пересмотром всех отдельных отраслей и частей государственного управления. Там, где несколько наций бьются в тенетах одного государства или где области, более или менее значительные по размерам и культурности, начинают задумываться над

¹ © Н.Г. Карнишина, 2012

своим положением, перед нами скоро вырисовывается чарующий идеал федерализма.

Помимо всякой оценки, народ смотрит на государство, на власть, как на свое нечто; он видит здесь отблески своей идеи, служение своим нуждам, он говорит: наш государь, наш министр, наши финансы, наша армия, наши владения в Азии.... Такая связь есть факт лишь для национального большинства (точнее, для преобладающей нации); ее не существует для инородного меньшинства. А так как «меньшинством» могут быть целые народы, то они, в виде (упоминаемого часто в скобках) исключения, оказываются в государстве на положении чужих, а не своих»³.

Как в научной среде государствоведов, так и в общественно-политических кругах четко обозначились два лагеря: с одной стороны, сторонники идеи «неделимой державной империи», с другой – конституционалисты с теорией союзного государства.

Сторонники первого подхода исходили из понимания незыблемости Российской империи. Государствоведы А.В. Романович-Славатинский, М.Н. Ступин подчеркивали: «Современное государственное устройство страны может быть или в полном соответствии с прошлым, т.е. являться лишь естественным развитием прежнего устройства, вследствие прежнего выроста страны территориального, экономического и культурного или же быть в полном или частичном противоречии с прошлым, т.е. являться обоснованным не на присущих народу и укоренившихся в нем в течение его жизни взглядах на существо государственного порядка, а на таких началах, которые идут в разрез с народными взглядами»⁴.

Теория союзного государства в русском правоведении конца XIX – начала XX вв. получила свое развитие в трудах Н.И. Лазаревского, С.А. Котляревского, А.Д. Градовского, Б.Н. Чичерина, Н.М. Коркунова, А.С. Ященко.

А.Д. Градовский в своих статьях подчеркивал, что «разнообразие национальных особенностей есть коренное условие правильного хода общечеловеческой цивилизации». По мнению ученого, нужно не подавлять и сглаживать национальные различия и особенности, а, наоборот, создавать условия для нормального и самобытного существования и развития народов. Важнейшим из таких условий он считал политическую самостоятельность народа, наличие у него национальной государственности⁵.

В статье «Государство и народность» правовед привел следующие доводы: «Группа лиц, поставленная в условия национального развития, сделавшаяся народностью, неизбежно вырабатывает два понятия, имеющие неотразимое влияние на ее внешнюю и внутреннюю жизнь, – понятие о своем единстве и о своей независимости. Понятие о единстве есть не что иное, как сознание своей собирательной личности, своего «я»

между другими народами. Понятие независимости есть требование свободы, оригинальности, самостоятельности во внешнем и внутреннем развитии. Другими словами, понятие о единстве построено на сознании полной общности интересов и оригинальности общей всем творческой силы; требование независимости вытекает из сознания своего права на проявление этой творческой силы в самостоятельной культуре, в оригинальном историческом развитии. И то и другое понятие растет вместе с историей каждого народа, действуя первоначально как темный инстинкт, потом как сознательная идея».

А.Д. Градовский писал: «Национальная теория видит условия народного прогресса не в той или другой комбинации государственных форм, не в том или другом сочетании частей государственного механизма, а в возрождении духовных сил народа, в его самосознании и обновлении его идеалов».

Ход рассуждений автора строится на признании двух типов государств: однородных в отношении всех своих элементов и государства, состоящие из различных народностей, сохранивших воспоминание о своей самостоятельности и беспрерывно стремящихся к ней. По его мнению, «каждая народность, т.е. совокупность лиц, А.Д. Градовский исходил из тезиса, что каждая народность, т.е. «совокупность лиц, связанных единством происхождения, языка, цивилизации и исторического прошлого, имеет право образовать особую политическую единицу, т.е. особое государство. Народности, утратившие свою политическую самостоятельность, делаются служебным материалом для других рас»⁶.

Н.М. Коркунов справедливо сделал вывод о том, что обособление окраин зачастую вело к сохранению там отживших и устарелых государственных институтов. Автор подчеркивал бесперспективность унии в монархическом государстве. Он писал: «Уния, как форма соединения государств, есть наследие старины, лишённое будущности. Она не выражает собой стремления к национальному единству и, предполагая полную независимость и обособленность составляющих ее государств, не может дать такого единства. В современных условиях государственной жизни уния является малоподходящей формой. Резкое обособление политических и частноправовых отношений, широкое развитие общественной жизни, решительное преобладание национальных интересов над династическими – все это делает теперь унию совершенно непригодной формой соединения государств. Современным условиям государственной жизни может соответствовать не случайное соединение, какова уния, а обусловленные общностью народных интересов и стремлений политические соединения самих государств»⁷.

С.А. Котляревский в работе «Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзор»⁸ ссылается на Г. Еллинека, который для объяснения переходных политических форм создал теорию так

называемых «государственных фрагментов». При этом автор призывал исходить из различия между самоуправляющейся частью унитарного государства и государством, входящим в федерацию.

Н.И. Лазаревский национальный вопрос решал в совокупности с проблемой автономии. Он писал: «С точки зрения интересов населения автономия является средством приведения местного управления в согласие с взглядами и требованиями населения. Автономия, прежде всего, делает возможным ведение управления на местном языке. Затем, если какая-либо местность представляет те или иные культурные или бытовые особенности, то автономия является единственным возможным средством считаться в делах местного управления с этими особенностями и приспособляться к ним, ибо централизованное управление на это безусловно неспособно. А между тем приемы управления, не только в смысле избрания тех или других способов действия в пределах закона, но и по многим вопросам и в смысле самого содержания законов, несомненно, должны считаться с местными особенностями: под одни и те же мерки нельзя безнаказанно, не насилуя население, подводить и великоруса, и черкеса, и поляка.

Не менее существенно и то, что народ, имевший свое политическое прошлое, обладающий известными историческими традициями, всегда будет стремиться иметь свое управление, и в том управлении, которое всецело определяется из центра, и всецело проникнуто его духом, всегда будет видеть нечто чужое, всегда будет видеть в нем угнетение своей национальности.

С точки зрения национальности, не образующей отдельного государства, но чувствующей свою культурную обособленность, имеющий свои исторические воспоминания, имеющий свой язык и при том в территориальном отношении представляющей известное целое, - стремление к автономии вполне понятно⁹.

С.А. Корф писал: «Главнейший вывод, который можно сделать из истории развития федерализма следующий: каждый народ, каждая национальность естественно стремятся к возможно полной самостоятельности, когда несколько народностей соединено в одно целое (например, государство старого режима), каждая из них проявляет центробежные или сепаратистские идеалы и наклонности, но как только им обеспечивается внутренняя самостоятельность, возможность правотворчества и гарантия собственного культурного развития, так центробежные силы сменяются центростремительными и начинается процесс объединения на основе федерализма»¹⁰.

А.С. Яценко сделал вывод, что «в России федерализм мыслим лишь как дробление единой суверенной власти. И потому он должен быть, безусловно, осужден. При этом следует отметить, что А. Яценко трактовал унию как особую форму конфедеративных государственных соединений,

т.е., по сути, соединение двух обособленных государств, имеющих одного и того же монарха. Такая категория применительно к Польше и Финляндии им не применялась. Конфедерация (союз государств) определялась в общем плане как особый вид государственного образования, отличающийся от федерации (союзного государства) более слабой степенью централизации¹¹.

Применительно к ситуации начала XX века А.С. Ященко сформулировал вывод, с которым было согласно большинство правоведов и политиков. Он писал: «Нужно, безусловно, высказаться против национальной децентрализации России. Области с нерусским населением составляют окраины и имеют ничтожное значение по сравнению с общей массой имперского населения, которое ни в каких федеральных и договорных отношениях с этими областями быть не может. Россия есть страна с преобладающим, громадное большинство составляющим русским населением и с незначительным меньшинством инородческим»¹².

Выступая, с одной стороны, против политики русификации национальных территорий, с другой стороны, авторы поддерживали унификаторский курс центральной власти по отношению к окраинам. По их мнению, национальная теория государства признает солидарность, неразрывную связь между всеми элементами политической народности, как правительственными, так и общественными. Она не предполагает в качестве элементов враждебных и исключаящих друг друга – личности и государства, общества и государства. При этом мы не видим четкой грани между консерватизмом, либерализмом и прочими течениями в поисках путей решения национального вопроса. Настолько сложным и болезненным являлся национальный вопрос в России, что его трактовка с позиций территориальных, этно-конфессиональных, внутри- и внешнеполитических выступала своего рода «лакмусовой бумагой» в прояснении истинных взглядов автора. При этом не имело значения, был он публицистом, государственным деятелем или ученым – правоведом.

¹ Корф С.А. Автономные колонии Великобритании. Спб., 1914.С.433.

² Емельянов Я.Г. К предстоящему государственно-правовому устройству Польши//Юридический вестник. М., 1914. Кн. VII-VIII. С.311.

³ Конституционное государство. Сост. З. Авалов, В.В.Водовозов, В.М.Гессен. М., 1905.С. 350.

⁴ Романович – Славатинский А.В. Система русского государственного права в его историко-догматическом развитии. Киев, Спб., 1886.С.98; М.Н.Ступин Основы государственного устройства России и государственного права русского народа в прошлом и настоящем. Спб., 1905. С. VII.

⁵ Градовский А.Д. Сочинения/ А.Д.Градовский.- Спб., 2001.- С.55. Градовский А.Д. Национальный вопрос в истории и в литературе/ А.Д.Градовский.- Спб., 1872.- Т. VI. – С. 80.

⁶ Градовский А. Национальный вопрос в истории и в литературе. М., 2009.-С.29.

⁷ Коркунов Н.М. Русское государственное право/ Н.М.Коркунов.- Изд. 7-е.- СПб., 143.

⁸ Котляревский С.А. Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора.- СПб., 1907.- С.58.

⁹ Н.И.Лазаревский. Указ. соч. – С. 256. ; Лазаревский Н.И. Русское государственное право. Т.1. Конституционное право. Вып.1. Пг., 1917.С.231. Лазаревский Н.И. Русское государственное право. -Т. 1. - СПб., 1913;

¹⁰ Корф С.А. Федерализм.-Пг., 1917.-С.80.

¹¹ Ященко А.С. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. – Юрьев, 1912.- С. 786.

¹² Ященко А.С. Указ. соч. – С.775.

Омельянчук И.В.

Политический традиционализм в рабочей среде в 1905-1907 гг.

Одним из результатов Первой русской революции стало организационное оформление «реакционного» (ответного) монархического (черносотенного) движения. В отличие от своих оппонентов из революционного и либерального лагерей, носивших достаточно ярко выраженный классовый характер, монархическое движение в России имело надклассовый характер, будучи всеобщим. Примером такой всеобщности, может являться достаточно широкое участие в правом движении представителей пролетариата.

Уже весной 1905 г. в Кишиневе «среди русских рабочих» возник «патриотический кружок», ставивший «своей целью противодействие революционной пропаганде». Число его участников к лету достигло 800 человек¹. В документах Департамента полиции за лето 1905 г. упоминается действовавшая в Тифлисе Лига русских патриотов, в которую входило до 1000 рабочих, а также группа рабочих железнодорожных мастерских станции Великие Луки, именующая себя «Русской национальной партией»².

В конце 1905 г. в Киеве было создано «Содружество Патриотических русских рабочих», впоследствии переименованное в Союз русских рабочих (СРР). Со временем этот Союз превратился во всероссийскую монархическую организацию. В 1906 г. по данным Департамента общих дел МВД, Киевский отдел СРР насчитывал в своем составе около 3000 рабочих³, а к декабрю 1907 г., согласно донесению киевского вице-губернатора, организация в своих рядах объединяла уже 6500 человек⁴. Имеются сведения о существовании 22 отделов СРР – в Петербурге; в Волынской губернии в Бердичеве; в Екатеринославской – в Екатеринославе на Александровском заводе Брянского общества (около 4000 членов), Каменске (3000 членов), на рудниках Ауэрбаха (300 членов), в Александровске, Горловке, Енакиеве, Луганске и Павлограде; в

Киевской - в Чигирине (85 членов) и Смеле; в Московской – в Раменском (5000 членов); в Подольской – в Каменец-Подольске (512 членов) и в местечке Дунаевцы Ущицкого уезда (78 членов); в Таврической – в Мелитополе и Симферополе; в Харьковской – в Харькове и Славянске; в Курске (115 членов), Костроме и Ростове⁵. Данные по численному составу имеются только по 9 отделам. В них входило 19590 человек, что позволяет определить общую численность СРР как минимум в 30000 членов.

6 декабря 1905 г. в Уфе было создано Патриотическое общество мастеровых и рабочих Уфимских железнодорожных мастерских, в состав которого вошло 1200 человек⁶. К началу 1906 г. численность общества достигла уже 1400 человек, что составляло 64 % от общего числа работников предприятия⁷. С 23 декабря 1905 г. в Иваново-Вознесенске действовала Самодержавно-монархическая партия, ближайшей целью которой провозглашалось «объединение под своим знаменем рабочего и крестьянского классов»⁸. В ее составе насчитывалось по разным подсчетам от 16500 до 7500 рабочих Ивановских предприятий⁹. В начале 1907 г. в г. Михайлове (Рязанской губ.) существовал Кружок рабочих-монархистов¹⁰.

Достаточно много рабочих являлись членами самой массовой монархической организации – Союза Русского народа (СРН). Так на Путиловском заводе работало более 1500 членов этого Союза, в Экспедиции заготовления государственных бумаг еще 700 человек, Семянниковский завод и завод бывшего Розенкраца имели отделы численностью по 300 человек. Существовали организации СРН на Адмиралтейском, Ижорском, Обуховском, Балтийском заводах, Новой бумагопрядильне и Александровском вагоностроительном заводе. В Ярославле в 1906-1907 гг. отделы СРН были созданы на спичечной и табачной фабриках наследников Дунаева, на табачной фабрике «Феникс», на фабрике наследников Вахрамеева, заводах Комарова и общества Вестингауз¹¹, на Корзинкинской мануфактуре (около 2000 членов)¹². В Мытищах Московской губернии в СРН вступили около 400 местных рабочих¹³. В 1907 г. на станции Икша Дмитровского уезда той же губернии отдел СРН был создан при фабрике Покровской мануфактуры¹⁴. В Тверской губернии на Морозовской мануфактуре был создан отдел Союза истинно русских людей, насчитывавший в своем составе около 700 рабочих¹⁵. В Одессе к СРН присоединилось 600 рабочих из Партии правового порядка¹⁶. Кроме того, еще 1350 человек работало в организованных Союзом портовых артелях грузчиков¹⁷. На механическо-металлургическом заводе Краматорска (Харьковская губ.) был создан Краматорский (заводских рабочих) отдел СРН¹⁸. Существование при Харьковском отделе Союза «Кассы взаимопомощи рабочих-членов Харьковского СРН» свидетельствует об активном участии рабочих в деятельности этой организации¹⁹.

Наибольшую активность в создании монархических организаций проявили рабочие и служащие железных дорог. Уже в 1905 г. к «Тульскому союзу за Царя и порядок», ставшему впоследствии отделом СРН, «присоединились более тысячи рабочих, мастеровых, служащих всех служб станции Тула»²⁰. Несколько позже в Одессе был открыт железнодорожный отдел Союза русских людей²¹. В Киеве действовало сразу четыре железнодорожных отдела: два входили в СРН (один отдел присоединился к «обновленческой» фракции Союза, второй – к «дубровинской»), один «железнодорожный и извозопромышленный» отдел находился под эгидой Русского народного союза им. Михаила Архангела²² и еще один являлся филиалом самостоятельного Киевского СРН²³. В Москве также существовало четыре железнодорожных отдела, входивших в состав Русского монархического союза²⁴. В дальнейшем количество железнодорожных отделов СРН продолжало увеличиваться, и в работе VI Всероссийского съезда Русских Людей (Петербург, 1913 г.) приняли участие делегации уже от 38 отделов²⁵.

Такая популярность правых идей в рабочей среде имела свои объективные причины. К концу 1905 г. забастовочное движение, охватившее фактически всю страну, не могло не сказаться на благосостоянии российского пролетариата. Только в Московской губернии в 1906 г. 351 фабрика прекратила свое существование, а действовавшие сократили свои обороты на 13 миллионов рублей²⁶. Наибольшие потери от прекращения работ несли, естественно, квалифицированные рабочие, получавшие весьма высокую заработную плату. Именно они, как правило, и становились инициаторами создания монархических рабочих организаций, выступающих за возобновление производства. Дореволюционный исследователь утверждал, что в Одессе активными черносотенцами являлись «главным образом, старшие рабочие или уже пожилые, обжившиеся на заводах... и заинтересованные в том, чтобы все оставалось по старому»²⁷. Неплохо зарабатывавшие железнодорожники также не желали терять свои доходы из-за забастовок. Начальник Киевского губернского жандармского управления сообщал, что, «рабочие в железнодорожных мастерских, за исключением молодежи, все элемент консервативный»²⁸.

Но не менее активно в ряды правых организаций вступали и малоквалифицированные рабочие. Они, как правило, не имели значительных сбережений, поэтому прекращение выплаты заработной платы в связи с забастовкой делало проблематичным само их физическое существование. До начала революционных событий 1905 г., писали «Московские ведомости», «рабочий, зарабатывавший... 30 рублей в месяц жил сыто и имел сбережения в кассе», теперь же «систематические «политические» забастовки не дают ему заработать и половину того, что он ранее зарабатывал. А сбережения пришлось проесть во время

забастовок, проевши же их – голодать»²⁹.

Не следует забывать и того, что большинство малоквалифицированных рабочих являлись, как правило, недавними выходцами из деревни, сохранявшими в большинстве своем крестьянское мировоззрение, которому, как известно, свойственен не только бытовой, но и политический традиционализм. Лишь в Петербурге доля потомственных рабочих превышала половину – 53,8 %, в Ярославской же и Тульской губерниях, а также в Иваново-Вознесенском промышленном районе она составляла всего около 33 %³⁰. Приемные книги промышленных предприятий свидетельствуют, что рабочие нередко приводили за собой на фабрику не только своих детей и жену, но и других родственников, а также односельчан³¹. По воспоминаниям современников, «на фабриках и заводах мало-помалу подбирается состав рабочих из близких друг к другу волостей и даже из одной и той же волости»³². Таким образом, вместе с людьми патриархальные нравы деревенской общины переходили в город. Думается у полицейского исправника Судогодского уезда Владимирской губернии были основания в рапорте своему начальству утверждать, что «фабрично-заводские рабочие» в уезде не представляют «строго обособленной от крестьян корпорации» и живут «в условиях близких крестьянским»³³.

Таким образом, из среды промышленного пролетариата черносотенные организации рекрутировали в свои ряды, в основном, высокооплачиваемых квалифицированных рабочих и недавних выходцев из деревни, сохранявших вместе с менталитетом, свойственным аграрному обществу, и монархические иллюзии. Средний же слой фабрично-заводских рабочих, как правило, уже во втором поколении работавший на предприятии и обладавший более высоким уровнем грамотности, но не имевший доходов «рабочей аристократии», был более подвержен революционной пропаганде. Понимая иллюзорность надежд на переход в ряды «белых воротничков», эта часть рабочего класса политически была наиболее активна и чаще поддерживала освободительное движение.

Доля высокооплачиваемых квалифицированных рабочих в России в среднем составляла всего 1,1 % от общего числа занятых в промышленности, рабочих средней квалификации – около 35 % и более 60% малоквалифицированных и неквалифицированных³⁴, – то есть социальная база правых партий объективно была самой многочисленной. Например, в рабочем посаде Сормово Нижегородской губернии, насчитывавшем к 1914 г. 11 тыс. рабочих³⁵, имелись отдел и подотдел СРН общей численностью 420 человек³⁶ или около 4 % от всей численности местного пролетариата. Сложные технологические процессы на предприятиях общества «Сормово» (производство судов, паровозов, паровых двигателей и т.п.) исключали массовое использование неквалифицированной рабочей силы, что и предопределило популярность

революционных идей в «красном» Сормове и ограничило социальную базу правых тонкой прослойкой «рабочей аристократии». Правда, в силу особенностей производства, она было достаточно многочисленной и, вероятно, сравнима с долей высокооплачиваемых рабочих в насыщенном металлообрабатывающими предприятиями Петербурге (более 4 %).

В Иваново-Вознесенске, крупнейшем центре текстильной промышленности, требования к квалификации рабочих были намного ниже. По данным на 1897 г. грамотными среди них были только 38 % (для сравнения в механическом цехе Сормовского завода этот цифра была в два раза выше – 76,9 %), и лишь около трети были потомственными пролетариями³⁷. То есть наиболее широкой социальной базой в регионе обладали именно правые. Следствием этого стало создание в городе с населением около 60 тыс. человек, из которых по данным Городской думы около 40 тыс. составляли рабочие³⁸ (включая приходивших из окрестных сел), Иваново-Вознесенской самодержавно-монархической партии (с середины 1906 г. – отдела СРН), объединявшего, как уже отмечалось, в своих рядах до 16500 членов, и подотдела СРН при станции Иваново численностью 150 человек³⁹.

Неудивительно, что, в Центральном промышленном районе значительную часть активистов черносотенных организаций составляли именно рабочие (например, во Владимирской губернии из 20749 членов правых партий, 19282 (или 93 %) принадлежали к городским организациям Владимира, Муром, Коврова, Иваново-Вознесенска, Переславля и Шуи. В Калужской губернии в СРН состояло 1375 членов, из которых в городских отделах и подотделах числился 1161 человек (84 %) ⁴⁰. В.И. Ленин главной причиной таких консервативных настроений рабочих «исконно русских» губерний не без оснований считал «менее развитые формы крупной промышленности, охватившей громадные массы рабочих, но менее порвавшие связи с землей, менее концентрировавшей пролетариев в интеллектуальных центрах; и большая удаленность от границы; и отсутствие национальной розни»⁴¹.

Важным фактором, влиявшим на политические предпочтения крестьян, пришедших в поисках лучшей жизни на фабрику, была неустойчивость их социального статуса. Современные исследования различных видов социальных движений подтверждают, что маргиналы принимали в них весьма активное участие⁴², стремясь прорвать ту изоляцию, в которой они оказались. Эти слои населения, в силу неустойчивости своего положения и вызванного этим социального беспокойства, были особенно активны. Те из них, кого устраивал нынешний, с таким трудом приобретенный, но непрочный статус, для его сохранения стремились к твердому порядку и стабильности, что и привело их в консервативный лагерь. Те же представители маргинальных групп, кто испытывал неудовлетворенность своим положением, оказались на

стороне оппозиции.

Известный американский социолог П.А. Сорокин считал, что основной причиной всех революций является подавление базовых инстинктов индивида (самосохранения, собственности, свободы, пищевого и др.) Если первая фаза революции имеет своей целью немедленное удовлетворение наиболее угнетенных потребностей человека, то вторая сопровождается нарастанием подавления его базовых инстинктов. В результате появляется «усталость» от революции. «Требование безграничной свободы сменяется жаждой порядка, хвала «освободителям» от старого режима сменяется восхвалением «освободителей» от революции, – иными словами организаторов порядка», – писал П.А. Сорокин⁴³.

Этот поворот вправо в сознании рабочих прекрасно иллюстрирует события 1905 г. в Иваново-Вознесенске. После начала знаменитой 72-дневной забастовки «владельцы фабрик», как говорилось в докладе городскому голове, покинули город и уклонились «от дальнейшего участия в разрешении рабочего вопроса», оставив «без заработка, а, стало быть, без средств к существованию» 40 тыс. фабричных рабочих⁴⁴. Оказавшись в тяжелом положении, часть рабочих уже в июле, несмотря на давление со стороны бастующих, начала возвращаться на свои рабочие места. Более того, 13 июля рабочие завода Дьяконова не согласившись с требованием пришлых агитаторов прекратить работы, едва не избили их⁴⁵. 30 октября дело дошло уже до прямых столкновений консервативных и революционных рабочих, вылившихся в погромы. Их причиной стали слова «Не надо нам Царя», произнесенные одним из ораторов на митинге перед Городской думой и вызвавшие «ропот и негодование» слушателей⁴⁶. А 23 декабря в Иваново-Вознесенске создается Самодержавно-монархическая партия, объединившая в своих рядах до 16500 рабочих (см. выше).

В дальнейшем консервативные настроения среди рабочих Владимирской губернии продолжают усиливаться. В начале 1906 г. от имени 10000 ивановских рабочих фабрик Горбуновых, Скворцова и Клементьевой на имя премьер-министра С.Ю. Витте была отправлена телеграмма с требованием покончить с забастовками⁴⁷. Причем «поправение» было заметно не только у ткачей, но и у авангарда революционного движения – металлистов. Характерный эпизод произошел в начале 1907 г. в рабочем поселке Кольчугино. Во время митинга оратор «начал читать Высочайший манифест о роспуске второй Государственной Думы, причем в конце чтения с насмешкой добавил: «Николай неграмотный, а по его неграмотности расписался министр Столыпин». Присутствовавшие на митинге, слыша такие выражения, стали расходиться...»⁴⁸.

Следует подчеркнуть, что монархические настроения российского

пролетариата, были обусловлены не только социально-экономическими, но и психологическими факторами. Революционное движение, имевшее целью радикальное изменение существующей социально-политической системы, своей пропагандой не могло не затронуть свойственные традиционному обществу архетипы общественного сознания и основанные на них социальные нормы. Среди базовых структур сознания, подвергшихся наиболее мощному давлению со стороны революционно-освободительного движения, в первую очередь следует выделить архетип «Святой Руси», лежащий в основе менталитета православных подданных Российской империи. Архетип «Великой державы», был атакован и русской революционной пропагандой и крайними национальными движениями. Сыграло свою роль и поражение в Русско-японской войне, задевшее национальное достоинство русского человека. Критика, раздававшаяся со страниц оппозиционной печати в адрес института самодержавной монархии и самого императора, традиционно в России выполнявшего патронажную функцию по отношению к низшим слоям населения, стремилась разрушить архетип «Царя-батюшки». Но вторжение этой пропаганды в тонкие психические структуры человека порождало иногда обратную реакцию, создавая тем самым почву для появления консервативного политического движения, среди идеологических приоритетов которого всегда значатся «государство» и «порядок» (сохранение привычного уклада жизни). Поэтому рабочие, сохранявшие приверженность традиционным ценностям и нормам, вступали в монархические организации, защищая, быть может, не столько самодержавие, сколько свой привычный мир.

Нельзя не отметить и тот факт, что разрушение базовых архетипов, порождает проблемы самоидентификации личности, ее привязки к какой-либо устойчивой социальной группе, к каким-либо абсолютным ценностям, следствием чего является рост национализма, как наиболее простого способа идентифицировать себя с достаточно стабильным социальным образованием (нацией). А так как «господство русской народности» являлось одним из главных политических требований правых, то становится понятным мотивы вступления части рабочих, сохраняющих традиционный менталитет, в монархические организации

Таким образом, события Первой русской революции, поставившие под угрозу существование самодержавной монархии в России, вовлекли в политический процесс широкие слои населения, в том числе и рабочий класс. Нарастающие вследствие забастовок экономические трудности и предпринятый революционной пропагандой «штурм стереотипов», лежащих в основе патриархального мировоззрения значительной части пролетариата, подтолкнули многих рабочих к вступлению в контрреволюционные организации, выступающие за твердый порядок. На стороне «черной сотни», в основном оказались представители достаточно

обеспеченной «рабочей аристократии», а также низкооплачиваемые рабочие, которых прекращение работ, в силу отсутствия денежных сбережений, ставило на грань физического выживания. К тому же последние являлись, как правило, недавними выходцами из деревни, сохранявшими приверженность традиционным ценностям, как в бытовом, так и в социально-политическом аспектах. То есть социальная база правых в рабочей среде была достаточно широкой, так как «рабочая аристократия» и низкооплачиваемые рабочие составляли большинство российского пролетариата. Это и послужило одной из причин массовости монархического движения в России в начале XX века.

¹ Одесский отдел Русского Собрания // Мирный труд. 1905. № 7. С. 191.

² Предыстория правомонархических партий в России // Исторический архив. 2001. № 5. С. 136, 137.

³ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1284. Оп. 187. Д. 157. 1906 г. Л. 135.

⁴ Правые и конституционные монархисты в России в 1907-1908 гг. // Вопросы истории 1997. № 8. С. 94.

⁵ Подсчитано по: Каплин А., Степанов А. «Только вера дает силу жить» // Воинство Святого Георгия. СПб., 2006. С. 355; Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911-1917 гг. М., 2001. С. 38; Переписка и другие документы правых (1911-1913 годы) // Вопросы истории. 1999. № 11-12. С. 103; Правые и конституционные монархисты в России в 1907-1908 гг. // Вопросы истории 1997. № 6. С. 94, 112, 117, 120; Правые и конституционные монархисты в России в 1907-1908 гг. // Вопросы истории 1997. № 8. С. 94; Степанов С.А. Черная сотня в России (1905-1914 гг.). М., 1992. С. 190, 226; Третий всероссийский съезд Русских Людей в Киеве. Киев, 1906. С. 7; Черников Н. Внутреннее обозрение // Мирный труд. 1907. № 11. С. 200.

⁶ Московские ведомости. 1906. 9 февраля. №. 37.

⁷ Максимов К.В. Патриотическое общество мастеровых и рабочих Уфимских железнодорожных мастерских (1905-1917). Уфа, 2003. С. 25.

⁸ Государственный архив Владимирской области (далее – ГАВО). Ф. 14. Оп. 4. Д. 2833. Л. 2, 2 об.

⁹ Правые и конституционные монархисты в России в 1907-1908 гг. // Вопросы истории 1997. № 6. С. 111; Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900-1917. М., 2008. С. 219.

¹⁰ Тверское Поволжье. 1907. 18 марта. № 138.

¹¹ Степанов С.А. Указ. соч. С. 190, 226, 227, 229, 230.

¹² Правые и конституционные монархисты в России в 1907-1908 гг. // Вопросы истории 1997. № 8. С. 103.

¹³ Кирьянов Ю.И. Указ. соч. 1911-1917 гг. С. 93.

¹⁴ Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914-1917 годах // Вопросы истории. 1996. № 4. С. 147.

¹⁵ Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. 927. Оп. 1. Д. 1184. Л. 36.

¹⁶ РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. Д. 157. 1906 г. Л. 194.

¹⁷ Степанов С.А. Указ. соч. С. 227.

¹⁸ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 116. Оп. 1. Д. 553.

Л.1 об.

¹⁹ Кирьянов Ю.И. Указ. соч. 1911-1917 гг. С. 189, 203.

²⁰ Московские ведомости. 1906. 9 февраля. №. 37.

²¹ Союз русского народа по материалам чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г. М.-Л., 1929. С. 293.

²² Центральный государственный исторический архив Украины (далее – ЦГИАУ). Ф. 274. Оп. 4. Д. 209. Л. 55, 56.

²³ ЦГИАУ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 2534. Л. 133.

²⁴ Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914-1917 годах // Вопросы истории. 1996. № 3. С. 152.

²⁵ Правые партии. Документы и материалы. М., 1998. Т. 2. С. 304.

²⁶ Джунковский В.Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. 1. С. 194.

²⁷ Цит. по: Карпухин Д.В. «Черная сотня»: веки осмысления в России. М., 2009. С. 130.

²⁸ ЦГИАУ. Ф. 442. Оп. 861. Д. 259. Ч. 1. Л. 47 об.

²⁹ Московские ведомости. 1906. 9 февраля. №. 37.

³⁰ Иванова Н.А. Промышленный центр России 1907-1914 гг. М., 1995. С. 251, 253.

³¹ Там же. С. 247.

³² Засосов Д.А, Пызин В.И. Из жизни Петербурга 1890-1910 гг. Л., 1991. С. 226.

³³ ГАВО. Ф.704. Оп. 1. Д.871. Л. 70.

³⁴ Иванова Н.А. Указ. соч. С. 269.

³⁵ Советская историческая энциклопедия. Т. 13. М., 1971. Стб. 345.

³⁶ Правые и конституционные монархисты в России в 1907-1908 гг. // Вопросы истории 1997. № 6. С. 124.

³⁷ Иванова Н.А. Указ. соч. С. 267, 271.

³⁸ ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1434. Л. 63.

³⁹ Правые и конституционные монархисты в России в 1907-1908 гг. // Вопросы истории 1997. № 6. С. 111.

⁴⁰ Подсчитано по: Правые и конституционные монархисты в России в 1907-1908 гг. // Вопросы истории 1997. № 6. С. 111, 119.

⁴¹ Ленин В.И. ПСС. Изд. 5. Т. 11. М., 1960. С. 313.

⁴² Подробнее об этом, см.: Фролов С.С. Социология. М., 2000. С. 286.

⁴³ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 272, 293.

⁴⁴ ГАВО. Ф. 14. Оп. 5 Д. 1434. Л. 63.

⁴⁵ ГАВО. Ф. 14. Оп. 5 Д. 1434. Л. 170.

⁴⁶ Московские ведомости. 1905 г. 30 октября. № 288.

⁴⁷ Московские ведомости. 1906. 9 февраля. №. 37.

⁴⁸ ГАВО. Ф. 704. Оп. 1. Д. 604. Л. 22.

С.И.Потолов

**Георгий Гапон и петербургские рабочие.
Пути и перепутья рабочих организаций России
накануне и в годы первой русской революции**

Хотя сейчас и не модно вспоминать о созидательной роли рабочих России в начале XX века, но факты – упрямая вещь. А именно они свидетельствуют, что российский пролетариат не только трудом создавал

на рубеже XIX-XX вв. мощный экономический потенциал государства, но и повседневной борьбой за свои экономические и политические права проложил дорогу к известной социально-экономической модернизации России в годы первой русской революции. Явочным порядком, фактически игнорируя официальные запреты на стачечные выступления и профессиональные союзы, рабочие России преодолевали узкие рамки легальных организаций, разного рода касс и обществ взаимопомощи, зубатовских союзов и на деле добились официальной, хотя и весьма ограниченной, легализации в 1905-1907 гг. стачек, профессиональных и иных рабочих организаций. Об этом наглядно свидетельствуют документальные материалы недавно опубликованных 10 томов (16 выпусков) фундаментальной «Хроники» рабочего движения в России за 1895-1904 гг.

Об этом и настоящий доклад, посвящённый такой неоднозначной фигуре в российском общественно-политическом процессе кануна и первого периода революции 1905-1907 гг., как священник Георгий Аполлонович Гапон (отец Георгий), руководитель крупнейшей в России легальной рабочей организации, «Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга», волей судеб оказавшейся в эпицентре кровавых январских 1905 года событий, начала первой русской революции.

Трудно найти в истории России столетней давности персонаж более загадочный и трагический, до сих пор вызывающий ожесточённые споры и порой совершенно противоположные оценки в исторической литературе и публицистике, да и просто в обывательском обиходе. Активный участник революционных событий 1905 года, Георгий Гапон одновременно и герой и их жертва. Шлейф провокатора, платного агента царской охраны, обвинений озвученных ещё в 1905-1906 гг. и закреплённых в Кратком курсе истории ВКП(б), до сих пор тянется за ним, хотя в последнее время и наметился пересмотр этих во многом несправедливых, не отражающих сложную историческую реальность суждений¹.

Георгий Гапон еще с конца 1890-х годов, будучи студентом Петербургской Духовной академии, увлёкся проповедями среди петербургских рабочих, завоевав у них серьезный авторитет и большую популярность. Именно эти обстоятельства обратили на него внимание инициатора политики «полицейского социализма» С.В. Зубатова после его перевода в 1902 г. из Москвы, где он возглавлял крупнейшее в стране охранное отделение и патронировал крупную рабочую организацию («зубатовскую») «Общество взаимного вспомоществования рабочих механического производства», в Петербург руководителем Особого отдела Департамента полиции.

Но Гапон никогда и не скрывал от своих товарищей-рабочих и позднее подробно описал в своих «Воспоминаниях» сам факт знакомства с Зубатовым и даже получение от него, хоть и нерегулярно, определенных

денежных сумм на нужды организации. Однако, зная хорошо психологию основной массы петербургских рабочих, слушателей его проповедей, их подозрительное и определенно отрицательное отношение к полиции, Гапон, создавая с осени 1903 г. свою организацию, постарался учесть в общем неудачный опыт зубатовщины и ограничить связи с полицией и правительственными органами, придать организации формально независимый от них характер, что сам Зубатов, уже будучи в это время в вынужденной отставке и опале, откровенно осуждал. С другой стороны, зная об отрицательном отношении со стороны Министерства финансов и предпринимателей к социальным экспериментам Зубатова, Гапон стремился всячески ограничить рамки деятельности своей организации – «Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга» проведением чтений религиозно-нравственного характера, музыкальных вечеров, организацией чайных, касс взаимопомощи и т. п.².

Вначале гапоновское «Собрание» было вполне лояльной монархической организацией и мало чем отличалось от зубатовских «Союзов» и в этом качестве не пользовалось особой популярностью среди петербургских рабочих. Стремясь к ее расширению и активизации деятельности, Гапон с конца 1903 г. привлекает к руководству «Собранием» авторитетных и имевших прочные связи и опыт пропагандистской работы в пролетарской среде рабочих-активистов, многие из которых обучались в руководимых революционной студенческой молодёжью вечерних и воскресных школах и сами были в прошлом участниками рабочих и социал-демократических кружков (супруги А.Е. и В.М. Карелины, И.М. Харитонов, В.А. Князев, Д.В. Кузин и др.). Именно в среде этого достаточно узкого круга «рабочей интеллигенции» на рубеже XIX-XX в. выделяются сторонники самостоятельных, независимых от интеллигенции, выступлений рабочих, создания легальных организаций профессионального характера, касс взаимопомощи и других им подобных. «Экономизм» в рабочем движении этого времени был закономерным явлением, отражавшим уровень массового сознания рабочих, их известное сословное предубеждение к интеллигенции, равно как и к хозяевам предприятий, администрации, фабричной инспекции. В Петербурге это получило конкретное выражение в деятельности группы «Рабочей мысли» и «Рабочей организации»³.

Карелинская группа постепенно начинает играть ведущую роль в «Собрании» и в руководящем им кружке ответственных лиц, требуя решительной активизации организации в деле защиты экономических и политических прав петербургских рабочих, прекращения сотрудничества с властями и полицейскими органами. И Гапон вынужден был уступать этим требованиям. Из организации были изгнаны откровенные зубатовцы, по настоянию и при участии этих рабочих-активистов на конспиративных совещаниях в марте 1904 г. была выработана широкая демократическая

программа с требованиями коренного улучшения положения рабочих и всего народа, политических свобод, демократического преобразования русского общества, позднее вошедшими в петицию, с которой петербургские рабочие направятся 9 января 1905 г. к Зимнему дворцу – к царю.

По своим убеждениям Карелин и его единомышленники были типичными тред-юнионистами, сторонниками легального профессионального движения – на этой почве и произошло их сближение с Гапоном, – не свободными, как и у большинства рабочих того времени, от царистских иллюзий, поскольку именно на царя возлагались основные надежды в деле осуществления указанных преобразований. Но это был, конечно, большой шаг вперед от прежнего религиозно-утопического прожектерства Гапона и зубатовского охранительства, не допускавшего, как известно, какого-либо ограничения царской власти. С другой стороны, принятием конспиративной программы руководящего ядра организации Гапон связывал себе руки и вынужден был ограничить связи с полицией и правительственными органами, следовать этим курсом, всячески маскируя и скрывая его от властей и полиции.

Деятельно включившись с весны 1904 г. в работу «Собрания», Карелин со своими товарищами много сделали для расширения его рядов и активизации деятельности. Особенно массовый приток новых членов происходит в последние месяцы 1904 г., когда их общее число достигает к концу декабря 10 тысяч членов, сосредоточенных в 11 районных отделах, а в начале января 1905 г. в сходках в отделах «Собрания» участвуют уже десятки тысяч рабочих и членов их семей. Основную массу участников гапоновской организации составляли низшие, политически наиболее отсталые, не затронутые революционной пропагандой и обычно стоявшие в стороне от рабочего движения слои питерского пролетариата, женщины (работу с ними возглавляла В.М. Карелина), которых в «Собрание» привлекала не только возможность культурно провести свой досуг, пополнить скудные знания, но и свободно, в легальных условиях обсудить на рабочих собраниях свои насущные нужды; и то, что они были приведены в движение, было немалым достижением. Уже с лета 1904 г. в отсутствие Гапона, уехавшего на родину (в село Беляки Полтавской губернии), налаживается чтение лекций, в том числе и на особенно интересовавшие рабочих экономические и правовые темы, при обсуждении которых Карелин и другие наиболее развитые и сознательные рабочие в осторожной форме вели, в сущности, оппозиционную существующему строю пропаганду.

Решающее влияние на гапоновскую организацию оказала сама обстановка в стране, быстрое нарастание во второй половине 1904 г. общественно-политического кризиса. Поражения царизма в русско-японской войне, прогрессирующее ухудшение положения народных масс

вызвали рост всеобщего недовольства, оживление оппозиционного движения либеральной части русского общества. Самодержавие вынуждено было лавировать. Наступает период «весны» П.Д. Святополк-Мирского, возглавившего Министерство внутренних дел после убийства 15 июля 1904 г. эсерами В.К. Плеве. На своих съездах и организованных осенью и в конце 1904 г. публичных собраниях и банкетах либералы требуют проведения конституционных реформ. И в гапоновских отделах на собраниях их членов все чаще и чаще обсуждению подвергаются животрепещущие вопросы современной политической жизни. Происходит определенное колебание организации, которое в общем проглядели власти, да и немногочисленные группы петербургских социал-демократов, ослабленные произошедшим после II съезда РСДРП партийным расколом, и эсеров, упорно игнорировавших «Собрание» как зубатовское⁴. Это был необратимый процесс, с которым ничего не могли сделать ни Гапон, ни его отдельные единомышленники. Более того, чтобы не утратить контроль над организацией, теперь уже они вынуждены были приспособляться к этому процессу, подстраиваться к стремительно революционирующейся рабочей массе.

В конце 1904 г. налаживаются контакты «Собрания» с интеллигенцией, либералами и даже партийными активистами, которые привлекаются в качестве лекторов и пропагандистов. Среди рядовых членов организации усиливаются желания выступить со своими требованиями, включиться в петиционную кампанию. Эти стихийные, исходящие снизу оппозиционные самодержавному режиму настроения рядовых рабочих наглядно опровергают миф, канонизированный в 1938 г. в сталинском Кратком курсе истории ВКП(б) о провокационном плане попа Гапона помочь царской охранке и, организовав шествие рабочих к Зимнему дворцу для подачи петиции царю, «вызвать расстрел рабочих и в крови потопить рабочее движение» (С. 35). В последнее время к этим утверждениям добавляются не подтвержденные достоверными документами домыслы того же порядка о японских деньгах в организации рабочего выступления 9 января, о провокационных выстрелах из рядов демонстрантов и т. п.

На самом деле Гапон на встречах с либералами, примыкавшими к левому крылу «Союза освобождения» (С.Н. Прокопович, Е.Д. Кускова, В.Я. Богучарский, В.С. Голубев) в ноябре 1904 г. выступал против немедленной подачи рабочей петиции, предлагая приурочить эту акцию к очередной годовщине отмены крепостного права, т. е. к 19 февраля 1905 г. или к новым поражениям в русско-японской войне⁵. Против этой затяжки возражали многие активисты организации. В дальнейшем события развивались стремительно и абсолютно стихийно.

Увольнение в декабре 1904 г. нескольких рабочих Путиловского завода, членов гапоновского «Собрания» было той искрой, которая

разожгла революционный пожар. 27 декабря на собрании уполномоченных от всех 11 Отделов гапоновского «Собрания» (свыше 300 человек), куда впервые были приглашены и представители революционных партий, социал-демократы и эсеры, было принято важное решение выдвинуть ряд требований экономического и политического характера и, в случае их неудовлетворения, начать забастовку. Гапон сначала возражал против немедленного выступления. Ему ответил А.Е. Карелин: «Товарищи! Нас называют зубатовцами. Но зубатовцы оправдали себя тем движением, что было от них в Одессе, а мы оправдаем себя подачей петиции». Мои слова и были как будто последней каплей. Гапон сказал: «Хотите сорвать ставку, ну, срывайте!» и голосовал за выступление. Это и решило дело, так как большинство голосовало за Гапоном»⁶.

Ход дальнейших событий в столице, развивавшихся стремительно, хорошо известен. Стачка солидарности на Путиловском заводе, начавшаяся 3 декабря, стремительно переросла во всеобщую городскую. И только 6 января Гапон согласился с идеей идти к царю с петицией. И в следующие несколько январских дней во время поистине всенародного обсуждения текста петиции в значительной мере восстанавливается духовное единство рабочих и радикальной, демократической интеллигенции, результатом чего явился удивительный сплав рабочих, социал-демократических и общедемократических, конституционных требований (чего стоили только требования политических свобод, народного представительства и созыва Учредительного собрания) в петиции, с которой рабочие утром в воскресенье 9 января 1905 г. направляются к царской резиденции, Зимнему дворцу. Растерявшиеся окончательно власти расстреляли безоружных петербургских рабочих. О том, что это была мирная демонстрация, когда рабочие шли с пролетарских окраин с хоругвями, в праздничной одежде, свидетельствовали собранные после этих событий анкетные сведения, доклад присяжных поверенных, восстанавливающие события детально и едва ли не поминутно. Погибли и ранены были не только сотни рабочих и членов их семей и среди них рядовые социал-демократы, меньшевики и большевики, эсеры, но даже полицейские чины, шедшие во главе рабочих колонн. Кровавое преступление самодержавия окончательно развеяло царистские иллюзии. В России началась революция.

Г. Гапон чудом спасся и был переправлен за границу. Здесь, лишенный Синодом священнического сана, он развил бурную деятельность, сотрудничая с революционными партиями, выступая с многочисленными воззваниями и призывами к борьбе с царским режимом. И это опровергает домыслы о возобновлении его контактов с полицейской агентурой (в частности, с ближайшим соратником Зубатова Е.П. Медниковым в Париже – факт, не подтверждаемый материалами филерской слежки за Гапоном парижской префектуры полиции, – из его

обширного досье, выявленного нами в парижском полицейском архиве⁷), о его распутном поведении, игре в рулетку и т. п. За всеми этими измышлениями явно проглядывается деятельность русской заграничной полицейской сети, направленная на дискредитацию взбунтовавшегося попа.

Между тем даже простой перечень дел и событий, связанных с Гапоном его эмигрантского периода, поистине впечатляет. Когда он в конце января 1905 г. появился в Женеве, проехав нелегально без паспорта и знания языков пол-Европы, он сразу стал героем дня и не только среди русских эмигрантов (а Женева была их своеобразной «меккой»), но и всей Европы. Гапона радушно встречали и привечали лидеры русских политических партий, в числе которых были Г.В. Плеханов, В.И. Ленин, князь П.А. Кропоткин, эсеры и бундовцы, руководители II Интернационала, виднейшие европейские деятели, просто старые революционеры-эмигранты. Не очень искушенный в политических хитросплетениях эмигрантской среды, Гапон объявляет себя социал-демократом, затем вступает в эсеровскую партию. Гапон этого периода был полон революционного энтузиазма, он буквально рвался в бой с царским самодержавием, стремясь мстить за погибших товарищей-рабочих и потому ему претили несколько догматические, менторские подходы меньшевистского крыла российских социал-демократов. Вместе с тем с Г.В. Плехановым Гапон сохранял дружеские отношения, а тот, в свою очередь, неоднократно защищал Гапона от пренебрежительного к нему отношения некоторых ретивых членов партии в эмиграции и в России. На этой почве наиболее близкие поначалу отношения сложились у Гапона с эсерами, давними сторонниками революционного террора, вооружённой борьбы с царизмом, хотя после вступления (1 мая 1905 г.) в партию он так и не был допущен в её руководящие органы.

Сам Гапон особенно выделял из революционных деятелей руководителя большевиков В.И. Ленина, с которым неоднократно в 1905 году встречался и беседовал. И Ленин ценил Гапона как выразителя настроений столь близких ему самому питерских рабочих. Н.К. Крупская позднее вспоминала о первых встречах Ильича с Гапоном в Женеве в начале февраля 1905 г.: «Владимир Ильич, придя со свидания с Гапоном, рассказывал о своих впечатлениях. Тогда Гапон был ещё обвеян дыханием революции. Говоря о питерских рабочих, он кипел негодованием, возмущением против царя и его приспешников. В этом возмущении было немало наивности, но тем непосредственнее оно было. Это возмущение было созвучно с возмущением рабочих масс»⁸.

В личной ленинской библиотеке в его кремлёвской квартире (теперь это экспозиция в мемориальном музее-заповеднике «Горки Ленинские») сохранилась брошюра Г. Гапона с его воззванием «Ко всему крестьянскому люду». На первой странице- дарственная надпись: «

Глубокоуважаемому товарищу Ленину на добрую память от автора. Георгий Гапон. 14 марта 1905»⁹. В.И. Ленин не остался в долгу и в свою очередь подарил Гапону летом 1905 г. свою книгу «Две тактики социал-демократии в демократической революции» с надписью: «Уважаемому Георгию Гапону от автора на память»¹⁰.

В.И. Ленин, как известно, вначале поддержал гапоновскую идею сплочения, союза революционных социалистических партий в борьбе с царизмом. Большевики, в отличие от меньшевиков, прибыли на созванную Гапоном в конце марта (2-8 апреля 1905 г., нов. ст.) конференцию социалистических партий, но затем, обнаружив отсутствие на конференции многих национальных социал-демократических организаций и вообще преобладание на конференции эсеров, покинули её. Вместе с тем на своём вскоре состоявшемся III съезде РСДРП большевики подтвердили желательность временных тактических соглашений, боевых союзов в вооружённой борьбе с самодержавием¹¹.

Гапон председательствовал на конференции и редактировал вместе с приглашённым им в качестве секретаря близкого к эсерам литератора, впоследствии известного еврейского этнографа С.А. Раппопорта (С. Анского) документы (декларацию и воззвания) конференции¹². Из всей этой гапоновской затеи тогда ничего не вышло, слишком значительными были идейные разногласия в русской эмиграции, к тому же небеспочвенными были сведения о финансировании конференции японцами (через финского политического деятеля К. Зиллиакуса).

Разочарованный всем этим Гапон к лету 1905 г. постепенно отходит от сотрудничества с русскими партиями и возвращается к своей давней идее – созданию общероссийской, независимой от политических партий рабочей организации на базе своего «Собрания», которое после 9 января было запрещено, а ряд его руководителей-рабочих арестованы. Сохранилось (в фондах петербургского Музея политической истории России) письмо-обращение Г.Гапона из Женевы в Петербург (конец апреля – начало мая 1905 г.) к рабочим, членам гапоновского «Собрания». В нём, в частности, Гапон отмечал: «Здесь мой авторитет весьма силен, популярность велика, но не особенно меня вся эта мишура радует. Гвоздём у меня сидит мысль, как бы организовать пролетариат, как бы объединить его, двинуть его в решительный смертельный бой за свободу и счастье народов, на смерть врагу для победы трудящихся.

И я всё обдумывал, присматривался к разным партиям. Был у корня их. Вглядывался пытливым взором и не удовлетворился. В социал-демокр. нет единого духа, причём генералы ея (за искл. тов. Ленина) б. ч. талмудисты, фарисеи, нередко наглые лгуны, нередко в полном смысле онанисты слов, с большим самомнением (я не имею в виду героев-рабочих, настоящих работников С.Д.).

Некоторые генералы соц.-револ. обладают чудным благородным духом и простой, но самоотверженной любовью к народу и рабочим. Что касается прогр., тактики и методов борьбы, то меня и та и другая сторона не удовлетворяют, хотя душа, если не разум, склоняет к соц.-револ. И та, и другая партия желала бы иметь [меня] в своей среде. Но я стою вне партий и всячески стараюсь привести их к соглашению. Но пока моя попытка не увенчалась успехом...»¹³.

Гапоном были разработаны документы предполагаемого Всероссийского Союза рабочих. Основопологающим из них было воззвание «Рабочему народу городов и деревень от “Российского Рабочего Союза” за подписью Центральной группы Российского Рабочего Союза, составленное в Петербурге гапоновскими рабочими и переправленное Гапону с председателем Невского отдела «Собрания» Николаем Петровым. В нем утверждалось, что социалистические партии «оказались бессильными взять в свои руки руководство массами» и теперь группа рабочих различных районов Петербурга «решила организовать сначала питерских рабочих, а затем, по мере возможности, и провинциальных рабочих и крестьян в Российский Рабочий и Крестьянский Союз». Организация провозглашалась сугубо рабочей со своей программой, чтобы «организация пролетариата в Рабочую партию велась бы снизу самим пролетариатом, а не сверху, оторванными от жизни интеллигентами». Повторялись программные требования, содержащиеся в петиции 9 января 1905 г., которые должно было выполнить Временное правительство или созданное им Учредительное собрание. Представителем Союза был избран Г. Гапон¹⁴. Деньги на создание Рабочей организации Гапон добыл литературным трудом, выполняя срочный заказ на подготовку собственной автобиографии, которая была заказана ему для публикации в иллюстрированных журналах, а затем и отдельной книгой на английском и французском языках. Для этого он в середине мая переехал на два месяца в Лондон, где поселился вместе со своей гражданской женой А. Уздалевой (она к этому времени приехала из России и до его последних дней постоянно находилась с ним – это ответ на обвинения Гапона в распутной жизни) в семье известного журналиста, русского эмигранта, редактора эсеровского журнала «Free Russia» Давида Соскиса (его имя нам удалось расшифровать в 1997 г.), которому Гапон диктовал свои воспоминания и который, видимо, затем редактировал их окончательный текст. В это же время Гапоном был написан текст небольшой брошюры с осуждением еврейских погромов. Весь этот литературный труд имел не только политическую и финансовую стороны, но и, в частности, представлял (воспоминания) важный источник по истории рабочих Петербурга, событий 9 января 1905 г.¹⁵

Надо заметить, летом-осенью 1905 г. Гапон по-прежнему пользовался в эмигрантских и общественных кругах Европы огромным

авторитетом именно как глава крупной рабочей организации. П.Б. Струве, встречавшийся в Париже с Гапоном, писал 16 июля 1905 г. известному публицисту и общественному деятелю С.Н. Прокоповичу, который вместе со своей женой Е.Д. Кусковой были давними сторонниками создания самостоятельных рабочих организаций тред-юнионистского толка и готовили создание рабочей группы при «Союзе освобождения» (центральным органом которого – журналом «Освобождение» как раз руководил Струве), что ему «...следует, не теряя времени, приехать за границу для переговоров и соглашения с Гапоном и основания совместно с ним рабочей партии и начертания плана кампании. Это станет крупным делом и его нужно как можно скорее подвинуть вперед...В отношении вышесказанного прибавлю, что Гапон вновь в Петербурге организовал своих рабочих в особую группу (она на днях будет объявлена), и дело это, по его словам, идет очень успешно. Повторяю, Ваше свидание для переговоров теперь безусловно необходимо для задуманного Вами дела»¹⁶.

Между тем намерения Гапона и помогавшего ему в оформлении документов будущей рабочей организации Д. Соскиса, который согласился быть редактором ее будущей газеты, вызвали отрицательное отношение руководства эсеровской партии, в частности М.Р. Гоца, который в ряде писем Н.В. Чайковскому в Лондон представил эти действия как раскольнические и даже авантюристические, идущие вразрез с основополагающими эсеровскими принципами. В конце концов дело завершилось разрывом с партией и Гапона, и Соскиса¹⁷.

За поддержкой будущего «Рабочего союза», в том числе – материальной, Гапон летом 1905 г. обращается к А.М. Горькому. Гапон в частности сообщал: «В Петербурге из рабочих, принадлежавших к разным партиям, а гл. обр. из бывших членов “Собрания русских ф.-зав. рабочих” создан самостоятельный Союз рабочих под названием “Российский рабочий Союз”. Во главе Союза стоят рабочие. Их я знаю-оч. дельные серьезные люди. Представителем Союза избран я (есть мандат). Основная цель Союза-сорганизовать рабочих и трудовых кр-ян в единое целое, чтобы добиться экономического улучшения трудящихся масс, чтобы добиться политических прав(свержения самодержавия). Члены «Союза» оч. жаждут издавать свою газету»¹⁸.

К этому времени однако у Горького, который в январские дни прятал Гапона у себя дома и способствовал его переправке за границу, изменилось отношение и к самому Гапону и к его новым идеям.. Он в частности упрекал экс-священника за его попытки снова изолировать рабочих от партийной интеллигенции. В ответном письме в августе 1905 г. А.М. Горький писал Гапону: « До сей поры организацией рабочего класса занималась социал-демократическая интеллигенция, только она бескорыстно несла в рабочую среду свои знания, только она развивала

истинно пролетарское миропонимание в трудящихся классах, только она социалистична, а Вы знаете, что освобождение рабочих достижимо лишь в социализме, только социализм обновит жизнь мира»¹⁹. Позднее, находясь в США, Горький в апреле 1906 г. пишет очерк «Поп Гапон», оставшийся тогда неопубликованным, где подробно характеризует его (Гапона) деятельность и постоянные идейные метания (в этот момент Горький ещё не знал о его трагической гибели), очень точно и ёмко определяя их: «...он был только фонографом идей и настроения рабочей массы».²⁰

Из политических партий с предложением о сотрудничестве со своим «Рабочим союзом» Гапон обратился в конце сентября 1905 г. только к большевикам. Само это подлинное письмо от 12 октября (нов. стиля) 1905 г. сохранилось в фонде ЦК РСДРП в Российском Гос. архиве социально-политических исследований (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1.Д. 564.Л.1-2) и впервые полностью опубликовано в вышеупомянутой (в первом примечании) моей статье.

Сыграло ли в очередном «зигзаге» Гапона вышеупомянутое письмо Горького, сказались ли неудачи в его деятельности к осени 1905 г., растущая политическая изоляция – трудно сказать. Упомянутая в письме встреча в Финляндии (в Гельсингфорсе) с активистами гапоновской организации состоялась сразу после неудачи с транспортировкой оружия в конце августа 1905 г. через финские шхеры в Петербург (на специально зафрахтованном пароходе «Джон Графтон», севшем на мель и затем взорванном), в организации которой Гапон принимал самое деятельное участие. На этом совещании, видимо, и было принято решение сосредоточить основные усилия на возрождении «Собрания».

Особых успехов на этом пути у Гапона так и не случилось. Большевики, судя по всему, не отреагировали на его обращение. Союзы и союзники в лице Гапона и его организации, бывшей в сущности в это время более виртуальной, чем реальной, революционная российская социал-демократия так и не обрела. События в России развивались стремительно, а рабочее движение приобретало все более революционный характер, сыграв решающую роль во всероссийской политической стачке в октябре 1905 г. и декабрьских вооруженных восстаниях.

Сам Гапон после издания Манифеста 17 октября 1905 г. стремится к возвращению в Россию и легализации своего «Собрания». С этой целью он через посредников вступает в переговоры с председателем Совета министров С.Ю. Витте, пытается, по старой памяти, заручиться поддержкой МВД во главе с П.Н. Дурново, чинов Департамента полиции и столичного охранного отделения. Финал всех этих попыток был, как известно, трагический: обвиненный (в общем неосновательно) в провокаторстве, Гапон гибнет от рук эсеровских боевиков (за этим убийством стоит злобная фигура истинного провокатора Евно Азефа). Не вдаваясь в подробности, отметим, что с лета 1905 г. Гапон

разочаровывается и теряет веру в успех вооруженной борьбы, а уступки, сделанные самодержавием в Манифесте 17 октября 1905 г., лишь укрепляют его веру в преимуществе мирного профсоюзного движения перед вооруженной борьбой, которую он осуждает в своих письмах декабря 1905 – января 1906 г. Но для царского режима он был слишком одиозной фигурой (после прежних проклятий в адрес царя и его министров). Трагедия Гапона была в том, что он оказался ненужным ни режиму, ни революционному рабочему движению, создавшему Советы рабочих депутатов, а профсоюзы были еще в стадии становления. Что касается обвинений Гапона в предательстве, то они основаны лишь на воспоминаниях П.М. Рутенберга, который оправдывал ими свое участие в убийстве Гапона, которое не поддержали даже руководители эсеровской партии и гневно осудили гапоновские рабочие.

Г. Гапон никогда не значился в агентурных списках и карточках Департамента полиции (до 1905 г. он и не мог быть полицейским сотрудником как священник). Никогда и никого он не выдавал, что не делало его менее сложной и неоднозначной фигурой в русском освободительном движении. Но это лишний раз подтверждает необходимость в целях преодоления неоправданного мифотворчества вокруг личности Гапона исследовать его деятельность, с привлечением всей совокупности известных и главное – новых источников и фактов, их полной, научной публикации, включая переиздание, без купюр, текста его воспоминаний. В настоящее время готовится к изданию большая документальная книга о Г.А. Гапоне и его рабочей организации – итог моих многолетних разысканий в отечественных и зарубежных архивах и библиотеках. Планируется также установить памятный знак, взамен утраченного, на месте его могилы на бывшем Успенском (нынешнем Северном) кладбище.

¹ См.: Первая революция в России. Взгляд через столетие. М., 2005. Глава 3; Ксенофонтов И.Н. Георгий Гапон: вымысел и правда. М., 1996 и др. В тексте доклада использованы материалы моей недавней публикации. См.: Потолов С.И. Георгий Гапон и российские социал-демократы в 1905 г. К вопросу о союзах и союзниках в первой русской революции // Социал-демократия в российской и мировой истории. Обобщение опыта и новые подходы. М., 2009. С. 224-239.

² Подробнее о гапоновской организации см.: Айнзафт С. Зубатовщина и гапоновщина. М., 1923; Шустер У.А. Петербургские рабочие в 1905-1907 гг. Л., 1976. С.54-74; Зырянов П.Н.. Православная церковь в борьбе с революцией. 1905-1907 гг. М., 1984. С 41-51; Кавторин Вл. Первый шаг к катастрофе. Л., 1992; Потолов С.И. Петербургские рабочие и интеллигенция накануне революции 1905-1907 гг. «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга» // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций 1861-февраль 1917. СПб., 1997. С.530-541; Sablinsky W. The Road to Bloody Sunday. Princeton; N. Y., 1976; Surh. 1905 in St. Petersburg. Labor, Societe and Revolution. Stanford, 1989; Книш Зиновій. Піп Гапон. Торонто, 1977; См. также

воспоминания самого Г. А. Гапона (История моей жизни. Л., 1925) и активных участников его организации (Варнашев Н. От начала и до конца гапоновской организации // Историко-революционный сборник. Вып. 1. Л., 1924. С. 177—208; Карелин А. Е. 9 января и Г. А. Гапон // Красная летопись. 1924, № 1. С. 106—116; Павлов И. Из воспоминаний о «Рабочем союзе» и священнике Гапоне // Минувшие годы. 1908, № 3—4.

³ См.: Шеррер Ю. Социал-демократическая интеллигенция и рабочие // Реформы или революция? Россия 1861-1917. Материалы международного коллоквиума историков. СПб., 1992. С. 111-114; Сур Дж. Рабочая демократия и химера «экономизма»: Петербургская рабочая организация. 1900-1903 // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революции... С. 508-529.

⁴ Один из руководителей меньшевистского крыла РСДРП Ю.О.Мартов самокритично характеризовал в своей «Истории российской социал-демократии» эту ситуацию: «Как это ни странно, но революционные организации столицы проглядели тот рост и вместе с ростом то постепенное перерождение основанных Г.Гапоном легальных организаций, которые уже к началу осени 1904 г. сделало их своего рода рабочими клубами, а не простыми лишь обществами взаимопомощи, какими являлись при своём зарождении. Причиной этого частью было то, что гапоновские "отделы", в отличие от зубатовских обществ 1902-1903 гг., не вели агрессивной политики против рабочего движения.

Таким образом, события конца декабря 1904 г., когда на почве частного конфликта на Путиловском заводе гапоновское общество начало открытую борьбу с союзом фабрикантов и заводчиков, застали социал-демократию врасплох». // Юлий Осипович Мартов. Избранное. М., 2000. С. 94.

⁵ См.: Потолов С.И. Георгий Гапон и либералы (новые документы) // Россия в XIX-XX вв. Сборник статей к 70-летию Р.Ш.Ганелина. СПб., 1998. С.96-105.

⁶ Карелин А.Е. Указ. воспоминания. С.11.

⁷ Prefecture de Police. Cabinet du Prefet. Archives. VA, 10719 (полицейское досье на Г.А.Гапона).

⁸ Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине в десяти томах. Т. 2. С. 74.

⁹ Библиотека В.И.Ленина (кремлёвская). 11/3. №5338.

¹⁰ РГАСПИ. Ф.4. № 351 к/6452.

¹¹ Ленин В.И. О боевом соглашении для восстания // Ленин В.И. ПСС.Т.9.С.274-282; III очередной съезд Российской социал-демократической рабочей партии 1905 года. Полный текст протоколов. М., 1924. С.424-436. См. также: Усыскин Григорий. Поп Гапон // Родина. 1993. № 12. С.26-28.

¹² Комплект документов конференции хранится в Архиве Международного Института социальной истории в Амстердаме, в фонде эсеровской партии: ISG.PSR.142 (без нумерации).

¹³ Музей политической истории России. Ф.-II.Инв.№ 9/36

¹⁴ Государственная общественно-политическая библиотека (бывш. ИМЛ, Москва). Листовочный фонд. Коробка К 46/4. Ц.62215.

¹⁵ См.: Потолов С.И. 1) Загадка «Д.С.» История одного поиска // История глазами историка. Межвузовский сборник научных трудов, посвящённых 70-летию Е.Р.Ольховского. СПб.- Пушкин, 2000. С.329-342; 2) Георгий Гапон против еврейских погромов // Петербургская историческая школа. Альманах. Третий год выпуска памяти Е.Р.Ольховского. СПб., 2004. С.231-245.

¹⁶ Потолов С.И. Георгий Гапон и либералы... С.105.

¹⁷ ГАРФ. Коллекция документов бывшего Пражского Русского зарубежного исторического архива. Ф. 5805 (Н.В.Чайковский). Оп. 2.Д.161. Л.15-18.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 75 (А.М.Горький). Оп.1. Д.172. Л.1-2.

¹⁹ Горький А.М. Полное собрание сочинений. Т.6. М.,1970. С.561 (комментарии).

²⁰ Там же. С.393. Впервые очерк Горького был опубликован в 1957 г. в « Архиве А.М.Горького». Т. VI. М.,1957. С.14-24.

А.Н. Баранов

Реформирование государственного строя России и манифест 17 октября 1905 года в оценке отечественных либералов.

В оценке манифеста 17 октября единства мнений нет, и не было как среди современников, так и среди потомков. Два направления в российском либерализме, которое наиболее ярко представляли ведущие политические партии – конституционно-демократическая и «Союз 17 октября» соответственно по разному относились к манифесту 17 октября.

Согласно тексту Манифеста 17 октября 1905 года целью данного государственного акта было «устранение прямых проявлений беспорядка» и «умиротворение государственной жизни». Механизмом реализации целей, обозначенных в Манифесте, служила обязанность правительства выполнение непреклонной воли Монарха. В соответствии с Высочайшим Манифестом «Об усовершенствовании государственного порядка», правительству вменялось:

Во-первых, даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов;

Во-вторых, привлечь к участию в Думе классы населения, лишённые избирательных прав;

В-третьих, установить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы;

В-четвертых, обеспечить народным представителям возможность действительного участия в надзоре за законностью действий министров.

В манифесте прозвучал призыв «всех верных сынов России вспомнить долг свой перед Родиною, помочь прекращению сей неслыханной смуты и вместе с Нами напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле».¹

Таким образом, главное отличие данного государственного акта от проектов создания законосовещательного представительного органа, предложенных в 1904 году министром внутренних дел князем Святополк-Мирским и летом 1905 года министром внутренних дел Булыгиным,

¹ © А.Н.Баранов, 2012

заклучалось в том, что Манифест 17 октября 1905 года кроме провозглашения основных гражданских свобод (неприкосновенность личности, свободы совести, слова, собраний и союзов) установил незыблемое правило, «чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы», т.е. вводил в России законодательный представительный орган – Государственную Думу.

В своих воспоминаниях А.П. Извольский отмечает, что после опубликования Манифеста 17 октября граф Витте оказался объектом жесткой критики со стороны крайне правых и крайне левых, а со стороны умеренных либералов встретил полное равнодушие. Сам граф С.Ю. Витте находясь в пессимистическом настроении сказал, что «Манифест 17 октября предотвратил немедленную катастрофу, но он не явился радикальным лекарством в создавшемся положении, которое до сих пор остается угрожающим. Все, на что я могу надеяться, – это сохранить положение без больших потрясений до открытия Думы, но даже в осуществлении этой надежды я не могу быть вполне уверен. Новый революционный взрыв представляется всегда возможным».²

Несмотря на то, что кадеты в целом положительно оценили Манифест 17 октября 1905 г., провозглашавший введение в стране гражданских и политических свобод, созыв законодательной Государственной думы и расширение круга избирателей они, в отличие от октябристов, не заявили о безусловной поддержке правительства. В резолюции I учредительного съезда кадетской партии, принятой 18 октября, отмечалось, что «осуществление признанных Манифестом начал новой политической жизни поставлено в такие условия, при которых не может быть никакой уверенности в полноте и последовательности этого осуществления».³ В резолюции также указывалось, что Государственная дума, о созыве которой говорилось в Манифесте, «не может быть признана правильным народным представительством». Поэтому ближайшей задачей партии «остается достижение поставленной раньше цели – созыва Учредительного собрания на основе всеобщего и равного избирательного права с прямым и тайным голосованием, без различия пола, национальности и вероисповедания». В резолюции проводилась мысль о том, что Учредительное собрание может быть созвано через Государственную думу.

На съезде кадетской партии был намечен целый комплекс политических реформ, которые, по мнению идеологов конституционных демократов, должны были вывести страну на путь мирного конституционного строительства. Согласно этим предложениям, правительство С.Ю. Витте должно было осуществить следующие меры: немедленно приступить к реализации программы» изложенной в Манифесте 17 октября; отменить все исключительные законы; издать избирательный закон для созыва Учредительного собрания, которое

должно было выработать и принять конституцию; удалить из администрации лиц, вызвавших своими предыдущими действиями народное негодование; создать временный «деловой кабинет», полномочия которого должны были истечь к моменту созыва законодательного народного представительства и создания правительства из парламентского большинства; немедленно провести полную амнистию по политическим и религиозным преступлениям. В конце резолюции было заявлено, что не «ожидая удовлетворения намеченных требований, конституционно-демократическая партия предоставляет себе фактическое осуществление всех обещанных Манифестом, но не закрепленных точными определениями закона условий политической свободы».⁴

Свобода слова, в том числе и печатного, в соответствии с либеральной и освободительной традицией, рассматривалась лидерами конституционно-демократической партии (партии Народной свободы) как одно из неотъемлемых прав личности. В программе кадетской партии, принятой учредительным съездом 12-18 октября 1905 года, провозглашалось: «Каждый волен высказывать и устно, и письменно свои мысли, а равно обнародовать их и распространять путем печати или иным способом. Цензура, как общая, так и специальная, как бы она не называлась, упраздняется и не может быть восстановлена. За преступления и проступки, совершенные путем устного и печатного слова, виновные отвечают только перед судом».⁵ Несмотря на то, что в программе были фактически объединены понятия «свобода слова» и «свобода печати» в постановлении I съезда кадетской партии подвергся критике Манифест 17 октября, в котором «свободу печати» заменили «неясным выражением» «свобода слова».⁶ II съезд кадетской партии принял специальную «резолюцию о положении печати». Кадеты критиковали правительственные Временные правила 24 ноября 1905 года, указывая, что «идея правового государства чужды «особые преступления печати» и печатное слово может служить лишь орудием совершения общих преступлений».⁷ Все дела по печати кадеты предлагали передать в ведение суда присяжных.

Согласно Манифесту 17 октября 1905 года, населению были обещаны «незыблемые основы гражданской свободы» на началах неприкосновенности личности, свободы совести, слова собраний и союзов. В конце 1905 – начале 1906 гг. правительство приняло ряд «временных правил» для печати, деятельности обществ и союзов, которые регламентировали осуществление обещанных Манифестом политических свобод. Согласно принятым 4 марта 1906 г. «Временным правилам об обществах и союзах» все существовавшие в России политические партии (общества) и союзы должны были быть официально легализованы или запрещены. «Временными» эти правила были названы потому, что вводились в действие впредь до принятия, в соответствии с Манифестом

17 октября, общего закона о союзах и обществах. Кадетской партии было отказано в легализации, и подлинное объяснение этому в значительной мере дал П.А. Столыпин в статье, опубликованной в «Новом времени». Согласно ему, конституционно-демократическая партия «преследовала революционные цели».⁸

В конечном итоге, несмотря на все старания ЦК, кадетская партия была официально легализована лишь после Февральской революции 1917 года.

В обращении ЦК октябристской партии, которое было подписано Д.Н. Шиповым и П.Л. Корфом, отмечено, что «акт 17 октября налагает» на общество «священную обязанность» твёрдо отстаивать положения Манифеста и содействовать созыву Государственной думы,⁹ а в основе этой «священной обязанности» лежит гражданский долг. О «священной обязанности» сплотиться вокруг провозглашённых манифестом начал, заявлялось и в программном воззвании «Союза 17 октября».¹⁰ Стремление придать введённым Манифестом началам вид некоторой безусловной ценности, освященной волей императора характерен для многих обращений октябристов на выборах в I и II Государственные думы.

В целой серии листовок просветительского характера под общим заголовком «Царское слово», октябристы комментировали текст Манифеста и обращений императора к народу. В них они призывали верить царю, утверждая, что он «никогда не отнимет того, что обещал», ему «всякий должен помогать», чтобы Россия успокоилась, и наладилось «общее, народное дело».¹¹ Популярна была фраза: «Царь сказал: всякое право собственности неприкосновенно», как и неприкосновенность личности, свобода совести, слова, собраний и союзов.¹²

В своих предвыборных обращениях «Союз 17 октября» заявлял, что суть государственного порядка, «дарованного» Высочайшим Манифестом и отстаиваемого партией, состоит из четырёх компонентов: «царь, народное представительство с законодательной властью и права гражданской свободы».¹³ А суть позиции октябристов описывалась как «союз мира, правды и спокойного труда»,¹⁴ в котором «верные сыны отечества приняли Манифест с радостью и благодарностью, а враги нашего Отечества ополчились».¹⁵

В оценке Манифеста одним из самых дискуссионных вопросов стал вопрос о том вводится ли Манифестом 17 октября 1905 года в России новая форма правления, или же данный государственный акт только обещал введения в будущем провозглашённых в нем норм занимал как лидеров политических партий, так и ученых-правоведов. Наиболее точно сформулировал суть вопроса конституционный демократ Я.М. Магазинер: «заклучалось ли уже в самом манифесте изменение действующего закона или такое изменение повелено было еще только произвести в будущих законах?». Он указывал на дискуссионность проблемы, поскольку ряд

авторов «отстаивают право-преобразующую силу» Манифеста 17 октября, в то время как другие признают за ним «морально-политическую силу, отчасти, программу реформ».¹⁶

Товарищ председателя ЦК октябристской партии, профессор Александровского Университета барон С.А. Корф считал, что Манифест 17 октября 1905 года носил характер правового обещания и не создал непосредственного перехода к конституционному строю. Корф не разделял взгляды ряда ученых, утверждавшими, что Манифест 17 октября установил ограничение власти монарха в области законодательства и, следовательно, этот момент необходимо считать началом русской конституции. В своей оценке Манифеста он исходил, во-первых, из того, что Манифест 17 октября «не содержал акта установления Думы, а лишь обещание такового», а во-вторых, что между обещанием и действительным созывом Думы, т.е. в промежуток времени с 17 октября 1905 года до 27 апреля 1906 года, единоличной властью монарха был издан целый ряд важнейших актов, некоторые из которых легли в основу русской конституции.¹⁷ Однако из того, что Манифест 17 октября носил лишь программный характер и обещания реформ, по мнению Корфа, не следует, что монарх после его издания был свободен его отменить или уничтожить. «Манифест, – писал ученый в своем труде «Русское государственное право», – носит не только характер нравственного обещания, морально обязавшего монарха, его давшего, но и характер правовой нормы».¹⁸

Целый ряд ученых-правоведов, – Н.И. Палиенко, Н.И. Лазаревский, Е.П. Казанский и др., считали Манифест 17 октября 1905 года моральным обязательством Императора установить в будущем строй, возвещенный в Манифесте и предписанием правительству осуществить соответствующие изменения путем выработки специальных законов.

Одним из первых к вопросу о фактическом переходе от одной формы правления к другой обратился Н.И. Палиенко в своей работе «Основные законы и форма правления». В ней автор утверждал, что «в Манифесте 17 октября 1905 года не содержится ясного и категорического установления тех новых законодательных норм, которые с самого момента их обнародования юридически преобразуют абсолютный строй в конституционный».¹⁹ Характеризуя содержание императивной части Манифеста 17 октября, автор приходит к выводу, что оно «сводится к предписанию правительства выполнение воли монарха», а нормы Манифеста называет «директивами».²⁰

Палиенко Н.И. считал, что изменение существовавшего государственного порядка и установление новой формы государственного устройства возможно лишь с выработкой и изданием «предуказанных монархом» законов. Из рассуждений автора неминуемо следует вывод об отсутствии «юридического ограничения» власти монарха, а если и можно говорить о каком-либо ограничении, то ограничением этим является

«моральная обязанность монарха осуществить торжественно возведенную им народу в Манифесте реформу». Говоря о значении Высочайшего Манифеста 17 октября для русского общества, Н.И. Палиенко дает ему следующую правовую оценку: «Для населения манифест был торжественным обращением к нему и объявлением монарха тех начал, на которых будет реформирован государственный строй России».²¹

Для подтверждения своей позиции Н.И. Палиенко в работе «Правовое значение Манифеста 17 октября 1905 года» использует аутентичное толкование двух Высочайших Манифестов: «Об усовершенствовании государственного порядка» и Манифест 20 февраля 1906 года. Слова Манифеста 17 октября – «На обязанность правительства возлагаем Мы выполнение непреклонной нашей воли» и текст Манифеста 20 февраля 1906 года – «Мы постановляем впредь общим правилом, что со времени созыва Государственного Совета и Государственной Думы, закон не может воспринять силы без одобрения Совета и Думы» – по мнению автора, доказывают, что Манифест 17 октября 1905 года предопределил реформу, но не установил конституционный строй. Н.И. Палиенко акцентирует внимание на ключевом слове Манифеста 20 февраля 1906 года – «впредь», которое, по мнению автора, свидетельствует о том, что до момента издания Манифеста 20 февраля 1906 года «незыблемо правило, чтобы никакой закон не мог, воспринять силу без одобрения Государственной Думы» не было установлено.

Точку зрения Н.И. Палиенко разделял видный ученый в области государственного права Н.И. Лазаревский, который писал, что Манифестом 17 октября «на правительство возлагалась известная программа реформ: установить права гражданской свободы, расширить избирательное право».²² Правовед также обратил внимание на отсроченный характер действия Манифеста 17 октября 1905 года. «Из смысла самого манифеста, – заявлял ученый, – вытекает, что непосредственно он не создал перехода от самодержавия к ограниченной монархии, но что этот переход был предрешен манифестом».²³ Исходя из концепции о разделении актов государственной власти на те, «которыми устанавливаются юридические нормы» и те, «которыми возвещается правительственная программа» Н.И. Лазаревский определяет Высочайший Манифест 17 октября 1905 года, как руководство монарха правительству. Автор подчеркивает, что «Манифест носит программный характер», и сравнивает Манифест 17 октября с «векселем на реформу» и «исполнительным листом», предъявлением которых реализуется заложенное в этих документах право.²⁴ Этим он в очередной раз подчеркивает, что Манифест является своеобразным обязательством, воплощение и претворение в жизнь которого определяется последующими законами.

В работе «Исторический очерк преобразования государственного

строю в царствование Императора Николая II» Н.О. Куплевасский назвал Манифест 17 октября 1905 года «заявлением верховной власти о своих намерениях установить новые законы», при этом, утверждал, что Манифест 17 октября «не имеет значения источника права».²⁵

Против данной точки зрения выступали многие идеологи политических партий России и ученые в области государственного права в числе которых были В.М. Гессен, П.Б. Струве Ф.Ф. Кокошкин, В.М. Грибовский и др. Они исследовали правообразующий аспект Высочайшего манифеста 17 октября 1905 года и отмечали, что Манифест со дня опубликования установил новый государственный строй, навсегда порвав со старой формой правления – самодержавием.

Полемизируя с Н.И. Палиенко, Н.И. Лазаревским и другими учеными, видевшими в Манифесте 17 октября лишь обещание реформ, член ЦК кадетской партии, депутат I Государственной думы, приват-доцент Московского университета Ф.Ф. Кокошкин. Он доказывал, что Манифест провозгласил конституционный принцип в качестве обязательной нормы русского государственного и совершил переход к новой форме правления. В качестве источника права ученый признавал общественное правосознание, которое он называл «общественным провозглашением». По его мнению, право создается и действует в государстве не только в силу актов государственной власти но и путем общественного признания. Возражая Палиенко и Лазаревскому, Ф.Ф. Кокошкин заявлял, что Манифест 17 октября не только представляет собой «закон в формальном смысле слова», но и «представляет характерные признаки сочетания законодательного акта с прямым общественным правотворчеством».²⁶ Он считал, что Манифест 17 октября 1905 года отражал чаяния и стремления русского народа и считал его общепризнанной и официально засвидетельствованной целью – «удовлетворение требований общественного правосознания, приведение законодательства в соответствии с правовыми идеями общества».²⁷ Кокошкин Ф.Ф. утверждал, что «положения Манифеста воспроизводили основные требования» общественного правосознания, а «русское общество, по крайней мере, в подавляющем своем большинстве поняло манифест, как установление конституционного принципа, и считало после манифеста 17 октября 1905 года переход к этому новому образу правления бесповоротно совершившимся фактом». Он доказывал правообразующую силу Манифеста, наивысшей санкцией для которого является общественное мнение.²⁸ Именно поэтому, конституционный демократ считал «совпадение положений манифеста с тезисами, выдвинутыми общественным мнением не случайным, но преднамеренным со стороны законодателя».

Профессор А.С. Алексеев, как и Ф.Ф. Кокошкин, видел силу Манифеста 17 октября в «солидарности манифеста с голосами страны».²⁹

Изданный в установленном для закона порядке, Алексеев бесспорно признавал Манифест 17 октября 1905 года законом «в формальном смысле». «По существу, – писал автор, – он – не предписание власти, а выражение воли общества».³⁰

Продолжая полемику с Палиенко, Ф.Ф. Кокошкин полагал, что новый правопорядок был непосредственно установлен Манифестом 17 октября, а не обещан в будущем. По его мнению «Манифест 17 октября не есть инструкция министерству, не есть обещание, имеющее лишь моральное значение».³¹ В работе «Юридическая природа Манифеста 17 октября», до сих пор не утратившей своей научной ценности, Кокошкин называл Высочайший Манифест «актом провозглашения, устанавливающим первичные, основные нормы нового государственного порядка».³²

Данную позицию разделял профессор Императорского Новороссийского университета В.М. Грибовский, который утверждал, что Манифест 17 октября 1905 года «не простое обещание, не только программа предстоящих преобразований».³³ Я.М. Магазинер считал, что «акт 17 октября установил юридические начала нового государственного строя», но при этом отмечал, что нормы Манифеста «широки, чтобы непосредственно начать действовать, не нуждаясь в детально разработанных законах». Проанализировав юридическое значение Высочайшего Манифеста 17 октября 1905 года, автор пришел к выводу, что «Манифест был не моральным обещанием, а правовым обязательством».³⁴

Таким образом, из содержания Манифеста 17 октября следовало, что выполнение провозглашенных Манифестом норм, должно было быть осуществлено правительством путем выработки, совместно с Государственной Думой специальных, идущих в развитие норм Манифеста 17 октября, законов. Данное обстоятельство послужило тому, что ряд видных ученых, – В.М. Гессен, П.Б. Струве, Ф.Ф. Кокошкин, В.М. Грибовский и др., многие из которых входили в ЦК кадетской партии, признавали за Манифестом 17 октября правообразующую роль и утверждали, что с момента опубликования Манифеста 17 октября государственный строй Российской Империи был преобразован, а содержащиеся в Манифесте юридические принципы стали действующим правом. В тоже время Н.И. Палиенко, Н.И. Лазаревский и другие ученые называли Манифест 17 октября, своеобразной программой реформ адресованной правительству для преобразования государственного строя и полагали, что Манифест обещал в будущем установить конституционный принцип и совершить переход к новой форме правления.

¹ Законодательство эпохи империализма и буржуазно-демократических революций //

Российское законодательство X-XX вв. - М., 1994. Т. 9. - С. 41.

² Извольский А.П. Воспоминания. М., 1989. – С.19,21.

³ Октябрь 1917 и судьбы политической оппозиции. Часть I. Политические партии России. – Гомель, 1993. - С.117.

⁴ Там же. – С.118.

⁵ Конституционно-демократическая партия. Съезд 12-18 октября 1905 г. - М., 1905. - С.10.

⁶ Там же. - С.23-24.

⁷ Постановления 2-го 5-11 января 1906 г. съезда и Программа. - СПб., 1907. - С.20.

⁸ Новое время. - 1906. - 6 сентября.

⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). - Ф.115 (Союз 17 октября).- Оп.1. - Д.8. - Л.14.

¹⁰ Воззвание «Союза 17 октября» // Политические партии России первой четверти XX века. Воронеж 1992. С.36.

¹¹ ГАРФ.– Ф.115. Оп.1. д.8. ч.1. - Л.5-6.

¹² Там же. - Л.8.

¹³ Там же. – Ф.555. - Оп.1. д.1484. - Л.14-15.

¹⁴ Там же. – Ф.115. - Оп.1. д.8. ч.1. - Л.21-22..

¹⁵ Там же. – Л.26.

¹⁶ Магазиер Я.М. Юридическое значение манифеста 17 октября 1905 г.// Юридический вестник. 1915. Кн. XI (III). - С. 65.

¹⁷ Корф С.А. Русское государственное право. - М., 1915. - С. 57.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Палиенко Н.И. Основные Законы и форма правления. - Харьков, 1910. - С. 38.

²⁰ Там же. - С.40-41.

²¹ Там же. - С.41.

²² Лазаревский Н.И. Русское государственное право. - Петроград, 1917. - С. 188.

²³ Там же. - С. 158.

²⁴ Лазаревский Н. И. Административная хроника.//Вестник права. -1905., № 8. -С. 307,310.

²⁵ Куплевасский Н.О. Исторический очерк преобразования государственного строя в царствование императора Николая II. - СПб, 1912. - С. 64.

²⁶ Кокошкин Ф.Ф. Юридическая природа манифеста 17 октября// Юридический вестник. 1913. Кн. I. - С. 54-55.

²⁷ Там же. - С. 54.

²⁸ Там же. - С. 39.

²⁹ Алексеев А.С. Манифест 17 Октября 1905 и политическое движение его вызвавшее. - М., 1915. - С. 25.

³⁰ Там же.

³¹ Кокошкин Ф.Ф. Юридическая природа манифеста 17 октября// Юридический вестник. 1913. Кн. I. - С. 55.

³² Там же. С. 55.

³³ Грибовский В.М. Государственное устройство и управление Российской Империи. - Одесса, 1912. - С. 31.

³⁴ Магазиер Я.М. Юридическое значение манифеста 17 октября 1905 г.// Юридический вестник. 1915. Кн. XI (III). - С. 66-67.

Учащаяся молодежь г. Костромы в революционных событиях 1905 г.

Посвящается видному костромскому историку, моему учителю М.Н.Белову.

События «кровавого воскресения» 9 января 1905 года в Петербурге не оставили равнодушным костромское общество, присоединившее свой голос негодования к голосу миллионов граждан России. Волна революционного возмущения захватывала и учащуюся молодежь г. Костромы не довольную существующим политическим строем и царившими в то время порядкам в средней школе.

По мере того как в стране и городе нарастали протестные выступления рабочих и интеллигенции, обстановка в феврале в учебных заведениях города Костромы накаляется до предела. 7 февраля начинается забастовка в наиболее близком к рабочим кварталам и демократическом по своему составу среднем механико-техническом училище имени Ф.В. Чиждова. Утром следующего дня выработанные учащимися требования были вручены директору. В своем обращении они писали: «...не будучи в состоянии оставаться равнодушными зрителями, совершающимися вокруг нас событиями, играющих немаловажную роль в жизни учебных заведений, мы признаем невозможным продолжать занятия...». Они объявили о «необходимости прекратить занятия до 1 сентября, оставив за собой свободу действий». При этом к числу причин своего протеста ученики отнесли полицейско-воспитательный режим, царивший в учебном заведении, и недостатки в организации и содержании обучения, неудовлетворенность материальных нужд и ограничение свободы и другие.¹ Позднее к бастовавшим присоединились и учащиеся химико-технического училища. Попытка администраций учебных заведений овладеть ситуацией не увенчались успехом.

Ища поддержку у костромского общества, ученики чижовских училищ обращаются к нему со специальной прокламацией. В ней говорилось о необходимости коренной реформы «...общих условий нашей общественной и государственной жизни». От лица всех учеников Костромы они предлагали обществу: «...вмешаться в ход школьной жизни» и «... перейти от повторения давно установленных истин к их активному проведению в жизнь»². И такую поддержку своего движения ученики средних школ получили в первую очередь у рабочих. Их союз уже на первом этапе революции стал укрепляться практикой борьбы за демократические преобразования. К этому времени общее число

¹ © Н.Н.Прислонов, 2012

забастовщиков в Костроме достигло 4 тыс.³ И в их числе были ученики чижовских училищ, а так же костромской мужской гимназии, где начались волнения вызванные исключением из учебного заведения за противоправительственную пропаганду одного из учеников и увольнением прогрессивномыслящего учителя⁴.

Большое влияние на вовлечение учащейся молодежи в революционно-демократическое движение оказала деятельность находившейся под воздействием социал-демократов «Объединенной группы учащихся всех школ». Она была образована еще в 1904 г., при активном участии находившегося в Костроме на нелегальном положении Я.М. Свердлова, на основе запрещенных властью кружков, существовавших в учебных заведениях города в 1902-1903 гг.⁵. В состав организации входили молодые люди разделявшие взгляды как социал-демократов так и социалистов-революционеров. Комитет группы, в котором были представители духовной семинарии и всех средних образовательных учреждений (за исключением женских), в условиях нараставших революционных событий проводит ученические сходки и митинги, распространяет листовки и другие издания социал-демократов, организовывается сбор средств для партийной кассы. На этом этапе развития революционных событий, примерно в конце марта – начале апреля 1905 г., внутри нее происходит размежевание. Из ее состава выходит группа учащихся ориентированных на большевиков и организует «Социал-демократическую группу костромских учащихся», поставившей своей целью «распространение социал-демократических и революционных идей среди учащихся и от части остального населения и замену государственного строя демократической республикой, основанной на социалистических началах.»⁶

О масштабах ее революционной деятельности можно судить по материалам следствия по делу активных членов Комитета, Сергея Сахарова и Павла Василевского которым на момент ареста, в апреле 1905 г., было не более 17 лет. На их квартире неоднократно собирались ученические собрания, проводились занятия кружков, хранились листовки костромского комитета РСДРП и нелегальная литература. У П.Василевского были обнаружены прокламации «Ко всем гражданам России», «Солдатская памятка», бюллетень социал-демократической группы учащихся, а так же гектограф, на котором как раз в момент ареста печаталась листовка «Солдатская памятка». Через них осуществлялась связь учащихся социал-демократов с рабочими и костромской группой Северного комитета РСДРП⁷.

Таким образом, политические события зимы и весны 1905 г. в конечном счете приводят к формированию в Костроме революционно-демократического движения учащихся средних школ. В их среде происходит медленная, но ощутимая трансформация воззрений от

либерально-демократических к революционным, а движение все более превращается из академического в политическое. О чем и свидетельствовали забастовки в учебных заведениях и политические демонстрации учащихся с марта по июнь месяц 1905 года.

Первое мая 1905 года в Костроме, как и по всей стране превратилось смотр революционных сил. В кружках рабочих и учащихся агитаторы разъясняли цели готовившихся политических акций. Только за апрель революционными партиями в городе Костроме было выпущено 8725 экземпляров различных прокламаций. «Пусть первое мая этого года станет для нас праздником народного восстания... Да здравствует свобода рабочего и крестьянского народа, да здравствует демократическая республика и долой царское самодержавие!», - обращались к народу костромские большевики в одной из них⁸.

Как и было намечено, утром 1 мая с большим подъёмом за городом прошла массовка, а вечером в центре Костромы при большом стечении народа рабочие и учащиеся, интеллигенция, устроили демонстрацию. В ней приняло участие около 150 человек. Перед собравшимися с речью выступил ученик училища Ф.Чижова социал-демократ Н. Соколов, закончивший её горячим призывом к революционной борьбе с самодержавием. Все поддержали этот призыв пением «Марсельезы» и «Варшавянки», а затем с криками «Долой самодержавие!», пением «Марсельезы» пошли по центральным улицам города – Ильинской и Русина. Демонстрацию возглавили учащиеся А. Панфилов, Герасимов, С. Загайна, Кондратьев, братья Самойловы, Калугин, Козлов, С. Мовшович. Ученик технического училища Сеницын поднял красный флаг⁹. Эта манифестация, завершившаяся столкновением с полицией, получила широкий общественно-политический резонанс.

В условиях дальнейшего развития массового движения учеников средних школ полиция, педагогическое руководство как учебных заведений так и учебного округа прилагают все усилия для приостановления движения, но, несмотря на все принимаемые меры, ограничить и локализовать его не удаётся. 31 мая и 7 июня в городе вновь происходят крупные демонстрации учащейся молодежи и рабочих, закончившиеся вновь столкновениями демонстрантов с полицейскими¹⁰. При этом 7 июня двое городских были ранены, а 20 юных демонстрантов из числа учащихся арестованы¹¹. Костромская группа Северного комитета РСДРП, откликнулась на это событие специальной листовкой «Ко всем гражданам». В ней оно оценивалось как начало гражданской войны: «...это, конечно, только пролог генеральной схватки. Демонстрации, протесты, набеги рабочих, учащихся молодёжи и вообще революционного народа на власть будут происходить с фатальной исторической необходимостью»¹².

С наступлением каникул, не смотря на подъём рабочего движения, самостоятельных массовых выступлений учащихся в Костроме не происходило, но как свидетельствуют полицейские документы наиболее революционно настроенная часть из молодых людей летом посещала все митинги и сходки рабочих, выступала на них, распространяла революционные прокламации среди рабочих, интеллигенции и крестьян. Растёт и число учащихся в социал-демократических кружках. К июню 1905 года в них насчитывалось уже более 200 человек¹³.

Осенью 1905 года начало занятий в средних учебных заведениях города Костромы совпало с подъёмом революционного движения и в этих условиях «Социал-демократическая группа костромских учащихся» активизирует свою организаторскую и агитационно-пропагандистскую деятельность. По ее инициативе среди учеников проводится сбор средств на оружие, распространяются прокламации и политическая литература. У многих членов группы на конспиративных квартирах имелись, типографические шрифты, оружие. Группа организует митинги учащейся и рабочей молодёжи, а на квартирах у сочувствующих учеников устраиваются собрания и сходки с участием молодых, но уже опытных революционеров О. Афанасьева (Квиткин), С. Гастева, Я. Андреева, П. Караваева.

Именно в этот период в настроениях и действиях учащихся начинается процесс радикализации, чему в значительной степени способствовала тактика социалистов-революционеров и социал-демократов. Так в листовке «К учащимся города Костромы в сентябре 1905 года костромской комитет РСДРП призывал учащуюся молодежь: «...Забросьте вашу школьную науку... и обратитесь к одной науке – научному социализму. ...Организуйтесь в ученические дружины с пролетариатом, учитесь военному искусству – нападать и побеждать. ...Дайте же, товарищи учащиеся, поддержку российскому пролетариату.»¹⁴

Такого рода призывы находили живой отклик у молодежи. Революционная волна сентября и октября захватывала все новые и новые отряды учеников. В условиях нарастающего национального политического кризиса свою политическую активность начинают проявлять уже и представители буржуазных слоев учащейся молодежи. 13 сентября 1905 года на городском бульваре проходит демонстрация, в которой приняло до 70 человек реалистов, до 40 техников и 30 гимназистов, и 15-20 гимназисток¹⁵. На следующий день в городе произошли ещё 2 демонстрации учащихся. Сначала днем 200 человек гимназистов, реалистов, техников и гимназисток в центре города демонстративно распевали «Русскую Марсельезу» и выкрикивали антиправительственные лозунги, а вечером прошла демонстрация, в которой приняли участие и учащиеся технических училищ им. Ф. Чижова¹⁶. И вновь звучали

революционные песни и лозунги призывающие к свержению самодержавия. Накал неповиновения и политических страстей возрастал.

29 сентября 1905 г. начинаются крупные волнения и в мужской гимназии, заставившие дирекцию 3 октября закрыть ее¹⁷. Теперь революционный пыл и энергия гимназистов выплескивается на улицу. Аналогичное положение складывается и в других учебных заведениях, что привело к окончательному формированию прочного союза учащихся учебных заведений. Практически везде создаются ученические забастовочные комитеты, установившие тесную связь с политическими партиями левого толка и координирующие свою деятельность, как между собой, так и с фабричными забастовочными комитетами, Советом депутатов. Более того, они все активнее начинают дрейфовать в сторону рабочих кварталов и левых партий, особенно РСДРП, которым удается влиять на настроения рабочего класса и учащихся средних школ г. Костромы.

В начале октября революционная обстановка в учебных заведениях накаляется до предела. 2 октября в зале химико-технического училища имени Ф. Чижова происходит митинг 300 учащихся средних школ и рабочих¹⁸. В этот же день днём 150 человек реалистов демонстративно прошли по городу с пением «Русской Марсельезы» и открыто угрожали полиции оружием¹⁹. 9 октября в саду духовной семинарии прошел митинг с участием уже 500 учеников средних школ, который завершился массовой демонстрацией. 15 октября новый митинг устраивается в здании механико-технического училища²⁰. На каждой из политических акции раздавались призывы к свержению самодержавия, вооруженному восстанию.

Политический конфликт нарастал с каждым днем. Высшей же его точкой явились трагические события в Костроме 19 октября. Они стали откликом на царский манифест о даровании русскому народу свобод. В знак протеста костромской Комитет РСДРП решил провести массовый митинг рабочих и учащейся молодежи. В полдень 19 октября ученики технического училища по заданию Комитета «Социал-демократической группы костромских учащихся» сняли с занятий реалистов, гимназисток, а затем семинаристов и с пением революционных песен направились на Сусанинскую площадь. Начавшийся митинг был прерван нападением на собравшуюся молодежь монархически настроенных граждан. Они избивали юношей и девушек палками, поленьями, кирпичами, кулаками, топча ногами, таская за волосы, бросая об землю и разрывая на них одежду. Полиция бездействовала и только вмешательство подошедших рабочих спасло многих от дальнейшей трагедии, но тем не менее более 100 человек учащихся пострадали, а семинарист Хотеновский умер от нанесения побоев²¹.

Под влиянием этих событий еще больше нарастает процесс революционизации учащихся и рабочих. Борьба становится ожесточенной.

Теперь демонстрации и митинги уже охраняются вооруженной боевой дружиной, ядро которой состояло из горячий, рвавшей к героическим поступкам молодёжи. Так из 82 членов ее 47 человек были учащиеся средних учебных заведений города²².

Состоявшиеся 23 октября похороны Хотеновского превратились в новую массовую политическую демонстрацию революционно-демократических сил города. В этот же день впервые революционные выступления перерастают в Костроме в вооруженную схватку, так как во время разгона казаками митинга рабочих и учащихся на Михинском сквере боевая дружина применила оружие.

В новых, очень быстро менявшихся политических условиях забастовочные комитеты призывали учащихся к забастовке. «...Но мы заявим громко, открыто – забастовкой. Забастовка будет, ждите не падайте духом!» - обращался в листовке к юношам «Комитет забастовки» учащиеся Костромской мужской гимназии. Царское правительство гимназисты оценивали в ней, как неспособное управлять государством, призывали молодежь к вооружённому восстанию и выдвинули требования академического и демократического характера: «1) скорейшая реформа образования; 2) прекращение надзора за внешкольной жизнью учащихся; 3) свобода в выборе квартир; 4) полная свобода в посещении церкви; 5) прекращение преследований, собраний, кружков и т. д.; 6) свобода в посещении общественных учреждений (театров, судебных процессов и прочее)». Аналогичные требования выдвинули и ученицы Григоровской женской гимназии²³ и учащаяся молодежь Чухломского, Кологривского сельскохозяйственных училищ, Макарьевского ремесленного училища им. Ф.В. Чижова²⁴

Испуганная событиями школьная администрация по указанию попечителя Московского учебного округа срочно закрывают учебные заведения до 15 ноября. Учащимся разрешают свободное ношение формы, свободное посещение театров, собраний, устройство сходок и собраний внутри учебного заведения, что повлияло на отход от движения части либерально-настроенных учащихся. В начале ноября в учебных заведениях становится по спокойнее, однако радикальная часть молодежи продолжает активно участвовать в рабочих митингах и собраниях, организуемых социал-демократами.

15 ноября учебные заведения г. Костромы приступают к занятиям, но беспорядки вспыхивают вновь в чижовских технических училищах, духовной семинарии, мужской гимназии, заставившие администрации учебных заведений их закрыть почти до середины-конца января 1906 года.

Декабрьские события, ставшие пиком революционных выступлений в Костроме, да и по всей России, со всей силой охватили и учащихся, о чем свидетельствует массовые митинги с их активным участием 6, 9 и 11 декабря. Революционная Кострома охваченная всеобщей забастовкой,

ждала из Москвы сигнала к вооружённому восстанию. В своих листовках костромские большевики призывали народные массы к нему: «...К оружию, в ком не подавлена святая любовь к свободе! Вооружайтесь поголовно, не смотря ни на что!»²⁵

В этих условиях активизируется деятельность боевой дружины, численность которой достигла в ноябре 300 чел., а в декабре в ней было уже 600. Сферой действия ученического отряда была центральная часть города. В составе его были сестрами - милосердия и гимназистки. Дружинники организуют мастерские где изготавливали оружие, бомбы, гранаты, освобождают из тюрьмы революционеров. Однако проведенные ими несколько террористических акций, денежных экспроприаций заставили костромской комитет РСДРП принять отдельные меры по прекращению не нужных эксцессов, формирующих отрицательное отношение у обывателей к революционерам²⁶.

Сигнал о начале восстания не поступил. 13 декабря всеобщая забастовка в Костроме прекращается. Власть переходит в наступление. Начинается расправа над революционно-демократическими силами. В конце 1905 – начале 1906 года, из-за арестов прекратила своё существование «Социал-демократическая группа костромских учащихся». Осенью 1905 г. и в начале зимы 1906 г. полностью ликвидируется боевая организация. По приговору суда один из дружинников был казнён, 5 осуждаются на каторгу, 3 ссылаются на поселение. Другие сажаются в тюрьмы. Всего в 1905-1906 гг. Губернское жандармское управление поставило на учет в основном из числа учащихся только по причине неблагонадежности 274 человек,²⁷.

Движение учащейся молодежи шло на спад, но леворадикальная учащаяся молодежь продолжала агитационно – пропагандистскую работу, распространяя листовки и прокламации. До 1 мая 1906 года продолжались протестные выступления учащихся среднего механико-технического училища²⁸.

Стоит отметить, что борьба учащихся за академические права заставила Министерство народного просвещения пойти в 1906 – 1907 гг. на удовлетворение значительного числа академических требований, на создание родительски советов, которые участвуют в обсуждении дел школы. Пересматриваются правила для учащихся, учебные планы и программы обучения технических и реальных училищ, духовных семинарий²⁹. Однако уже в 1908 году начинается возврат к прежним порядкам.

Наступили годы реакции, но революция сформировала политическое сознание поколения молодежи, которая станет активной действующей силой в событиях 1917 и последующих годов революционных потрясений, повернувших страну в русло социалистических преобразований.

1. Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф.445. Оп.1. Д.15, Л.2-3
2. ГАКО. Ф.429. Оп.1. Д.475. Л.73
3. ГАКО. Ф.120. Оп.2. Д. 475. Л.75
4. Там же
5. Растопчина М. Очерки по истории революционного движения в Костроме. Кострома, 1922 .С.16
6. ГАКО. Ф.120. Оп.2 Д.475. Л.100
7. Там же
8. ГАКО. Ф.120. Оп.1. Д.746 Л.91
9. ГАКО. Ф.120. Оп.1. Д.473. Л.36
10. ГАКО. Ф.120. Оп.2. Д.514. Л.1
11. Там же
12. ГАКО. Ф.449. Оп.1. Д.173. Л.101
13. Растопчина М. Очерки по истории революционного движения в Костроме. Кострома, 1922 .С. 23
14. Революционное движение в 1905-1907 годах в Костромской губернии: Сб-к док./ ред. И. Пахомов. Кострома, 1955.С.137
15. ГАКО. Ф.120. Оп.1. Д.477. Л.43
16. Там же
17. ГАКО. Ф.429. Оп.1. Д.320. Л.478
18. Пахомов М. Большевики Костромы в революции 1905-1907 гг. Кострома, 1954 . С.140
19. ГАКО. Ф.120. Оп.2. Д.430. Л.86-87 об.
20. 1905 год в Костроме. / Под. ред. Я. Андреева. Кострома, 1926. С.142
21. ГАКО:ф.120,оп2,ед.495,л.1-3
22. 1905 год в Костроме. /Под. ред. Я. Андреева. Кострома, 1926. С.72
23. Там же и «Родительские собрания в Григоровской женской гимназии». Отчёты о собраниях/ред. Арженников. К.;, 1906. С. 9-14
24. ГАКО. Ф.445. Оп.1. Д.4. Л.26-27; Д.15, 35
25. Революционное движение в 1905-1907 годах в Костромской губернии: Сб-к док./ ред. И. Пахомов. Кострома, 1955. С.188
26. 1905 год в Костроме./Под. ред. Я. Андреева. Кострома, 1926. С.68
27. ГАКО. Ф.445. Оп.1. Д.6. Л.7об; Ф.120. Оп.1. Д.715, 1098, 904. Л.148
28. ГАКО. Ф.120. Оп.1. Д.15. Л.2,3,13
29. ГАКО. Ф.445. Оп1. Д.619. Л.27-31об.

С.Ф. Аманов

Раскол в рабочей среде в период первой русской революции 1905 – 1907 гг.

Революционные события 1905 – 1907 гг. внесли раскол и потрясение во все слои российского общества. За влияние на рабочих развернулась широчайшая по масштабам партийная борьба. Как результат, одновременно с процессом революционизирования одних рабочих, шёл процесс роста промонархических настроений среди других.

В ряде советских работ¹, четко прослеживалась тенденция, согласно которой рабочие, в период первой русской революции выступали единым революционным лагерем против самодержавия. Однако такое утверждение не верно. Методы и средства, к которым прибегали революционеры, зачастую вызывали возмущение у обычных граждан Империи, значительная часть рабочих, как впрочем, и крестьян, продолжали верить в доброго «батюшку-царя», несмотря на активную пропаганду революции в их среде. Рабочие, которых зачастую заставляли выходить на забастовки помимо их воли, активно пополняли ряды сторонников монархии – черносотенцев. Их взгляды на революционные события отличались её резким непринятием, которое выражалось в избиении агитаторов, бойкоте стачек и иных формах борьбы.

Можно условно выделить группы предпосылок и причин, которые усугубляли размежевание среди рабочих:

- *политические*: к этой группе относится работа политических партий, правительства в рабочей среде. Они приводили к тому, что зачастую, в рамках одного предприятия, создаются организации, различные по своим политическим убеждениям, взглядам на происходящие общественно-политические события, и своим видением на участие рабочих в революционном движении.

- *экономические*: эта группа причин обусловлена ухудшением экономического положения части рабочих в период общественных волнений 1905 -1907 гг. Так, рабочие, которые из-за продолжавшихся забастовок и стачек, не могли выйти на работу, в ответ, начинали активное противодействие своим бастующим коллегам. И наоборот, значительная часть рабочих в стачках видела перспективу для улучшения своего материального положения. На этом фоне часто происходили конфликты, значительная часть которых заканчивались расправой.

- *социальные*: крылись в самом рабочем самосознании. Большинство костромских рабочих к началу XX века были еще лояльно настроены к существовавшей власти, и вера в доброго батюшку царя сохранялась, но уже росла роль рабочих, воспитанных в условиях партийной пропаганды, и имевших другой менталитет. Это вполне отражает эволюция протестных требований костромских рабочих. Уровень архаичности или новизны рабочего мышления рабочего напрямую зависел от нескольких факторов, от профессии рабочего, его связи с землей и деревней.

Надо отметить, что названные причины раскола в рабочем движении весьма условны, и зачастую переплетались между собой.

Уже в предреволюционные годы, на фабриках и заводах губерний, параллельно процессу революционирования рабочих происходило возникновение черносотенных групп и обществ, получивших в современной литературе название «сил противодействия²». Практически на всех крупных предприятиях, консервативно настроенными

представителями духовенства были организованы так называемые религиозные братства, общества трезвости. Руководители этих обществ были близки к рабочим, и четко улавливали их революционные настроения³. Часть рабочих активно вступала в подобные общества, поскольку их негласными лозунгами являлось противодействие «революционной крамоле». Зачастую современниками отмечалась безнаказанность действий таких рабочих.

Так как революционизирование рабочих в Костромской губернии происходило интенсивней, чем в соседних регионах, то соответственно, на этом фоне, резко проявились и черносотенные настроения рабочих, активно противодействующих стачечному движению⁴. Например, в июле 1905 года, часть рабочих Кашинской фабрики в Костроме не только отказалась примкнуть к забастовке, но и всячески оказывала сопротивление своим бастующим коллегам⁵. Так, вооруженные ножами и гирями монархически настроенные рабочие, зверски избили организаторов стачки⁶.

Противодействие рабочих имели и другие проявления. Например, в июле 1905 года, они пытались сорвать собрание депутатов рабочих от фабрик Костромы. Когда среди рабочих стали распространяться листовки, черносотенцы закричали: *«Вон, смотрите, смотрите, бросают прокламации политикане, сейчас они выкинут красное знамя, и в нас будут стрелять, пойдёмте во двор, здесь нам делать нечего⁷»*. Попытки делегаций рабочих вернуть кашинских депутатов для выработки общих требования ни к чему не привели: *«пусть – говорили они – придет к нам кто ни будь посторонний, мы его изорвем⁸»*.

Серьезный раскол рабочих, который вот – вот грозил вылиться в кровавые схватки, охватил и другие города Костромской губернии. В конце октября 1905 года, юрьевецкий уездный исправник сообщал, что среди рабочих фабрики с. Родники выделяются две партии *«одна партия, как здесь называют, красная сотня, предводительствуемая г.г. Борнеманом и Халезовым, и другая, черная сотня, «народ»*. *Последние грозят первым: кто будет петь песни, в коих будет упоминаться в позорном смысле имя государя и Бога, тех бить⁹»*. 28 октября исправник просит выслать две роты солдат, по случаю возможного погрома. Местные власти, предотвратили погром, собрав духовенство окрестных сел, которые решили поддержать монархическую партию, так как по их мнению к ней принадлежало большинство рабочих, и они не прибегали к насильственным действиям.

Различия позиция рабочих, участвующих в протестных выступлениях, сказывались также в том, что помимо рабочих активистов, в стачках участвовала пассивная масса, и вынуждено, противники стачек, в виду распространившегося в ходе забастовок «снятия с работ». Только в Костромской губернии в 1905 году из 119 прошедших забастовок «снятие»

производилось в 37 случаях. В основном этот приём применялся на крупных предприятиях и в ходе коллективных и общегородских забастовок¹⁰. Зачастую старое поколение, противодействовало поколению молодому, которое выросло в условиях становления революционных идеалов. Так, в начале общегородской июльской стачки в г. Костроме на Новой Льянной мануфактуре «водораздел» четко проходил по возрастам. Фабричной молодежи, инициировавшей схватку противостояли пожилые кадровые рабочие. На этой же фабрике, во время пребывания там молодого революционера – оратора, часть рабочих заволновалась, услышав его речи «не нужно нам студентов, мы не бунтовщики¹¹». Подобные волнения зачастую заканчивались сварой. Так ивановский рабочий Ф. в 1925 году вспоминал, что «организованная директором фабрики Кудрявцевым черная сотня с ножами бросилась на молодежь, «останавливавшую машину». Рабочий-агитатор Гачин вспоминал, что его отец «бросился на меня с ножом и пытался зарезать¹²». Противоречия между квалифицированными рабочими и недавно пришедшей молодежью можно объяснить крайне трудным экономическим положением последних. Черносотенная пресса прямо указывала на организаторов забастовок в Костромской губернии. «На Яковлевском заводе забастовали мальчишки, но взрослые удержали их от неразумной меры¹³».

Большую активность среди рабочих проявляли оппозиционные партии. В 1906 г. среди рабочих создается множество кружков, где распространяется агитационная литература. Создание этих кружков, в 1906 г. способствовала тому, что значительная часть рабочих, из лагеря монархического перемещается в лагерь революционный.

Нежелание большой массы рабочих бастовать или участвовать в иных формах выражения протестов, отмечали и современники революционеры. П. Караваев, один из организаторов забастовки на фабрике Кашина, отмечал: *«Нужно было...учитывать глубокие еще предрассудки, отсталость ткачей и прядильщиков. Достаточно было одного неосторожного, не к месту сделанного выступления, чтобы сорвать забастовку... были примеры, когда после неосторожного обращения к забастовавшим рабочим сразу с яркой политической речью против царя, бастующая масса бросалась опять на фабрику, и возвращалась к работе¹⁴»*. Политическую отсталость можно объяснить тесной связью с деревней, зависимостью от администрации. При угрозе стачек, последняя активно проводила агитацию в казармах, где чесальщикам внушали негативное отношение к бастующим коллегам.

В советской историографии, справедливо утверждалось, что наиболее архаичными по своему мышлению были неквалифицированные рабочие, сохранившие связь с деревней и приверженные патриархальным порядкам. Так, наиболее реакционно настроенной группой костромских текстильщиков являлись чесальщики. Эти рабочие легко попадали и

воспринимали под любую политическую агитацию, воспринимая ее и мгновенно меняя свои политические убеждения. Так нагляден пример, описанный одним из рабочих. *После окончания митинга, какая то Фекла, толстая ткачиха, прибежала домой с великой радостью: сбросила с себя шубу, выбежала на кухню, вскочила, как воробей, на лавку, на которой ставили горшки, хлебы, пироги... растопырила свои толстые руки, да как закричит: «Долой Самодержавие! Долой Царя»*¹⁵. Поэтому совсем неудивительно, что после очередной агитации, они меняли свои революционные убеждения на монархические.

В деле искоренения революционной крамолы среди рабочих, активно помогала администрация. Так, газета «костромской голос» пишет *«Директор Кашинской фабрики Перунов, заявил рабочим, что он к пасхе, очистит фабрику от «нежелательных элементов»... «Если к Пасхе кто – то уцелеет, – сказал он – то все равно после Пасхи вылетит»*¹⁶. Зачастую такие угрозы имели воздействие на революционных рабочих.

В Костромской Губернии против распространения черносотенных настроений среди рабочих, большую контрагитацию провела РСДРП. В результате крайне правые лишились значительной поддержки. В феврале 1906 года, газета «Костромской Голос» сообщала: *«Черносотенное движение, бьет отбой». У Зотова, например, черносотенники просят прощения у товарищей, требуют «прокламации», и обещают вносить деньги на организации*¹⁷. Большая часть рабочих костромской большой и малой Зотовских фабрик, Михинской, Кашина, отказались примыкать к черной сотне. Так из 200 рабочих малой Кашинской фабрики, лишь 50 причисляли себя к черной сотне.

С призывами к черносотенным рабочим обращалась и местная либеральная пресса. Газета «Северная Речь» опубликовала открытое письмо «к темным людям, черносотенникам», в котором они пытались нравственно воздействовать на них. *«В лице своих товарищей вы убиваете своих лучших братьев, своих бойцов за ваше и всеобщее счастье*¹⁸*»*.

В период отступления революции, в 1907 году, взгляды рабочих на революционные события становятся более негативными. Русское знамя писало *«инициаторы забастовки, боясь мести товарищей, не показываются*¹⁹*»*. Агентура охранки в рабочей среде по Верхневолжскому региону констатировала, *«подавляющее большинство рабочих относится иронически ко всем бывшим триумфаторам*²⁰*»*.

Таким образом, в период первой русской революции, костромские рабочие разделились на два противоположных лагеря, монархический, представленный, прежде всего союзом русского народа, и революционный. За принадлежность рабочих к тому или иному лагерю проходила активная партийная борьба. К лагерю революционному обычно примыкали молодые рабочие, т. е. те кто был еще недостаточно квалифицирован, получал низкую заработную плату и находились в тяжелых материальных

условиях, именно они зачастую и бывали организаторами забастовок в Костромской губернии. В свою очередь, не допускали проникновения революционных настроений на фабрики квалифицированные, старые рабочие.

В период завершения первой русской революции, революционные настроения рабочих спали, раскол в рабочем движении сгладился. Пропорционально уменьшается число радикальных сторонников тех или иных политических партий. Однако революционный запал, который утих в 1907 гг., вновь вспыхнул в 1917 гг.

¹ Растопчина М. Очерки по истории революционного движения в Костроме. Кострома, 1925; Высоцкий А. Краткий Очерк по истории революционного движения в Костромской губернии. Кострома, 1926; Дюбюк Е. Из истории рабочего движения в Костроме. Кострома, 1926.

² Размолодин М.Л. Черносотенное движение в Ярославле и губерниях Верхнего Поволжья в 1905 -1915 гг., Ярославль,1996. С. 139

³ Там же

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Коноткин А. Черносотенное движение в Костромской Губернии//1905 год в Костроме. Кострома, 1926. С. 147-148.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 150-151

¹⁰ Новиков А.В. Эволюция протестных выступлений рабочих периода первой российской революции как смена моделей поведения в условиях социально – политического кризиса.//Рабочие – предприниматели – власть в конце XIX начале XX в.: Материалы V международной научной конференции. К.2010. С. 89.

¹¹ Газета Пролетарий. 35, 13 июня 1905 г// Революционное движение в 1905-1907гг. в Костромской губернии. Сборник документов. Кострома, 1955. С.75-76

¹² Новиков А.В. Эволюция протестных выступлений рабочих периода первой российской революции как смена моделей поведения в условиях социально – политического кризиса.//Рабочие – предприниматели – власть в конце XIX начале XX в.: Материалы V международной научной конференции. К.2010. С. 89

¹³ Русское знамя. 1907. 25 июля

¹⁴ Караваев П. 1905 г. в Костроме, из воспоминаний участника. 1905 год в Костроме. Сборник статей. Кострома, 1926. С.49

¹⁵ Размолодин М.Л. Черносотенное движение в Ярославле и губерниях Верхнего Поволжья в 1905 -1915 гг., Ярославль,1996. С. 153

¹⁶ «Костромской Голос». 1906. 16 февраля.

¹⁷ «Костромской Голос» 1906. 10 февраля.

¹⁸ Размолодин М.Л. Черносотенное движение в Ярославле и губерниях Верхнего Поволжья в 1905 -1915 гг., Ярославль,1996. С. 157

¹⁹ Русское знамя. 1907. 8 августа

²⁰ Размолодин М.Л. Черносотенное движение в Ярославле и губерниях Верхнего Поволжья в 1905 -1915 гг., Ярославль,1996. С.157

РАЗДЕЛ IV. РАБОЧИЕ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

И.Н. Камардин

Протестное движение рабочих Поволжья в 1918 году

Сложность и противоречивость реформирования и модернизации современного общества предопределили особый интерес исследователей к изучению исторического прошлого нашей страны. Характерными особенностями отечественной историографии последних лет стало изучение ключевых для истории России XX века проблем: каким в действительности являлось отношение самого российского промышленного пролетариата к внутренней и внешней политике большевиков? когда и при каких условиях РКП(б) как партия рабочего класса или его части стала превращаться в самодовлеющую надклассовую силу, а ее диктатура – во власть над пролетариатом и против пролетариата? В связи с этим история рабочего класса в социально – политическом развитии России в XX века занимает одно из центральных мест. В тоже время следует учитывать, что, изучая историю промышленного пролетариата невозможно обойтись без рассмотрения рабочего протеста.

В исторической литературе рабочий активизм в советский период исследовался поверхностно, в основном это было связано с политической борьбой большевиков с меньшевиками и эсерами в профсоюзах¹. Фрагментарно рассматривались вопросы, связанные с участием рабочих в антибольшевистских вооруженных восстаниях, стачках и других формах протеста². Современные исследователи существенно восполнили существовавшие прежде пробелы³. Заметный шаг в изучении рабочего движения в первый год существования советской власти сделали Д.О. Чураков, Д.Б. Павлов, Л.В. Борисова⁴. Но в тоже время еще осталось много белых пятен. Недостатком работ служит опора на материалы столичных архивов. На региональном уровне поднятая тема изучалась незначительно, в выше перечисленных работах существуют лишь фрагментарные упоминание о рабочем протесте в Поволжье.

Все это обуславливает задачи исследования рассмотреть причины и масштабы рабочего протеста в первый год существования советской власти.

В постреволюционных условиях, не смотря на догматические заявления власти о защите интересов трудящихся, рабочие были

¹ © И.Н.Камардин, 2012

вынуждены на практике активно использовать то же испытанное средство борьбы, что и в дореволюционный период, забастовки. Таким образом, на фоне продолжавшегося падения производства и ухудшения снабжения городов хлебом начался новый этап борьбы рабочих за свои права. В большинстве случаев забастовки возникали стихийно, по экономическим причинам. В крупных городах Поволжья впервые месяцы 1918 г. прошли голодные бунты⁵.

При этом волнения на продовольственной почве возникали преимущественно на крупных предприятиях с традициями революционной борьбы и являвшихся опорой большевиков до их прихода к власти. Неумение большевиков урегулировать возникающие конфликты порой приводило к вооружённым столкновениям. Так, в марте 1918 г. возникло волнение на самом крупном предприятии Пензенской губ., спичечной фабрике общества Камендровских в Нижнем Ломове. Поводом к выступлению послужил арест управляющего, который не заплатил за фабрику 10 000 рублей контрибуции. Истинные причины выступления скрывались в возгласах, раздававшихся из толпы: «Себе находите муку, мясо, вино, а на наши желудки не обращаете внимания»⁶.

В 1918 г. в Поволжье прошла целая серия волнений и забастовок, в которых недовольство не исчерпывалось только продовольственными вопросами, рабочие выступали против захвата власти большевиками, передела собственности и свертыванием демократических свобод. Часть рабочих надежды возлагали на учредительное собрание, которое давало шанс быть услышанными. С ним они связывали надежды на спасение от разрухи и голода, на прекращение Гражданской войны.

5 января в Саратове прошла забастовка в поддержку учредительного собрания⁷. В первой половине января 1918 г. в Нижегородской области арзамаские железнодорожники приняли на митинге оппозиционную резолюцию. В ней рабочие подтвердили свою готовность поддержать разогнанное Учредительное собрание всеми имеющимися в их распоряжении средствами, «вплоть до забастовок и самопожертвования своей жизнью»⁸.

15 января в г. Семенов Нижегородской губ. прошел митинг с участием более тысячи человек, в том числе и местных рабочих. На митинге было принято решение разоружить местный гарнизон, арестовать представителей местной советской власти и избрать нового уездного комиссара. Разгоряченная толпа ринулась к зданию совета, у одного солдата отобрали винтовку. В ответ солдаты открыли по толпе огонь, в результате столкновения четыре человека погибло⁹.

После вышедшего декрета об отделении церкви от государства, на 2 февраля по всей России были назначены крестные ходы. В Нижнем Новгороде крестный ход прошел под лозунгом «Долой богохульников». В Пензе толпа народа подошла к зданию губсовета, где протоиерей

провозгласил анафему советской власти. Во время выступления началась перестрелка, в результате которой были раненные с той и другой стороны¹⁰.

Весной 1918 г. по всей России стали организовываться альтернативные организации рабочих, созданные как противовес пробольшевистским советам, которые получили название «Собрания чрезвычайных уполномоченных от фабрик и заводов». Первые собрания уполномоченных были организованы в Петрограде. Вслед за Петроградом собрания уполномоченных стали организовываться и в городах Поволжья: Нижнем Новгороде, Сормове, Самаре, Саратове, Сызрани и др.

По политической принадлежности состав участников был довольно пестрым: меньшевики, эсеры, бундовцы и т.д. Уполномоченные выступали с резкой критикой монополизации советов большевиками и мероприятий проводимой советской властью. В марте 1918 г. рабочие сормовского завода требовали перевыборов местного Совета и наладили выпуск нелегальной газеты – «Известия делегатов от сормовских рабочих»¹¹. В Самаре на Сергеевском заводе после неорганизованного выступления рабочих в поддержку движения «уполномоченных», Самарский губисполком постановил разоружить и расформировать рабочие дружины и заменить охрану завода верными войсками. Похожие события развивались на самарском заводе компании «Зингер». В ответ на действия протестующих губисполком создал на заводе новый фабрично-заводской комитет, рабочих не вышедших на работу заменили членами союза¹². В Саратове в конце марта власти разогнали забастовку железнодорожников, которые выступили с требованиями по перевыборам советов¹³.

Рабочие в конфликтах с политическими требованиями выступали за сохранение демократических свобод, полученных в ходе революций. У части рабочих появилось чувство обделенности и разочарования, открывалась неприглядная картина дальнейшего падения производства и ухудшения снабжения городов хлебом, выходом из сложившейся ситуации рабочие в создание независимых рабочих органов управления.

Показательным примером являлись события в апреле в Нижнем Новгороде, здесь при перевыборах в местные советы получили меньшевики и эсеры. Губиспоком отказался признавать выборы действительными. В ответ от имени рабочих «Известия делегатов от Сормовских рабочих» напечатали обращение сормовичей «Ко всем рабочим, солдатам и крестьянам Нижегородской губернии», с призывами:

- 1) немедленных перевыборов совета;
- 2) открытия задушенных большевиками газет, прекращения насилий над свободными гражданами и полной амнистии всех арестованных и высланных политических;

3) прекращения Гражданской войны и передачи всей власти всему народу в центре – Учредительному собранию, а на местах — городским и земским самоуправлениям при деятельной поддержке Советов депутатов;

4) немедленного созыва всемирного социалистического конгресса для организации борьбы за всеобщий справедливый мир.

Резолюция была принята подавляющим большинством голосов разных цехов (всего 26 цехов с 10 721 рабочих из общего количества 16 тыс. рабочих завода)¹⁴.

Подобные события имели место в Самаре, так описывает газета «Вперед» сложившуюся ситуацию. «В последнее время среди рабочих авторитет Совета пал до нуля, почему и возникла мысль созвать обще рабочую конференцию, помимо Совета. На многочисленном (до 5 тыс. человек) собрании рабочих Трубочного завода после решения отозвать всех 72 делегатов из Совета было принято решение созвать рабочую конференцию, тут же были произведены выборы в организационное бюро¹⁵.

Резкий рост протестных выступлений рабочих с политическими требованиями начинается с мая 1918 года. Особой напряжённостью отличалась ситуация в Нижегородской губернии. Причиной тому во многом служили продовольственные трудности. Ежедневный паёк рабочих Сормовского завода сократился до 120 граммов, но и эта голодная норма выдавалась не всегда¹⁶. Отправным событием для рабочего активизма послужили колпинские события. По подобному сценарию стали развиваться события в городах Поволжья.

16 мая в Сормове на митинге рабочие потребовали передачи власти избранному в апреле совету, состоящему из эсеров и меньшевиков, свободной закупки хлеба и продовольствия. На следующий день, по гудку завод остановился, и рабочие вновь вышли на митинг¹⁷. В ответ чекисты произвели аресты местных лидеров оппозиционных партий и выпустили листовку с предупреждением, что патрулям разрешается стрелять на поражение.

24 мая 1918 года в городе Богородском Нижегородской губернии прошли волнения рабочих местных кожевенных заводов. Причины выступления скрывались в тяжелом продовольственном положении в городе. Масла в огонь подлил разгон местными коммунистами оппозиционного Совета, переизбранного в конце апреля.

Волнение началось с мирной демонстрации у здания совета рабочих и солдатских депутатов. Окружив здание, толпа стала требовать: «Хлеба давай! Долой старый Совет, давай новый!»¹⁸. После револьверного выстрела председателя местной ЧК Юргенса мирная демонстрация переросла в вооружённое столкновение. Разъярённая толпа взяла штурмом здание совета, с засевшими там большевиками, над которыми жестоко расправились. Рабочие заняли телефонную

станцию, разоружили находившихся в селе красноармейцев. Власть в городе восставшие передали представителям разогнанного в апреле совета¹⁹.

На подавления восстания были отправлены отряды красноармейцев и латышей. В результате карательной операции было арестовано около 100 человек, из которых 20 человек расстреляли, остальных приговорили к разным срокам особо тяжелых принудительных работ²⁰.

Все-таки главным направлением в деятельности движения уполномоченных стала подготовка и проведение независимого рабочего съезда. Активная подготовка к предстоящему съезду проводилась и провинции. В начале июня в Саратовском Революционном трибунале судился Саратовский комитет РСДРП (за агитацию против советской власти и призыв к ее свержению). Поводом для привлечения к суду Саратовского комитета послужило распространение наказа петроградской делегации к московским рабочим²¹.

5 июня в Нижнем Новгороде и Сормове появились листовки с призывом собраться на митинг для выбора делегатов на «Всероссийский съезд уполномоченных». 9 июня несмотря на запреты властей стали проходить выборы уполномоченных. На митингах звучали призывы отставке Совнаркома, отстранении Советов от власти, об отмене налога на капиталистов, о свободной торговле²².

На конференцию прибыли представители от 74 тысяч рабочих Нижегородской и части Владимирской губернии. Однако в этот же день конференция была разогнана. Против безоружных делегатов открыли огонь²³. Вечером того же дня делегаты собрались вновь, и конференция приняла ряд постановлений и резолюций. В резолюции по текущему вопросу ставилась задача скорейшего созыва Всероссийского рабочего съезда.

Резолюция по продовольственному вопросу содержала требования свободы закупок, свободной деятельности кооперативов, отмены твердых цен. Необходимо обратить внимание, что «Собрания чрезвычайных уполномоченных от фабрик и заводов» противопоставила себя советам и пробольшевистским профсоюзам. Было принято решение, там, где созданы собрания уполномоченных, отозвать представителей рабочих из советов²⁴.

В итоге конференция приняла резолюцию о полной невозможности в создавшихся условиях работать в советах и необходимости выхода из них. Было решено начать кампанию за перевыборы правлений профсоюзов и их центрального органа – совета профсоюзов.

Во время акций протеста 18-20 июня власти не решились на разгон митингов и демонстраций, однако, охрана в Нижнем Новгороде и его рабочих пригородах была значительно усилена. А в качестве превентивной меры начались аресты.

Чтобы пресечь дальнейшее распространение забастовки на завод прибыл вооруженный отряд латышей, и в очередной раз повторилась колпинская трагедия. Во время подавления забастовки 27 июня 1918 г. на Сормовском заводе были убиты двое рабочих чугунолитейного цеха. В этот же день президиум общезаводского комитета обратился с воззванием к рабочим и служащим, в котором заявил протест против расстрела рабочих и потребовал всестороннего расследования обстоятельств и выяснения виновников расстрела²⁵.

Подавив движение уполномоченных, власть значительно снизила риск консолидации рабочего активизма в регионах его распространения. Однако оставались причины, продолжавшие вызывать недовольства. Они коренились, прежде всего, в тяжелом экономическом положении, которое вело к протестным настроениям.

В середине ноября в селе Бессоновка Пензенской губ. прошло вооруженное волнение. Восставшие захватили здание местного совета и освободили 8 человек вызванных к допросу о деле в Бардинском контрреволюционном выступлении. Главными руководителями волнения были бывшие районные милиционеры В.Н. Базарнов и С. Ревунов²⁶.

В конце 1918 года прошло волнение на фабрике бывшего фабриканта Шатрова в Симбирской губернии. ЧКисты оперативно провели аресты зачинщиков, наиболее активных участников митинга уволили с предприятия²⁷.

Современный историк из Санкт-Петербурга С.В. Яров справедливо полагал, что большевикам в этот момент пришлось столкнуться не столько с контрреволюционными настроениями, сколько с прежним стихийным большевизмом масс. Но если прежде большевикам удавалось использовать его в своих интересах, то теперь он оказался направлен остриём против них самих²⁸.

Таким образом, в 1918 г. советская власть столкнулась с массовыми, порой широко организованным рабочим протестом. Это во многом было связано, что в реалии рабочие оказались, ущемлены не только в своем социальном статусе, но и в материальном плане. Но, следует отметить, что политические требования предъявлялись во всех конфликтах как второстепенные, в основе рабочего протеста на первом месте стояли требования выдать продовольствие.

Развитие общей ситуации в стране, а также принятые правительством меры привели к тому, что протестный активизм рабочих пошел на спад. И когда в начале следующего, 1919 г. обозначился его новый подъем, он все же развивался уже на совершенно другой почве, под другими лозунгами и в других формах, чем в 1918 г., причем накал его был значительно ниже.

¹ Панкратова А.М. Политическая борьба в российском профдвижении. 1917-1918. Л., 1927 93 с.; Гриневич В. Профессиональное движение в России. М., 1923 132 с.; Алуф А. Большевизм и меньшевизм в профессиональном движении. Л., 1926 112 с.; Спиридонов М.В. Политический крах меньшевиков и эсеров в профессиональном движении (1917-1920 гг.). Петрозаводск, 1965. 296 с. и др.

² Голубых М. Уральские партизаны. Свердловск, 1924 123 с.; Сергеев В. Ижевск в огне гражданской войны 1917-1918 года. Ижевск, 1927 78 с.; Голенков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. М., 1975 224 с.; Жуков А.Ф. Идеино-политический крах эсеровского максимализма. Л., 1979 198 с. и др.

³ Подболотов П.А., Спирин Л.М. Крах меньшевизма в Советской России. Л., 1988. 324.; Дмитриев П.Н., Куликов К.И. Мятеж в Ижевско-Воткинском районе. Ижевск, 1992 187 с.; Леонов С.В. Рождение Советской империи; государство и идеология 1917-1922 гг. М., 1997 327 с.; Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России. Власть и массы. М., 1997. 324 с.

⁴ Рабочее оппозиционное движение в большевистской России 1918 г. М. «РОСПЭН», 2006. 462 с.; Чураков Д. О. Революция, государство, рабочий протест. Формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917-1918 гг. М., 2004. 287 с.; Л.В. Борисова Трудовые отношения в советской России (1918-1924 гг.). Москва «Собрание», 2006 288 с.

⁵ Чураков Д.О. Революция, государство, рабочий протест: формы, динамика и природа выступлений рабочих в советской России. 1917-1918 годы. – Москва «РОСПЭН», 2004. С.49.

⁶ Государственный архив Пензенской области. Ф.Р.2. Оп.1. Д.59. Л.192-194.

⁷ Государственный архив Саратовской области. Ф.521. Оп.1. Д.181. Л.4.

⁸ Павлов Д.Б. Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. 1918 г. Собрания уполномоченных фабрик и заводов. М., Российская политическая энциклопедия, 2006. С.66.

⁹ Государственной архив Нижегородской области. Ф.Р.56. Оп.1. Д.91. Л.11.

¹⁰ Саляев Е.И. Земля и люди. Книга 1. Москва, 2009. С.289.

¹¹ Чураков Д.О. Революция, государство, рабочий протест: формы, динамика и природа выступлений рабочих в советской России. 1917-1918 годы. – Москва «РОСПЭН», 2004. С.78.

¹² Государственный архив Самарской области. Ф.Р.81. Оп.1. Д.138. Л.24.

¹³ Государственный архив Саратовской области. Ф.521. Оп.1. Д.181. Л.39.

¹⁴ Вперед! 28 марта 1918. № 48.

¹⁵ Павлов Д.Б. Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. 1918 г. Собрания уполномоченных фабрик и заводов. М., Российская политическая энциклопедия, 2006. С.390.

¹⁶ Маслов К.П. Из истории борьбы рабочего класса за власть Советов и ее упрочение. «Красное Сормово» на великом рубеже. Горький, 1964. С.205.

¹⁷ Государственный архив Нижегородской области. Ф.Р.55. Оп.1. Д.31. Л.207.

¹⁸ Нижегородская правда. 17 мая 2008.

¹⁹ Чураков Д.О. Революция, государство, рабочий протест: формы, динамика и природа выступлений рабочих в советской России. 1917-1918 годы. – Москва «РОСПЭН», 2004. С.85.

²⁰ Нижегородская правда. 17 мая 2008. Л.5.

²¹ Павлов Д.Б. Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. 1918 г. Собрания уполномоченных фабрик и заводов. М., Российская политическая энциклопедия, 2006. С.80.

²² Волжская коммуна. 10 июня 1918.

²³ Борисова Л.В. Трудовые отношения в Советской России (1918-1924 гг.). - М., 2006. С.90.

²⁴ Павлов Д.Б. Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. 1918 г. Собрания уполномоченных фабрик и заводов. М., Российская политическая энциклопедия, 2006. С.380.

²⁵ Государственный архив Российской Федерации. Ф.Р.5451. Оп.2. Д.224. Л.69.

²⁶ Государственный архив Пензенской области. Ф.Р.2. Оп.1. Д.27. Л.64.

²⁷ Чуканов И.А. Советская экономика в 1920-е годы новый взгляд (на материалах Среднего Поволжья) М., 2001. С.122.

²⁸ Яров СВ. Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих. СПб, 1998. С.128.

И.С. Гнусарев

Материальное положение рабочих Пензы в годы революции и гражданской войны

Первые годы после революции 1917 года стали тяжелым испытанием для городского населения России. Революционные события и последующая за этим гражданская война, оказали колоссальный эффект на уровень жизни и благосостояния людей. Расстройство экономики, финансовый кризис, транспортный коллапс и другие последствия привели к таким печальным результатам как голод, антисанитария, высокая смертность. Основной жителями городов были рабочие. После Октябрьской революции, большевики провозгласили ряд лозунгов, реализация которых должна была привести к качественному улучшению жизни рабочего класса. Однако первые годы советской власти показали, что в полной мере реализовать их так и не удалось.

Сложным для молодой советской власти стал вопрос об обеспечении продовольствием и повышении уровня материального благополучия пролетарских масс. Питание и материальное благополучие играет огромную роль в жизни людей. Голодные люди сметают все на своем пути, типичным примером такого поведения являлась Февральская революция 1917 года. Провозглашенный большевиками лозунг «Хлеб голодным!» в первые годы советской власти реализовать не удалось. Причиной тому набравшая ход гражданская война и соответствующая экономическая политики. Недоедание, а в отдельные периоды просто голод, стали приметам времени. Народный Комиссариат Продовольствия был завален телеграммами и письмами с просьбами о высылки продовольствия.

Ситуацию с продовольственным дефицитом в городах во многом была обусловлена введением большевиками монополия на продажу хлеба.

19 февраля 1918 года был опубликован «Закон о социализации земли»; пункт 19 его гласил: «Торговля хлебом как внешняя, так и внутренняя должна быть государственной монополией»¹. Впоследствии монополизация была распространена на все товары первой необходимости. После этого приостановления частникам запрещалось продавать хлеб и, соответственно, устанавливался контроль над передвижением продуктов питания по дорогам страны.

В Пензе этот закон был воплощен в жизнь в июле 1918 г., когда решением Пензенского губернского и городского продовольственного комитета была прекращена частная продажа хлеба². Ситуация с продуктами питания резко обостряется, вводится карточная система. Население было поделено на четыре категории. Большинство рабочих относились к I и II категориям. Норма продажи продуктов по карточкам была крайне низкой. Например, норма установленная на май 1919 года для I категории составляла 1095 ккал, а для II почти 830 ккал, когда ежедневно требовалось в среднем 4277 ккал и 3540 ккал соответственно³. Таким образом, физиологическая потребность людей в пище удовлетворялось лишь на 23-25%⁴. Недоедания приводили к резкому снижению здоровья рабочих, ярким показателем чего стал рост числа инфекционных заболеваний, таких как оспа, брюшной тиф и холера.

Введя продовольственную диктатуру, государство тем самым взяло на себя обязательство по продовольственному снабжению жителей городов. Однако рабочие получали явно недостаточно продуктов питания через систему государственного снабжения. Обеспеченность хлебом не поднималась свыше 70%, картофелем 8%. На заседании общегородской рабочей конференции Совете союзов правлений профессиональных союзов фабрично заводских комитетов Пензенской губернии в августе 1919 года отмечалось, что граждане Пензы не получали продовольствие в течение 10 дней, а в прошлом году были еще в более худшем положении⁵.

Неустойчивое экономическое положение заставляло рабочих самостоятельно отправляться на заготовку продуктов. В сводках Пензенского ВЧК за 1919 год отмечалось, что спекуляцией занимаются не только крестьяне, но и рабочие, доставляя продукты по более низким ценам во время служебных командировок⁶. Так, в информационной сводке Пензенской губчека отмечалось: «Служащие и рабочие берут отпуска и во время отпусков отправляются в деревню в качестве поденных рабочих, где работают у крестьян на полях и ежедневно зарабатывают больше, чем получают жалованья за месяц, получают за свою работу плату мукой и прочими продуктами»⁷.

В целом же по сравнению с 1913 г. потребление хлеба в городах страны уменьшилось почти в 2 раза: с 13,96 пуда (224 кг) на душу населения до 8,2 пуда (131,2 кг) в год в среднем за 1919-1920 гг. За счет хлеба рабочие в городах получали от 42,7 до 76,3% необходимых калорий

или в среднем 58,5%. Эталоном потребления, достаточности или недостаточности продуктов был хлеб, поэтому статистика того времени и указывает главным образом данные о его потреблении. Мяса потреблялось гораздо меньше биологически необходимой нормы. В 1918-1919 гг. потребление мяса понизилось в среднем в 2-3 раза по сравнению с 1913 г. (тогда около 3 пудов в год). В эти годы в среднем потреблялось 1,2 пуда мяса на I человека в год (19,2 кг) или 52 гр. в день, более 40% потребляемого мяса составляла конина.

Нехватку хлеба население стало компенсировать большим потреблением картофеля. Как показывают статистические данные картофель практически нигде не выдавался в виде пайка, его нужно было покупать на черном рынке. Резкое увеличение спроса на картофель повлекло фантастический рост его цены. Из самого дешевого продукта питания картофель стал превращаться в малодоступный и дорогой.

Характерной чертой питания городского населения в рассматриваемый период было широкое использование суррогатов. Чистый пшеничный или ржаной хлеб встретить практически было невозможно. Уже в 1918 году в печеный хлеб чаще всего добавлялись различные примеси или суррогаты. Впрочем, суррогатным был не только хлеб, а практически все традиционные продукты питания.

Главным рычагом повышения материального положения рабочих являлось увеличение заработной платы. Закон, утвержденный 1 сентября 1918 г., предусматривал установление минимальной заработной платы взрослому работнику в размере 15 рублей 60 копеек в день для города Москвы. Процентное соотношение в тарифных ставках промышленных и сельскохозяйственных губерний варьировалось по мере изменения экономического положения в этих губерниях. На местах, как правило, в основу разработки тарифных сеток брались ставки рабочих-металлистов. Средний месячный заработок в Пензенской губ. составил 301 руб., у металлистов 351 руб., писчебумажники и текстильщики получали ниже среднего уровня⁸. В 1918г. рабочий на свой заработок мог приобрести на рынке в пять раз меньше продуктов, чем в 1913г., хотя в номинальном выражении он был в 15 раз выше зарплаты 1913г.⁹. Отмечая значительное ухудшение материального положения рабочих к середине 1918 г., нарком труда В.П. Ногин подчеркивал: «...Надо совершенно определенно и ясно сказать, что это ухудшение произошло за последнее время, т.е. тогда, когда политическая власть была в руках рабочих»¹⁰.

Попытки поднять доходы рабочих предпринимались и позднее. В феврале 1919 году власти вновь повышает заработную плату рабочим. Новый всероссийский тариф предусматривал минимум зарплаты для рабочих в 600 руб. и максимум в 1150 руб. в месяц. В зависимости от основных видов труда тариф делился на три части, каждая из которых состояла из 12 разрядов. Внутри каждой части минимальная ставка

зарплаты относилась к максимальной как 1:1,75. Новая тарифная реформа не смогла обеспечить рабочим нормального существования, несмотря на то, что номинальная заработная плата в результате реформы по стране выросла в 2,3 раза. Жесткая централизованная система тарифов, имевшая благую цель выровнять материальное положение рабочих и служащих различных производств, соблюсти социальную справедливость, на деле привела к обратным результатам, образовался «нелегальный мир тарифов»¹¹. Широко стали практиковаться «всякого рода законные и противозаконные выдачи натурой рабочим и инженерам, выдуманные и несуществующие командировки, никем не учтенное совместительство», получившие широкое распространение в главках и центрах и всякого рода советских учреждениях¹². В результате фактическое соотношение оплаты рабочих и специалистов составило не 1:4, как планировалось, а, по «скромным подсчетам, 1:7»¹³. Обычным делом стали ссуды и авансы на заготовку ненормированных продуктов, приписка сверхурочных часов, что, по мнению В. Шмидта, вело к ломке тарифов и ставило результаты двухлетней тарифной работы профсоюзов «под угрозу полного уничтожения»¹⁴. С другой стороны, «каждая губерния, каждая область, каждый тарифный пояс рвался и старался выровняться с московскими и питерскими ставками»¹⁵. Единый тариф трещал по швам. Тарифы пересматривались, и денежная часть зарплаты сравнительно быстро росла. С января по декабрь 1919 г. средняя зарплата рабочих по стране увеличилась с 611 руб. в месяц до 1465 руб.¹⁶. Однако цены на рынке росли еще быстрее, и на заработанные деньги рабочие могли купить мизерное количество продуктов. Так, на Пензенском Госзнаке в конце 1919 г. средняя зарплата рабочего составляла 980 рублей. На тысячу рублей в то время можно было приобрести всего лишь один кубометр дров¹⁷.

В 1920 г. зарплата рабочих еще немного увеличилась. Зарплата рабочих в Пензенской губ. в течение 1920 г. увеличилась в среднем в 2,5 раза и составила в среднем за год 3111 рублей. Наименьшие заработки получили рабочие спичечного, маслобойного, крахмалопаточного производства, наибольшую получали полиграфисты и стекольщики¹⁸.

Следует обратить внимание, что заработная плата постоянно росла, не смотря на принятые тарифы. С января по декабрь зарплата рабочих выросла почти в четыре раза. В тоже время, цены на ржаную муку за тот же период выросли в восемь раз. На изменение цены большое влияние оказал сезонный фактор, после сбора урожая в сентябре, цены понизились в полтора раза. Следует обратить внимание, что рост цен продолжился в первом квартале 1921 года в 7,3 раза, в тоже время доход рабочих за этот же период понизился на 17%, что естественно вызвало социальную напряженность и рост конфликтов на производстве. Поэтому говорить о

зарплате как о стимуле к трудовой деятельности не представляет возможным.

Но несмотря на то, что в рассматриваемое время заработная плата росла стремительно, угнаться за ростом цен она не могла. По данным советского историка Е.Г. Гимпельсона, фактический прожиточный минимум фабрично-заводского рабочего в 1919-1920гг. составлял примерно 8-9 рублей в ценах 1913г., или 38-39% от него¹⁹.

Таким образом, данные, приводящиеся выше, позволяют увидеть, что государство не могло в условиях высокой инфляции, товарного дефицита, качественным образом повысить материально положение рабочих. Рост заработной платы, продолжавшийся на протяжении изучаемого периода, был номинальным и не мог обеспечить рабочий класс приемлемыми условиями жизни. Таким образом, перед советской властью стоял ряд вопросов, без решения которых было невозможно воплотить в жизнь лозунги, заявленные еще в 1917 году. Это толкало большевиков на решительные действия, итогом которых, был переход к новой экономической политике.

¹ Подколзин А.М. К вопросу о продовольственном положении Советской Республики в 1918 г. //Вопросы политической экономии. М., 1958. С.294.

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) Ф. 71. Оп. 34. Д. 275. Л. 1

³ Пензенская экономическая жизнь. 1919. 28 июня. №4

⁴ Там же.

⁵ ГАРФ. Ф.Р.5451. Оп.3. Д.81. Л.11.

⁶ Кондрашин В.В. Информационные материалы Пензенского губчека о своей деятельности и положении Пензенской губернии в годы гражданской войны. //80 лет от ВЧК до ФСБ. – Пенза, 1998. с. 116 – 123.

⁷ Борисова Л.В. Трудовые отношения в советской России (1918-1924 гг.). - Москва «Собрание», 2006. 24 с.

⁸ Шарошкин Н.А. Материальное положение и быт рабочих Поволжья в первые годы Советской власти. //Поволжский край. - Вып.10. – Саратов, 1988. . - С.71

⁹ История советского рабочего класса. - Т.1. - М., 1984. - С.364.

¹⁰ РГАСПИ. Ф.17. Оп.22. Д.91. Л. 136 об.

¹¹ РГАСПИ. Ф.95. Оп.1. Д.5. Л.99.

¹² РГАСПИ. Ф.95. Оп.1. Д.5. Л.99-100.

¹³ РГАСПИ. Ф.95. Оп.1. Д.5. Л.99.

¹⁴ РГАСПИ. Ф.95. Оп.1. Д.1. Л.1.

¹⁵ Киселев А.Ф. Профсоюзы и советское государство 1917-1920гг. - М., 1991. - С.128.

¹⁶ Струмилин С. Г. Наемный труд в России и на Западе. - Книга 1. - М., 1927. - С.75.

¹⁷ «Улица Московская». бюня 2008. «Денежная Пенза».

¹⁸ Сборник статистических сведений по Пензенской губернии. Пенза, 1927. – С.321.

¹⁹ Гимпельсон Е.Г. Советский рабочий класс 1918-1920гг. - М., 1974. - С.269.

**Суды на предприятиях в 1920-е гг.
(К вопросу о взаимоотношении власти и заводского сообщества
в советской России в межвоенный период)**

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Заводское сообщество и власть в советской России 1920-х гг.» (проект 10-01-00407а).

Изучение советской производственной повседневности 1920-х – 1930-х гг., которой в современной историографии уделяется все большее и большее внимание¹, показывает, что ежедневная, рутинная работа, выполнение всеми фабричными людьми – от рабочих до руководителей – своих должностных обязанностей, дополнялись множеством других занятий, которые можно рассматривать и как своеобразное развлечение, и как тягостную обузу, и как возможность сократить «чистое» рабочее время, и как способ отнять у работника часть его досуга. К этим занятиям относятся собрания, беседы в обеденный перерыв, агитация «у станка» и пр. На заводе рабочий сталкивался с партийной и комсомольской ячейками, профсоюзом, кооперативом, кассой взаимопомощи и т.п. В первой половине 1920-х гг. на предприятии образуется множество структур, не связанных непосредственно с производством – делегатские собрания, общества друзей Воздухфлота, друзей радио, клубы и т.п. На XIII съезде РКП(б) В.М. Молотов с удовлетворением привел в качестве примера один из московских заводов, на котором на 450 рабочих приходилось около 50 общественных организаций, начиная от ячейки РКП(б) и завкома и заканчивая комиссией НОТ, ячейкой МОПРа и музыкальным кружком².

В 1922 г. рабочий отдавал общественной работе 0,23 часа, в 1931 г. – 0,4 часа³. По данным обследования бюджета времени семей рабочих, проведенного органами государственной статистики по инициативе С.Г. Струмилина в 1923–1924 гг. (Москва, Ленинград, Иваново-Вознесенск, Нижний Новгород, Кострома и др. города – всего 625 бюджетов), это означало участие в манифестациях, участие в избирательных собраниях, присутствие на митингах, работу в партийных и профсоюзных организациях (по убывающей)⁴. В 1924 г. ленинградские металлисты провели более 11 тысяч собраний⁵. По данным обследования статистического бюро МОСПС за 1930 г. (рабочие и служащие Москвы и области) у рабочих-мужчин Москвы из всех форм участия в общественной

¹ © С.Б. Ульянова, 2012

жизни наибольшее время уделялось собраниям – в среднем за месяц 13,9 часа⁶.

Как правило, собрания и др. мероприятия проводились в нерабочее время (из-за чего иной раз приходилось загонять на них рабочих силой, закрывая ворота), но, случилось, что общественно-политическая деятельность заводского сообщества сопровождалась нарушением производственного ритма. Разумеется, большая часть этих собраний посвящалась производственным вопросам, но также и злободневным хозяйственно-политическим кампаниям, выборам и др. Среди разнообразия обсуждавшихся вопросов встречались и совсем «странные», казалось бы, совершенно чуждые повседневной заводской жизни.

В Государственном архиве Архангельской области в фонде губернской рабоче-крестьянской инспекции хранится переписка с губернским народным судом и прокуратурой⁷. В нем нами были выявлены документы, касающиеся одного дела, которое можно воспринимать как забавный казус, но можно попытаться, следуя «уликовой парадигме» К. Гинзбурга, увидеть в нем определенные особенности системы взаимоотношений власти и заводского сообщества в межвоенный период.

Началось все с небольшой заметки «Прежде чем ехать за реку, нужно договориться на берегу» в местной газете «Волна» 6 октября 1925 г.: «На 26 сентября на лесозаводе было назначено слушание судебного дела над Чечулиным за сопротивление властям. Об этом было заранее предупреждено завкомом, которого выездная сессия просила, чтобы из среды рабочих были выдвинуты два нарзаседателя. С утра со стороны завкома было все сделано: двое рабочих нарзаседателями были выдвинуты и 26 они не работали 1 день, а также и все рабочие ждали, скоро ли приедет выездная сессия и обвиняемый. <...> В клубе накрыли столы красным сукном, приготовили подсвечники. Суд можно бы начинать, да вот обвиняемого нет. <...> Выходит напрасная трата рабочего времени, за которое всем надо платить <...>». Как следует из материалов архивного дела, Чечулин работал штукатуром на упомянутом лесозаводе № 26. В пьяном виде он затеял скандал в бараке. Соседи вызвали милицию. Он бросился на милиционеров с ножом, поранил. 3 октября 1925 г. на заводе состоялся выездной суд. Чечулина осудили на пять лет⁸.

Газетная заметка спустя несколько недель была послана в бюро жалоб (существовали при губернских отделениях РКИ с 1919 г., имели права органов дознания по делам о нарушениях, содержащих признаки преступлений, как правило, должностных и хозяйственных, если сведения о них получены из жалоб граждан⁹) – своеобразный «барометр общественного мнения» того времени. Заведующий губРКИ Соловьев 23 февраля 1926 г. обратился по этому поводу с запросом в губернскую прокуратуру: почему 26 сентября 1925 г. на лесозавод № 26 не доставили заключенного Чечулина для заседания выездной сессии губернского

суда?¹⁰ Спустя три дня губернский прокурор Ларцев дал ответ: по вине дежурного и конторщика Исправдома конвой, сопровождавший заключенного Чечулина, опоздал на пароход, суд пришлось отложить. Виновным был объявлен строгий выговор¹¹. На этом инцидент был исчерпан.

Сам по себе случай с дебоширом и пьяницей Чечулиным совершенно незначителен, но обращает на себя внимание одна деталь – судебное заседание проводилось на заводе, в рабочее время (которое рабочим оплатили, видимо, по среднему). И это не вызывало ни удивления, ни возмущения. Еще одно обстоятельство, которое стоит учесть, – описываемые события происходили в разгар кампании по поднятию производительности труда, когда власть настойчиво проводила политику повышения интенсивности труда, уплотнения рабочего дня, прежде всего, за счет введения сдельщины и т.п. Собственно, мотивом обращения РКИ в прокуратуру как раз и стало «разбазаривание» рабочего времени. Только вот, если бы заседание суда прошло в назначенный день, потеря целого рабочего дня всего предприятия не вызвала бы никакой реакции. Выходит, в данном случае коллективное осуждение хулигана оказалось важнее, чем повышение выработки завода.

Необходимо отметить, что в середине 20-х гг. хулиганство стало настоящим бичом советских городов¹². Пьянство, плохие жизненные условия, немощные и неосвещенные улицы – все вместе способствовало созданию атмосферы беспорядка и беззакония. Хулиганские действия выражались в бесцельных приставаниях, в стрельбе на улицах, в нанесении оскорблений, побоев, битье окон и т.д. Грабежи, убийства, пьяные драки и нападения на прохожих были обычным делом. Так, рабочий одной из типографий Саранска одним из летних вечеров 1926 г. возвращался с работы домой по аллее Пушкинского сада, где ему встретились два пьяных хулигана. Встреча закончилась для молодого печатника ударом ножа в бок. В том же году руководство фабрики «Маяк Революции» было вынуждено обратиться с заявлением к Пензенскому губпрокурору. В нем отмечалось, что регулярно «с 20.00 до 22.00 происходили нападения шаек хулиганов на рабочих фабрики и на учащихся школы ФЗУ при фабрике»¹³. В Ленинграде в 1926 г. большую известность приобрело т.н. «чубаровское дело» (коллективное изнасилование 40 молодыми рабочими девушки-рабфаковки в саду Сан-Галли)¹⁴. Постепенно хулиганство захватило городские фабрики и заводы – ругань, дебоширство, приставание к женщинам-работницам, порча имущества, рукоприкладство по отношению к мастерам и другим специалистам стали частью заводской повседневности. Так, на заводе им. 1 мая в Смоленске трое молодых рабочих вошли утром в цех, и «ради шутки», «без прямого умысла» один из них бросил в станок камень. После этого они ушли, а когда был станок включен, он полностью вышел из строя, и цех не мог работать. Потом один

из троицы вернулся и опять-таки «пошутил»: бросил в работающий основной агрегат кусок рельса, что парализовало работу уже всего предприятия. Машинист завода «Красный строитель» в Перми тоже «ради шутки» выпустил из котла пар и на несколько часов остановил работу всего завода и т.д.¹⁵ А.Ю. Рожков приводит случай, когда рабочие-комсомольцы на одном из заводов с призывом «Бей мастера за расценки!» пытались бросить последнего в топку¹⁶. В 1928 г. рабочий ленинградской фабрики «Скороход» Быков застрелил мастера Степанкова. «Быковщина» стала нарицательным термином для агрессивного спецеинства криминального характера.

Распространение хулиганства, с одной стороны, мешало эффективной организации промышленного производства, а с другой – вызывало у населения панические настроения, чувство незащитности перед лицом распоясавшихся молодчиков. Горожане были недовольны беспомощностью государства и призывали к максимальному ужесточению карательной политики. Власти в этих условиях было крайне важно показать эффективную борьбу с хулиганством. Конечно, вряд ли отдельные показательные процессы могли переломить общую ситуацию. Скорее, как в нашем архангельском случае, рабочие становились зрителями назидательного спектакля («в клубе накрыли столы красным сукном, приготовили подсвечники», только вот исполнитель главной роли не явился). Они получили урок, как не надо себя вести, и убедились, что власть способна оградить их от хулиганов. Такими же мотивами, вероятно, руководствовались те, кто в 1935 г. организовал на Трехгорной мануфактуре в Москве судебный процесс над инженером Каштановым и работницей Васильевой (между прочим, не работниками «Трехгорки»), бросившими на произвол судьбы свою пятилетнюю дочку Гету¹⁷. И в этом случае работницы фабрики, будучи зрителями (и весьма активными!), наполнялись уверенностью в том, что советская власть стоит на защите семьи и детей.

В целом, рабочие на предприятиях довольно часто сталкивались с «судами» (вплоть до «судов» над литературными героями или историческими персонажами). Можно предположить, что истоки популярности этой формы массовой работы лежат в крестьянских традициях сельского схода, выполнявшего своего рода судебные функции по обычаю. Например, в ходе уже упоминавшейся кампании по поднятию производительности труда на предприятиях «судили» рвачей, прогульщиков, лодырей, «бюллетенщиков» и др.¹⁸

Составной частью всех антирелигиозных кампаний, проводившихся, в основном, силами комсомольцев, были «суды над религией». В журналах, газетах и отдельными брошюрами стали публиковать специальные сценарии, например, «суда над богом». «Подсудимый» по сценарию отсутствовал: «Обвиняемый бог на суд не явился. Мы никак не

могли его разыскать. Никто не мог указать точного адреса его. Неверующие говорят, что его разыскать нельзя потому, что он не существует. Верующие утверждают, что он пребывает везде, но мы нигде его не обнаружили. Послать радиogramму на небо нельзя, потому что в бесконечном пространстве ни одной радиостанции не имеется. Пришлось ограничиться изображениями богов, которые имеются в большом количестве»¹⁹. В комсомольских ячейках проводили общественные суды над религией, которой выносился однозначно обвинительный приговор, после чего происходило ее символическое сожжение. В некоторых местах на подобных судилищах присутствовало до 1500 человек²⁰. Для молодёжи подобные суды были интересным зрелищем. В них присутствовали элементы и инсценировки, и карнавала, и коллективной игры. Такие мероприятия, будучи по сути элементом идеологической системы, превращались в то же время в своеобразное развлечение.

Помимо «отсутствующего» Бога, абстрактного «буржуя» или «бюрократа», жертвой коллективного обвинения могли стать конкретные люди. В конце 20-х гг. в заводском сообществе сформировались определенные практики, напоминавшие судилище.

В 1928 г. при всех губернских бюро жалоб были созданы совещания рабочих заседателей, на которых разбирались наиболее важные жалобы, в основном на бюрократизм должностных лиц и т.п. Заседатели выбирались из рабочих или служащих для разбора конкретного дела. Совещания состояли из 10—15 чел., они проводили свои заседания на предприятиях и в учреждениях. Наиболее строгие меры совещания сводились к снятию бюрократа с работы с запрещением занимать ответственную должность в течение 2—3 лет²¹.

В качестве примера приведем один из эпизодов деятельности бюро жалоб при РКИ Архангельской губернии²². Предметом разбирательства 29 марта 1929 г. с участием помощника прокурора, инспектора губернского отдела труда и трех «рабочих заседателей» стали жалобы рабочих лесной биржи на заведующего Рогова. Его обвинили, в том, что он «груб с рабочими, на биржевых работах бывает редко, докладов рабочим не делает». Даже краткий протокол дает представление о том, какая агрессивная атмосфера сложилась на заседании: «Рабочие в своих выступлениях подтверждают факты систематического падения труддисциплины: прогулы, опаздывание и преждевременный уход с работы, развивающееся пьянство. И как на причины этих болезней указывают, что борьбы с этим злом никто не вел; бесед вечеров вопросов и ответов о поднятии дисциплины и производительности с рабочими не производилось. <...>

На трибуну, туда где заседает Бюро Жалоб не хочется идти, но собрание настаивает: “нечего, не бойся, иди рассказывай свои грехи”. Самому Рогову пришлось жарче всех. В своем выступлении он перечислил

по фамилиям ряд рабочих и работниц, которые по мнению т. Рогова были и злостными пьяницами и растратчиками и прогульщиками. Но случился небольшой конфуз т. Рогов очевидно перепутал фамилии, указал на других, за которыми ничего подобного рабочие не наблюдали и потому от обвинения Рогова в 7-ми смертных грехах они освободили. Шутили рабочие: “видишь Рогов как плохо знаешь болячки на производстве, чаще надо было ходить на биржевые работы”.

Натянутая вначале атмосфера заседания под конец разряжается желанием высказаться каждому. У каждого наболело и нашлось о чем говорить. Молчание сменилось настоящей самокритикой, выступило 23 человека, но время уходит, многим надо выступать на работу. <...>

Губернское бюро жалоб постановило: Считая ненормальным такое поведение и отношение т. Рогова к вопросам производства – объявить т. Рогову выговор, одновременно поставив вопрос перед коллегией Губ. РКИ о возможности оставления его на этой работе в дальнейшем. <...>. 2 апреля 1929 г. коллегия ГубРКИ постановила снять Рогова с работы.

В приведенном документе интересно, во-первых, то, что, обсуждая *свои* прогулы и *свою* недисциплинированность, рабочие возлагают ответственность за это исключительно на руководителя, обвиняя его в том, что «вечеров вопросов и ответов о поднятии дисциплины и производительности с рабочими не производилось». Материалы бюро жалоб РКИ показывают, что рабочие научились успешно использовать новые институты (РКИ, бюро жалоб, заводской «треугольник» и пр.) и выдвигавшиеся властью политические лозунги и инициативы для отстаивания своих интересов. Во-вторых, внимание привлекает упоминание кампании самокритики, ставшей одним из инструментов утверждения сталинизма.

Лозунг самокритики был выдвинут И.В. Сталиным на XV съезде ВКП(б), причем под «самокритикой» подразумевалась не критика человеком своих поступков, а «критика снизу», массовая критика со стороны трудящихся, направленная на руководство. Самокритика в большинстве своем должна была касаться хозяйственной деятельности и способствовать расширению социальной опоры сталинской линии²³. Ключевым словом кампании стала «бдительность». Суть «самокритики» состояла в коллективном обнаружении «козлов отпущения» в заводском сообществе. Эта модель использовалась и на «шахтинском процессе», и в стахановском движении. В 30-е годы заводское пространство было напрямую задействовано в политическом спектакле сталинской диктатуры. На предприятиях проводились многочисленные собрания в поддержку террора, обсуждались газетные статьи и другие агитационные мероприятия о «врагах», «шпионах» и пр. Правила проведения подобных собраний предполагали не только формальную демонстрацию солидарности с властью, но и включение в обсуждаемую проблему конкретной ситуации

на своем предприятии. Участники собрания должны были каяться сами и обличать своих товарищей²⁴.

Таким образом, в 20-е гг. власть постепенно, через «агитсуды» и судебные инсценировки, через проведение реальных судебных заседаний в заводском пространстве и т.п. вовлекала рабочих в бесконечный судебный спектакль, навязывая им роль коллективного обвинителя. В 30-е годы эта практика уже позволяла и направить массовое недовольство не против власти в целом, а против отдельных лиц, и превратить множество людей в соучастников сталинской системы.

¹ См.: Ульянова С.Б. Проблемы промышленной повседневности конца XIX в. – 1930-х гг. в современной историографии // Традиции исторической мысли. Материалы научного семинара памяти В.И. Злобина. М., 2009. С. 68–75; Борисова Л.В. «Принудительная ускоренная самоорганизация рабочего класса»: дискуссии о принципах организации труда в Советской России в 1920 г. // Вестник РУДН. Сер. История России. 2010. № 3. С. 41–54; Твердюкова Е.Д. Пространственное размещение промышленности и населения в СССР в 1930-е гг. // Труды исторического факультета СПбГУ. 2010. № 1. С. 412–430; Юдина Т.В. Советские рабочие и служащие на концессионных предприятиях СССР в годы новой экономической политики. Автореф. дис. ... д.и.н. Астрахань, 2010 и др.

² Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 года. Стенографический отчет. М., 1963. С. 499–502.

³ Лебедев-Патрейко В. и др. Бюджет времени рабочей семьи. Л., 1933. С. 40.

⁴ Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда. М., 1982. С. 207, 208.

⁵ Отчет Ленинградского райкома ВСРМ 7-му Губернскому съезду металлистов за 1924 г. Л., 1925. С. 5.

⁶ Михеев В. Бюджет времени рабочих и служащих Москвы и Московской области. М.; Л., 1932. С. 24.

⁷ ГААО. Ф. 266. Оп. 6. Д. 113.

⁸ Там же. Л. 22.

⁹ Булюлина Е.В. «Жалобщики» и «удрученные»: о работе с заявлениями граждан в Рабоче-крестьянской инспекции в 1919 – 1920-е гг. // Вестник РУДН. Сер. История России. 2010. № 2. С. 101.

¹⁰ ГААО. Ф. 266. Оп. 6. Д. 113. Л. 18.

¹¹ Там же. Л. 17.

¹² Панин С. «Хозяин улиц городских». Хулиганство в советской России в 1920-е годы [Электронный ресурс] // Вестник Евразии. 2003. № 4. Режим доступа: http://www.eavest.ru/magasin/artikelen/2003-4_pan.htm (дата обращения 07.05.2008).

¹³ Там же.

¹⁴ Найман Э. Чубаровское дело: групповое изнасилование и утопическое желание // Советское богатство: Статьи о культуре, литературе и кино. СПб., 2002. С. 58.

¹⁵ Панин С. «Хозяин улиц городских» ...

¹⁶ Рожков А.Ю. Молодой человек 20-х годов: протест и девиантное поведение // Социологические исследования. 1999. № 7. С. 109.

¹⁷ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. 2-е изд. М., 2008. С. 180.

¹⁸ Профсоюзы СССР. Документы и материалы. Т. 2. М., 1963. С. 298–300.

¹⁹ Суд над богом. М., 1925. С.6.

²⁰ Слезин А.А. За «новую веру». Государственная политика в отношении религии и политический контроль среди молодёжи РСФСР (1918 – 1929 гг.). М., 2009. С. 52.

²¹ Булюлина Е.В. «Жалобщики» и «удрученные»: о работе с заявлениями граждан в Рабоче-крестьянской инспекции в 1919 – 1920-е гг. С. 102.

²² ГААО. Ф. 266. Оп. 4. Д. 67. Л. 29—29об.

²³ Тюрин А.О. «Критика снизу» на предприятиях и организациях Нижневолжского региона во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х гг. // Вестник РУДН. Сер. История России. 2010. № 3. С. 55—57.

²⁴ Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 325.

М.В. Ермушин

Политика советского государства по материальному стимулированию инженерного труда в годы НЭПа

В годы военного коммунизма зарплата перестала быть оплатой количества труда определенной квалификации, и превратилась в соцобеспечение.¹ Внедрение элементов рыночной экономики в начале 20-х гг. привело к изменениям в области оплаты труда. В 1921 г. государство отказалось от политики унификации и уравнительности в заработной плате. Взятый правительством курс на привлечение специалистов к хозяйственному строительству поставил задачу по возрождению материальных стимулов труда инженерно-технических работников.

Эта проблема решалась несколькими путями. Во-первых, в сентябре 1921 г. начался переход на 17 разрядную тарифную сетку. Высший административно-технический персонал оплачивался по 14-17 разряду, средний по 10-13, низший 7-12, рабочие с 1 по 9 разряд. Таким образом, устанавливалась зависимость величины зарплаты от квалификации.

Ставка высококвалифицированных специалистов от 3 до 5 раз превышала ставку 1 разряда. В сентябре 1922 г. соотношение оплаты труда рабочих 1 разряда и специалистов высшей квалификации составляло 1 к 5,2. При переходе к 17 разрядной тарифной сетке возникли трудности при тарификации технического персонала. Поскольку нормы, установленные сеткой, не создавали градации в заработках отдельных квалификаций и низко расценивали труд специалистов 9-12 разряда.

Зарплата инженеров выросла. Но это вызвало недовольство рабочих. И в конце 1922 г. правительство пошло на снижение разницы в оплате труда для специалистов и рабочих, которая для высококвалифицированных специалистов составила 1 к 2,5. Кроме того, в

¹ © М.В.Ермушин, 2012

конце 1922 г. для ограничения роста заработной платы ИТР устанавливался потолок.

Инженерно-технические секции (ИТС) неоднократно просили правительство увеличить соотношение. По их мнению, справедливым считалось бы соотношение лежащее в плоскости от 1:4 для 9 разряда и 1:9 для 15 разряда. Особо ценные специалисты 16 разряда, по мнению ИТС, должны были тарифицироваться по договоренности между работником и работодателем. Помимо этого, при исчислении ставки 1 разряда предлагалось учитывать заработную плату рабочих конкретного предприятия². Признавалось целесообразным, чтобы низшая ставка инженерно-технического работника была на 10-20% выше фактического заработка рабочего высшей квалификации. Однако соотношение между ставками осталось низким, что подрывало усилия властей по стимулированию высоко квалифицированного труда инженеров.

К середине 20-х гг. назрела необходимость реформирования тарифной сетки. Поскольку она не отражала ни специфики труда инженера, ни особенности деятельности предприятия, в ней отсутствовали условия для стимулирования профессионального роста и пр. Толчком к этому послужило постановление ЦК РКП (б) “О работе специалистов”, принятое в сентябре 1925 г. В нем акцентировалось внимание на принятии мер по улучшению условий работы специалистов.³ Вслед за этим 23 сентября 1925 г. состоялось совещание при отделе тарифов и экономики ВЦСПС, на котором принято решение о создании особой тарифной сетки для специалистов.⁴ В ходе обсуждения этого вопроса выявилось два подхода. Первый заключался в том, что для каждой отрасли промышленности должна быть установлена своя сетка. Второй, что для всех отраслей одна. В итоге в основу решения был положен первый подход. Сетка состояла из 16 разрядов и устанавливался ряд принципов:

- разница в соотношении 1 разряда к 16 определялась как 1:4;
- заработок инженера и техника не должен быть ниже заработка рабочего, находящегося в его подчинении;
- ставка 1 разряда инженерной тарифной сетки определялась для каждого предприятия отдельно с учетом его особенностей и с тем, чтобы она на 10-15 % была выше среднего фактического заработка квалифицированного рабочего на данном предприятии.
- сетка охватывала всех инженеров и техников, за исключением высшего административного персонала, оклады которого устанавливал СТО.

Вслед за этим вопрос о введении особой тарифной сетки для инженерно-технических работников обсуждался на заседаниях Губернских межсекционных бюро (ГМБИТ). Признав введение особой сетки необходимой, ГМБИТ высказались за увеличение соотношения между 1 и 16 разрядами до 5. В противном случае это могло привести к снижению

заработной платы инженерно-технических кадров. Так в Нижегородской губернии высший оклад инженера, занятого на текстильном предприятии, был 420 р. После введения инженерной сетки он бы стал равен 276 р.⁵ Помимо этого, с мест поступали предложения, чтобы 1 разряд устанавливался выше среднего заработка рабочего не на 10-15%, а на 25%⁶

Однако уже в апреле 1926 г. на заседании президиума ВЦСПС соотношение между 1 и 16 разрядами сокращено до 1:3.⁷ Пересмотр в сторону уменьшения разницы между разрядами состоялся из опасения, что это приведет к большому разрыву в оплате труда между рабочими и инженерами. Такой шаг был вызван ростом рабочего протеста в 1925-1926 гг.⁸

Таблица 1. По должностям разряды распределялись следующим образом⁹

должность	Помощник	Мастер	Старший мастер	Помощник зав. цеха	Первый помощник зав. цеха	Заведующий цеха	Помощник заведующего отделения	Заведующий отдела	Главный инженер	Технический директор
Разряд	1-2	2-4	4-5	5-6	6-8	5-10	9-10	10-12	9-14	11-16

На III Всесоюзном съезде инженеров и техников 6 мая 1927 г. принята резолюция “О роли и положении инженеров и техников в производстве”, в которой отмечалось, что внедрение инженерной сетки “не должно служить средством к огульному повышению уровня зарплаты ИТР”. Данное заявление преследовало цель упорядочить зарплату инженерно-технического персонала с учетом особенностей каждого предприятия.¹⁰ В пояснительной записке ВЦСП признавалось, что внедрение тарифной сетки для некоторых категорий специалистов может привести к снижению реальной заработной платы. Последнему способствовало то, что с введением новой сетки были отменены ряд льгот, которыми ранее пользовались инженеры. В 1927 г. были отменены льготы специалистам по оплате коммунальных услуг. Предприятиям было рекомендовано прекратить оплату коммунальных услуг инженерам.¹¹

В целом тарифная реформа оказалась выгодной прежде всего для ИТР, тарифицированных по 9-11 разрядам сетки 1921 г. Их заработная плата выросла. Для инженеров 12-17 разряда зарплата оставалась, примерно, на том же уровне. В соглашении между правлением государственного Тверского хлопчато-бумажного треста и Тверским губотделом союза текстильщиков 1926 г. при перетарификации специалистов предусматривалось снижение доплат с тем, что бы размер заработной платы не менялся.¹² Более того, такие должности как

заведующие ткацким производством и их замы в хлопчато-бумажной и льняной промышленности, а так же мастера и их заместители на суконных и прядильных фабриках тарифицировались на один разряд ниже, чем это было предусмотрено новой сеткой.¹³

Введение новой тарифной сетки проходило медленно. К 1928 г. в полной мере на нее переведены лишь два профессиональных союза: строителей и металлистов. Тормозил введение новой сетки ряд факторов. Неподготовленность к реформе региональных профсоюзных организаций и хозяйственных органов. На предприятиях считали, что реформирование приведет к уравниловке, и не спешили его проводить. Кроме того, при переходе к новой тарифной сетке предприятие лишалось спецфондов, из которых доплачивали инженерам. Тем самым руководство предприятия теряло рычаг, с помощью которого можно было заинтересовать инженера работать на данном предприятии.

Таким образом, тарифная политика, проводимая государством в области заработной платы, не удовлетворяла основную массу инженеров. В ней явно проглядывалось две тенденции. С одной стороны, потребность урегулировать оплату труда ИТР в соответствии с особенностями условий работы, квалификации, опыту и ликвидировать “серые схемы” доплат. С другой, стремление к унификации, что приводило к уравниловке и снижало заинтересованность инженера в результатах своего труда.

Вторым направлением по которому пытались стимулировать оплату труда инженеров, являлось возрождение практики заключения коллективных договоров. Размер оплаты стал зависеть от конкретного коллективного договора, который заключался между профсоюзами и хозяйственными органами. Это позволяло учитывать экономические условия, в которых находилось предприятие, найти компромисс между интересами различных категорий работников и дирекции. Кроме того вводились индивидуальные трудовые договоры. Они заключались в дополнение к общему коллективному договору и учитывали особые условия работы высококвалифицированных инженеров.

Инженерно-технические секции, которые должны были отстаивать интересы специалистов, получили организационное оформление в регионах только к 1925 г. Поэтому вопросы заработной платы регулировался либо администрацией завода, или же коллективный договор от имени специалистов заключала общая профсоюзная организация предприятия. Но даже там, где профсоюзы включались в колдоговорную кампанию, они не всегда руководствовались интересами ИТР. ВЦСПС в циркулярном письме от 11 августа 1922 г. обращает внимание на этот аспект проблемы. “Со стороны профсоюзов”, – указывалось в письме, – “особенно при заключении договора, не совсем внимательное отношение к ... рядовому инженерству.”¹⁴ Народный комиссариат труда, проведя анализ коллективных договоров 1922 г., так же отметил “беспечность

профсоюзов в области колдоговорной кампании”.¹⁵ Практика заключения коллективных договоров показала, что администрации не уделяла внимание стимулированию труда инженеров.

Третье направление связано с циркуляром ВЦСПС 1 декабря 1921 г. “О порядке определения особого фонда для дополнительной оплаты высококвалифицированных работников и использования этого фонда”. Размеры фондов на предприятиях определялись исходя из важности и сложности производства, а так же квалификацией высшего технического персонала. Устанавливалась зависимость величины особого фонда от количества занятых работников. Таким образом, в выигрышной ситуации оказывались крупные предприятия. Фондом распоряжалось заводоуправление, которое распределяло его среди инженеров 13-17 разрядов “в зависимости от значения и необходимости их участия в предприятии”¹⁶.

Особые фонды как инструмент стимулирования труда не принесли ожидаемых результатов. Фондом распоряжалось заводоуправление, которое распределяло его среди инженеров 13-17 разрядов “в зависимости от значения и необходимости их участия в предприятии”¹⁷. В дальнейшем постановление СТО и приказ Народного комиссариата труда от 6 мая 1924 г. “О дополнительной оплате специалистов из особого фонда по индивидуальным договорам” ограничили дополнительные выплаты инженерно-техническим работникам 16-17 разрядом. Тем самым основная масса инженеров не получала из них ничего.

Система назначения и утверждения спецставок приводила к установлению полной зависимости специалистов от дирекции предприятия. Списки инженеров, заслуживающих дополнительную оплату, составляло заводоуправление, нередко находившееся под контролем директора. Далее списки отправлялись на утверждение в губернские органы народного комиссариата труда, где мнение дирекции предприятия так же играло не последнюю роль. К минусам такой системы так же можно отнести исключение инженерно-технических секций (ИТС) профсоюзов из распределения фонда. В итоге, это создавало условия для произвола. Нередко родственные и протекционистские соображения служили факторами для определения величины заработной платы. Подобная практика приводила к нецелевому расходованию средств.

В четвертых, осенью 1922 г. ВЦСПС и НКТ разработан порядок выдачи дополнительных вознаграждений специалистам, занятым в государственных учреждениях, предприятиях и объединениях в виде танъемов, премий и наград. Танъемы выдавались высшему административному персоналу (16-17 разряд тарифной сетки) за счет полученной предприятием прибыли.

Премии предусматривались за снижение себестоимости продукции, внедрение изобретения и т.д. Однако все эти выплаты не могли превышать

годовой госмаксимум. Как показала практика, попытка стимулировать, таким образом, труд специалистов не принесла значительных результатов. “Для получения премии”, - писал один из инженеров Кулебакского Нижегородского завода, - “приходится много работать по тем и другим усовершенствованиям. Но бывают случаи, что эксперты не принимают усовершенствование и тогда труд проходит даром”¹⁸. Кроме того, премии были привязаны к окладу, что влияло на их размер. В типовом коллективном договоре 1926 г. приводились следующие показатели: за уменьшение потерь сырья на 0,1 право на премию составляло 1 % от ставки, 0,5 - 50%. В случае одной остановки работы размер премии сокращался на 30 %, двух остановок - на 60% . Если учесть уровень технического оснащения заводов в 20-е гг. и качество сырья, то даже экономия в 0,1 % являлось достижением¹⁹.

На III Всесоюзном съезде инженеров и техников (7-8 апреля 1927 г.), касаясь вопроса премирования, констатировали: “... в этом отношении кое – что сделано, но не по существу, а формально. Формально ВСНХ, ВЦСПС издали соответствующие указания. Но на деле это не получило развития. И только в отдельных секциях (горняков, металлистов, химиков) мы имеем успехи”.²⁰ В целом система премирования так и не стала фактором стимулирования труда инженерно-технической интеллигенции.

Таким образом ни по одному из четырех направлений политики по стимулированию труда инженеров, государство не достигло желаемых результатов. Главным препятствием послужило стремление к унификации оплаты труда ИТР. Это приводило к уравниловке и не учитывало особенностей деятельности предприятий, специфики труда в различных отраслях промышленности. В тоже время уравниловка для основной массы инженерно-технической интеллигенции сочеталась с введением дополнительной оплаты для сравнительно узкого круга инженеров в виде спецфондов и тантьемов.

¹ См.: Ильюхов, А.А. Как платили большевики: Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917-1941 гг. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2010. - С. 35.

² См.: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф.Р. 5548. Оп. 4. Д. 24. Л. 1.

³ См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 тт. 1917–1967 гг. Сборник документов за 50 лет. - Т.1. 1917–1928 гг. - М.: Политическая литература. – С. 496.

⁴ См.: ГАРФ Ф.Р. 5548. Оп. 5. Д. 39.Л. 1.

⁵ См.: ГАРФ Ф.Р. 5548, ОП.4, Д. 26, Л. 286.

⁶ См.: ГАРФ Ф.Р. 5548. Оп. 4. Д. 64. Л. 8.

⁷ См.: ГАРФ Ф.Р. 5548. Оп. 5. Д. 39. Л.8.

⁸ См.: Трудовые конфликты в Советской России / Отв. ред. Ю.И. Кирьянов, В. Розенберг, А.Н. Сахаров. Изд. 2-е. - М.: Эдториал УРСС., 2010. - С. 314.

⁹ См.: ГАРФ Ф.Р. 5548. Оп. 4. Д. 64.Л.8.

¹⁰ См.: ГАРФ Ф.Р. 5548., Оп. 6. Д. 8. Л. 20.

¹¹ См.: ГАРФ Ф.Р. 5548., Оп. 6. Д. 54. Л. 110.

¹² См.: Российский государственный архив экономики (РГАЭ) Ф. 3429., Оп. 3., Д.1719. Л.3.

¹³ См.: РГАЭ Ф. 3429. Оп. 3. Д.1719. Л. 12.

¹⁴ ГАРФ Ф.Р. 5548. Оп.1. Д. 22. Л.5.

¹⁵ ГАРФ Ф.Р. 382. Оп. 5. Д. 118. Л. 27.

¹⁶ См.: ГАРФ Ф. Р. 5548. Оп.1. Д. 22. Л. 5. Д. 77. Л. 436.

¹⁷ См.: ГАРФ Ф. Р. 5548. Оп.1. Д. 22. Л. 5; Д. 77. Л. 436.

¹⁸ ГАРФ Ф.Р. 5548. Оп. 3. Д. 29. Л. 231.

¹⁹ См.: ГАРФ Ф.Р. 5548. Оп. 8. Д.64. Л. 18-19.

²⁰ ГРАФ. Ф. Р. 5548. Оп. 6. Д. 6. Л. 121.

Н.В. Миловидова

К вопросу о среде обитания московских рабочих в период НЭПа (по материалам «записок уцелевшего» С.М. Голицына)

В условиях современной России, благодаря открывшимся новым возможностям и подходам в исторической науке, доступности источников, ранее не вводимых в научный оборот, наблюдается рост интереса к человеку и среде его обитания в контексте истории повседневности, в том числе 1920-х годов.

Вообще, 1920-е годы – это очень насыщенный во всех отношениях период советской истории. Он вместил в себя первые шаги страны Советов, трагические события Гражданской войны, крестьянские восстания, мятежи, забастовки рабочих, голод в Поволжье в переходный от войны к миру период, осуществление новой экономической политики, начало сталинской индустриализации и коллективизации. Естественно, многое в жизни людей менялось. Кто-то быстро сумел приспособиться, кто-то постоянно боролся за выживание, в том числе в период НЭПа. Сегодня об этом все больше выходит работ¹. Многие из вопросов, поднимаемые их авторами, решаются в рамках истории повседневности 1920-х годов на базе широкого круга источников. Нам же представляется интересным в этом плане обращение к одному из еще мало востребованных источников, а именно воспоминаниям С.М. Голицына.

Сергей Михайлович – один из представителей знаменитого княжеского рода Голицыных. Родился он в Тульской губернии. Учился на Высших литературных курсах, желая стать писателем. Но судьба распорядилась по-своему. При Сталине он был арестован, допрашивался на Лубянке, но скоро был освобожден². Работал топографом, строил канал им. Москвы. Воевал в годы Великой Отечественной, дошел до Берлина. Начиная с 1959 года, всю последующую жизнь занимался писательским

² © Н.В.Миловидова, 2012

трудом. Среди его книг наиболее известны детские – «Полотняный городок» и «Городок сорванцов». С.М. Голицын прожил 80 лет. Все, что зафиксировала его память, начиная с событий послереволюционной России, он изложил в «Записках уцелевшего». Писал он их более 10 лет. «Буду стараться писать объективно, как летописец, «добру и злу внимая равнодушно», - подчеркивал он, – буду передавать факты, надеясь в первую очередь на свою память. А выводы пусть сделают историки XXI века»³. Труд этот, написанный образным языком, легко читаемый, объемом более 1200 машинописных страниц, дошел до нас и представляет сегодня ценность как своеобразный исторический источник.

Итак, автор писал о том, что в 1921 году их семья жила в Богородицке Тульской губернии у сестры отца тети Веры Бобринской. Благодаря НЭПу, как известно, была разрешена частная торговля. Открыла свою торговлю и кооперация. Сергей Михайлович отмечал, что хлеб был только черный, иногда смешанный с овсяной мякиной. Вместе с сестрой Машей они изучали тогда французский и английский языки. Возвращаясь после урока, каждый раз заходили в кондитерскую Меркелова и на какие-то незначительные родительские тысячи покупали два пирожных, а третье несли сестре Кате. Таково было первое детское впечатление о начале новой жизни после Гражданской войны, а серьезное, взрослое осознание всего того, что тогда происходило и, что потом назовут НЭПом, было впереди.

Но скоро Голицыны переехали в Москву. Сергею тогда было 13 лет. Его интересовало в столице все. Часто он бродил по московским улицам, заглядывал в магазины, в церкви, смотрел, прислушивался. Со стороны казалось, что в жизни многие тогда решили следовать бухаринскому призыву: «Обогащайтесь!» Особенно это было заметно в Москве. Население столицы действительно росло с каждым днем. Приезжавших прописывали безоговорочно, лишь бы куда прописать, хоть в темный чулан, хоть в ванную комнату. Возвращались те, кто пережил голод в деревне и, дельцы, желавшие хорошо устроиться и нагрести много денег. Москва кипела. По улицам и переулкам с рассвета и до глубокой ночи гремели ломовые подводы. Каждая лишняя ездка давала лишние тысячи рублей, особенно на привокзальных площадях, возле рынков. Шум стоял невообразимый. Удушливая пыль висела в воздухе. «Что везли? Откуда везли? Куда везли? Кому везли?» Это деловые люди везли разные товары, а подмосковные крестьяне доставляли в город мясные и молочные продукты, овощи и дрова. Пооткрывалось много разных магазинов, но торговля шла, главным образом, на рынках. Основным являлся Сухаревский, – как вспоминал Голицын, – тянувшийся версты на полторы по Садовому кольцу от Цветного бульвара⁴. Это была барахолка. «Продавались все существующие со времен Рюрика и до наших дней предметы, которые можно было одеть, обуть, поставить в комнате,

повесить на стену, спрятать в сундук, в комод, в шкаф»⁵. Для продажи тащили разное отсыревшее, заплесневевшее, изъеденное молью, заржавленное, негодное и годное к употреблению имущество. На Сухаревке было полно продавцов, покупателей, зевак и жуликов. Кто гадал, кто показывал фокусы. Вообще, рынок кипел. Тысячи и миллионы рублей шелестели, люди наживались, люди прогорали...

На другом известном рынке, Смоленском, прилавки ломились от изобилия продуктов. Так, много было здесь, например, соленой, вяленой, копченой, мороженой рыбы, выловленной сетями и неводами рыбаками-одиночками или членами рыболовецких артелей. Красную же, вместе с икрой, отправляли в Охотный ряд. Это был самый шикарный, самый дорогой, без барахолки, без особой толкучки, но зато с магазинами, рынок. Посреди рынка белая, в белых кружевах высилась барочная церковь Параскевы Пятницы – покровительницы торговли⁶. На площади, где позже появится гостиница «Москва», в двух магазинах торговали разной дичью. Параллельно Александровскому саду, шли, начинавшиеся от Тверской, два узких, грязных переулка – Лебяжий и Лоскутный – сплошь со складами тех товаров, которые продавались в Охотном ряду. Дальше шли магазины разнообразных солений. В бочках можно было выбрать соленые огурцы, арбузы, грибы: от крохотных рыжиков до голубоватых груздей⁷. На Сенной площади торговали возами дров. Высоких домов с центральным отоплением в Москве тогда было мало. Но сегодня эти места Москвы уже изменились. Еще один рынок находился в Замоскворечье у Обводного канала напротив Третьяковской галереи. Его называли Болотный. На нем торговали исключительно фруктами. Обилие яблок ошарашивало. Ароматные бурты грудились навалом. Фрукты и овощи здесь шли оптом, а потом на каждом перекрестке можно было увидеть мальчишку или старушку, продававших этот перекупленный товар, но уже поштучно. Они торговали и семечками. Вся Москва, вся Россия грызла семечки⁸... Большинство воспоминаний о периоде НЭПа начинаются с описания того, как восстанавливалась торговля, и это было понятно. Изголодавшиеся и исхолодавшиеся люди, оказавшиеся по воле судьбы свидетелями и участниками революции и Гражданской войны, заслуживали большего. Они и теперь продолжали бороться за выживание, мечтая обо всех благах человеческого бытия.

Было видно, как каждый по-своему зарабатывал и проматывал деньги. Одним было позволено посещение таких дорогих московских ресторанов, как «Метрополь», «Националь», «Прага»; другим – кавказских духанов, уютившихся в подвалах; а, третьим, рабочим – очень дешевых столовых, пивных. Некоторым же и это было недоступно. По дворам ходили, зарабатывая свой хлеб, старьевщики, точильщики, молочницы. Многие москвичи, притом, что можно было нарваться на несвежие продукты, грубость продавцов, покупали в государственных магазинах

Московского союза потребительских обществ. Цены в них были дешевле. А за улыбку и вежливость продавцов, за более качественные товары надо было платить гораздо больше, но в частных магазинах. Еще бы, в них можно было встретить еще уцелевших представителей старых купеческих семей. Об этом вспоминал Сергей Михайлович, называя магазин меховых изделий Свешникова в Охотном ряду и другие охотнорядские магазины⁹.

В годы НЭПа в стране прошла денежная реформа. Совзнаки в течение двух-трех месяцев были заменены червонцами – твердой валютой, обеспеченной золотом. «Папой червонца», - отмечал Голицын, – называли бывшего крупного чиновника министерства финансов России Кутлера. Если бы не реформа, то коробка спичек так бы и стоила 500 млн рублей. А червонцы – это совсем другое дело. Купленные бабушкой на червонец гостинцы, - вспоминал Сергей Михайлович, – ещё долго радовали внуков¹⁰.

Все чаще предприимчивых торговцев стали называть нэпманами. Часть из них стала заниматься тайной торговлей золотом, драгоценностями, предметами искусства. Их партнерами стали бывшие люди, в свое время припрятавшие золото и сумевшие сохранить его и после революции. Появились всякие коллекционеры, которые могли подобраться «к какой-нибудь нуждающейся старушке, хранительнице портретов предков, картин, фарфора», дать ей за фамильные реликвии ничтожные суммы и унести все, что душе угодно¹¹. Кроме этого нэпманы запасали иностранную валюту, в первую очередь – американские доллары. Вообще, иностранцев в те годы в Москве становилось все больше. Некоторым советское государство сдавало предприятия в концессии. Так, англичане забрали золотые прииски в Якутии, американцы – марганцевые рудники в Чиатурах на Кавказе и карандашную фабрику Хаммер в Москве и т.д. Их сразу можно было отличить от москвичей, так как вид у них был элегантный и заносчивый. Их, энергичных, с толстыми портфелями можно было увидеть в банках, меняющих доллары на совзнаки по официальному курсу. Иногда, некоторые из них более удачно проворачивали подобные операции, не заходя в банк. Они работали с валютчиками. Много таких сомнительных типов бродило, например, среди Ильинки. Говорили, что их порой забирали в Бутырки. От деловых иностранцев из Европы и Америки можно было легко отличить китайцев, наводнивших Москву. Они не только показывали на рынках фокусы, но еще держали прачечные и вели галантерейную торговлю самодельными пуговицами, расческами, ремешками для часов и другой мелочью¹².

Все эти люди, нэпманы и безработные, рабочие и госчиновники, иностранцы и крестьяне, приехавшие в Москву в поисках счастья в 1920-е годы, видели столицу разной. Так, коренные москвичи наблюдали наличие еще многих церквей, чего не скажешь о более поздних годах, а также сносы наиболее пострадавших в революционных боях домов или их

частичный ремонт. После Гражданской войны возобновилось трамвайное движение. По Бульварному внутреннему кольцу ходил трамвай «А», в народе – Аннушка, а по Садовому внешнему кольцу – «Б», названный Букашкой. Но они ходили редко, и москвичам приходилось чаще передвигаться пешком. Местом отдыха людей по-прежнему оставались Новинский, Смоленский, Зубовский бульвары, где росли вековые липы, зеленела трава. Правда, с наступлением зимы эти улицы, бульвары и рынки пустели. Холод гнал людей в дома или в нечто подобное, как, например, беспризорников в подвалы недостроенного здания Казанского вокзала. Промозглыми ночами им бедным приходилось греться вокруг чанов, в которых расплавляли асфальт. Днем, закутанные в лохмотья с жадными глазами, они бродили по улицам, высматривая, где бы чем поживиться. В вагонах собирали деньги, распевая жалобные песенки¹³. Промышляли и грабежом. О различных криминальных событиях, в том числе и с их участием, можно было прочесть в газетах. С особым интересом читались разделы – «суд» и «происшествия».

Есть в «Записках...» Сергея Михайловича сведения и о культурной жизни столицы. В те годы, – вспоминал он, – писали Л. Леонов, Б. Пильняк, И. Эренбург, М. Шагинян, М. Булгаков и др. Но, одним из популярнейших авторов был М. Зощенко. «Он смешил всю страну»¹⁴. Из всех зрелищ тогда самым доступным во всех отношениях был кинематограф. Кинотеатры были государственные и частные, подороже и подешевле. На Арбатской стоял «Первый Совкино», – писал Сергей Михайлович, – на самом Арбате два кинотеатра – «Карнавал» и арбатский «Арс». Показывали дореволюционные фильмы с Мозжухиным и Верой Холодной, фильмы – агитки. Народ же стремился на американские боевики с ковбоями и бандитами¹⁵. Места в зале брали с боем. В Малом зале консерватории музыканты давали концерты, а в Большом то показывали фильмы, то проводили диспуты со священнослужителями. Тогда официальную власть в них представлял А.В. Луначарский...

Будучи костромичкой, не могу не заметить те места в книге, где Сергей Михайлович описывал волжские города, которые он посетил в ходе своего путешествия. Восхитила его прекрасная, многохрамовая еще тогда и Кострома. Церквей в городе было 57. Запомнился ему и Ипатьевский монастырь. С сожалением отмечал он в конце книги и то, что многие из этих храмов, в том числе и в других городах России, позже были разрушены¹⁶...

Читая последующие страницы «Записок...» мы попадаем в Москву 1930-х и более поздних годов, но исследовать это уже предстоит другим. Добавим только, что эта биографическая книга была издана в 1990 году, т.е. уже после смерти С.М. Голицына.

Таким образом, далее необходимо отметить следующее:

во-первых о Москве 1920-х годов вспоминал не только С.М. Голицын. Есть похожие материалы у М. Булгакова, И. Эренбурга, Г. Козинцева, В. Розова, К. Чуковского, В. Кетлинской и других современников НЭПа. Взятые все вместе, вплоть до деталей они позволяют нам еще ярче представить среду обитания рабочих в столице в годы НЭПа;

во-вторых, документы свидетельствуют о том, что среда менялась постоянно, естественно менялась она и под воздействием НЭПа, но определяющим фактором в этом процессе являлась пролетарская идеология. Именно она влияла на формирование соответствующей социальной политики, что находило отражение в повседневной жизни рабочих;

в-третьих, понятно, что любой человек, независимо от социального происхождения, хочет жить лучше, иметь удобное жилье, качественные товары и услуги. Рабочие, выстрадавшие свое светлое будущее, не были исключением, но сдерживающим фактором в борьбе за него продолжала оставаться опять пролетарская идеология, в духе которой, они были воспитаны. Одни остались ей верны до конца, а другие не смогли, поддавшись соблазнам нэповской действительности;

в-четвертых, дошедшие до нас материалы показывают не только тех, кто достиг желаемого, но и трагедию тех, кто так и остался на обочине жизни. На этой почве будут расти социальные противоречия и конфликты не только между властью и рабочим сообществом, но и даже внутри самого этого сообщества; будут подмываться основы пролетарской ментальности;

в-пятых, на наш взгляд, необходимо подчеркнуть также, что, в целом, «Записки уцелевшего» С.М. Голицына безусловно расширяют наши представления о противоречивом периоде 1920-х годов, в котором уживалось и старое и появлявшееся новое. Рабочие же, являвшиеся субъектом и объектом нэповской модернизации, их поведение и поступки, оставались для власти в некотором роде гарантом стабильности в обществе при положительном эффекте проводимых реформ, либо указывали ей на необходимость их завершения. Так в дальнейшем получилось, в частности, и со свертыванием НЭПа.

¹ Лебина Н.Б., Чистяков А.Н. Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан в годы НЭПа и хрущевского десятилетия. – СПб., 2003; Миловидова Н.В. Россия в условиях НЭПа по воспоминаниям современников // Власть и общество в России XIX - XX вв. – М., 2002; Орлов И.Б., Пахомов С.А. «Ряженные капиталисты» на нэповском празднике жизни. – М., 2007; Советская социальная политика 1920-1930-х годов: идеология и повседневность. – М., 2007 и др.

² Голицын С.М. Записки уцелевшего. – М., 1990. – С. 367,373,385,386-387.

³ Там же. С.4.

⁴ См.: там же. С.102, 121-122.

⁵ Там же. С.122.

⁶ См.: там же. С.123-124.

⁷ См.: там же. С.125.

⁸ См.: там же. С.126.

⁹ См.: там же. С.127.

¹⁰ См.: там же. С.191.

¹¹ См.: там же. С.129.

¹² См.: там же. С.129-130.

¹³ См.: там же. С.131-132.

¹⁴ См.: там же. С.135.

¹⁵ См.: там же. С.137.

¹⁶ См.: там же. С.287-288, 537.

Н.В. Офицерова

Выборные собрания в фабрично-заводской повседневности 1920-х гг.

Необходимым атрибутом советской повседневности уже в 1920-е гг. являются регулярные выборы, как политические, так и в общественные организации. Главным инструментом регулирования выборного процесса становятся многочисленные выборные собрания. Частые собрания на производстве стали одним из знаков советского времени уже в 1920-е гг. Собрания всех видов выступали как прямой и обратный канал связи власти с заводским сообществом.

Материалы избирательных кампаний – значимый источник по проблемам взаимоотношения власти и народа, формирования и укрепления системы политического контроля в РСФСР/СССР и изучения советской городской повседневности.

К источникам по истории выборных собраний можно отнести материалы выборов на производстве и в городах (явочные листы, протоколы и схемы выборов на различных уровнях промышленности, информационные сводки по итогам выборов и т.д.) Многие выборы отражены как в государственных информационных сводках губернских комитетов РКП(б)/ ВКП(б) и ВЧК/ОГПУ, так и в тематических сводках. Ряд источников с наиболее «причесанной» информацией был опубликован сразу по окончании выборов: информационные письма в профсоюзной и партийной прессе, наказы выборным делегатам и итоги их работы.

Выборная система в заводском пространстве начинает нормально функционировать после ликвидации основных очагов Гражданской войны и последних массовых забастовок и восстаний 1921 г. Первые выборные

собрания в Петрограде были проведены по окончании Кронштадтского восстания. По всем предприятиям были разосланы формы материалов для выборов нового Петроградского совета VI созыва. В число этих документов входили явочные листы присутствующих на собрании, подробный и краткий протоколы собрания¹. В фонде Ленинградского совета Центрального государственного архива Санкт-Петербурга отложились краткие протоколы выборных собраний 1921 г., которые включали в себя следующие сведения: дату и время проведения собрания, количество присутствующих к числу выборщиков, краткую характеристику выдвинутых кандидатур, число голосов, поданных за каждого, результаты собрания.

При изучении данного вида источников можно увидеть обратную пропорциональность: чем больше производство, тем меньше количество участников на выборных собраниях (например, на Балтийском заводе присутствовало от 60 до 69% избирателей, а на Шоколадной фабрике – более 85%). Выборные собрания 1921/1922 гг. отличались спокойствием, малой напряженностью, но, при этом, отсутствием возможности со стороны властных органов полностью контролировать массу. По нашим подсчетам, около 35% собраний отклоняли «кандидатуры сверху», в 40% случаев избирались членами и/или кандидатами в депутаты Петроградского совета (Петросвета) беспартийные члены заводского сообщества, как рабочие «от станка», так и служащие². Дополнения к наказам делегатов встречаются на ряде предприятий.

Ситуация на выборных собраниях начинает меняться в 1923/1924 гг. по окончанию периода массовых рабочих забастовок, причем это касается как выборов в профсоюзные органы, так и в городские советы.

Положение профкомов в заводском пространстве с начала 1920-х гг. можно охарактеризовать как «странное»: невыполнение ими своих прямых обязанностей по защите прав, интересов и повседневных нужд рабочих порождало ответную негативную реакцию со стороны и рабочих-коммунистов, и беспартийных. Все виды информационных материалов (партийные, профсоюзные, советские, органов безопасности) не обходятся без упоминания о сохранении напряженности на предприятиях и «беспокойном прохождении выборных собраний»: «у рабочих имеется мнение, если кто вошел в профком, то он отрывается от массы», «профсоюзы и комиссии сначала консультируются с мастерами и спецами, а только потом идут к рабочим»³. Очевидно, профсоюзные «выдвиженцы» действительно вызывали негативные эмоции у рабочих, особенно с большим стажем, так как отличались безоговорочной поддержкой мероприятий власти в ущерб коллективным интересам.

Также, негатив на выборных собраниях был обращен в сторону технической интеллигенции: «На собрания вообще не ходят, не хотят терять с нами своего драгоценного времени»⁴. Претензии нередко были

справедливыми, хотя и рабочие, и «спецы» были одинаково недовольны выборной политикой государства. Например, во время перевыборов в завком Балтийского завода инженеры попытались отклонить кандидатуры, выставленные профсоюзом и выдвинуть своих представителей. Завком не утвердил список и на вторичном голосовании «были утверждены товарищи, с которыми завком согласился»⁵. Таким образом, решения о рабочей демократии и уменьшении назначенства в профсоюзах, принятые еще X съездом РКП(б), практически не распространялись на «спецов».

Обеспокоенность излишней самостоятельностью профсоюзной массы заставляла партийное руководство искать различные способы дискредитации рабочих активистов. Так, перевыборы фабзавкомов в фарфоровой и стекольной промышленности Новгородской губернии в 1924 г. характеризовались, согласно письму секретаря губкома, «провалом кандидатур партийных ячеек на общих собраниях рабочих, в фабзавкомы прошел «нежелательный элемент». В ближайшее время планируется чистка рабочей массы от хулиганствующих элементов»⁶. Как видно, задолго до борьбы с «чубаровщиной» и «быковщиной», «хулиганские действия» становятся своеобразным клише политического контроля, маркирующим любое несогласие с мероприятиями Советской власти и господствующей идеологией.

На перевыборных кампаниях в 1924 г. члены и кандидаты в РКП(б) Ленинского призыва, по сведениям губкомов партии, «стихийно, без санкции и даже без извещения своих партийных органов выступили против заводской администрации и мастеров». Протест выражался в сборе подписей, голосовании против постановлений и кандидатов, выставленных парткомами и пр.⁷ Чтобы переориентировать партийных неофитов, руководство стремилось шире вовлекать их в массовую работу, производственные совещания, подкупать возможностью выдвижения на административные и хозяйственные должности (особенно в Ленинграде, где существовала серьезная проблема – слишком низкий процент коммунистов на низовых руководящих должностях⁸). Складывание советской номенклатуры и бюрократического аппарата, противостоящих свободному волеизъявлению рабочих масс, превратилось в составную часть системы политического контроля.

В контексте усиления политического контроля особое значение приобретают выборы в 1925 – 1926 гг. Временной промежуток 1924 – 1926 гг. важен для понимания механизма усиления и ужесточения политического контроля в связи с внутривнутрипартийной борьбой, с началом свертывания новой экономической политики, с ликвидацией остатков демократии, с формированием новой системы отношений власти и общества. Выборная кампания 1925 г. характеризовалась жестким контролем партийных организаций, как парткомов на предприятиях, так и районных и губернского комитетов.

План кампании по перевыборам Ленсовета X созыва, принятый Ленинградским губкомом партии 24 февраля 1925 г., предусматривал следующее: 1) в состав Ленсовета нового созыва должно быть выбрано не менее 75 % «рабочих от станка», не менее 60 % коммунистов, членов РЛКСМ – не менее 10 % к общему числу рабочих со стажем, не менее 20 % женщин; 2) списки кандидатов должны быть подготовлены соответствующими коллективами совместно с фабзавместками, согласованы с райкомами партии, за неделю до выборов списки кандидатов в депутаты вывешиваются на предприятиях; 3) старый порядок выдвижения кандидатов отвергнуть (организатор коллектива, председатель профкома, директор треста механически включаются в список)⁹.

План перевыборной кампании подразумевал не только большое представительство членов партии в Ленсовете, но и контроль за выборами от начала и до конца. Без согласования с соответствующими партийными организациями ни один этап «демократических» выборов состояться не мог.

Политический контроль за выборами включал в себя не только фактическое назначение кандидатов в делегаты, но и получение разнообразной информации о ходе кампании. Ежедневно, с 20 марта 1925 г. в информационный отдел губкома поступали сведения от секретарей райкомов, включающие в себя: количество проведенных собраний по предприятиям и учреждениям, количество присутствующих, число избранных делегатов по градации: члены ВКП(б), члены РЛКСМ, беспартийные, рабочие «от станка». Информационный отдел формировал общую сводку по райкомам для первого секретаря губкома по такой же схеме¹⁰.

Кроме сводок о ходе перевыборов, Ленинградский губком получал информацию от начальника Секретно-оперативной части ПП ОГПУ в ЛВО Ройза. Органы ОГПУ готовили тематические сводки, относящиеся к виду так называемых «тематических сводок» о ходе и итогах кампании, о составе и активности избирателей. Информация ОГПУ о выборах отражала не только статистику, но и поведение избирателей.

Рассматриваемые выборы состоялись, в целом, успешно. Посещаемость собраний на различных предприятиях колебалась от 70 до 100%. Почти половина предприятий (17), рассмотренных в обзорной сводке ОГПУ за апрель 1925 г., голосовала за списки делегатов, разработанные бюро коллективов ВКП(б), на двух из них («Красный Судостроительный завод» и завод «Красногвардеец») голосовали по списку, предложенному Президиумом собрания. Наказ делегатам, разработанный Ленинградским губкомом ВКП(б) и Ленинградским ГСПС (Губернский совет профессиональных союзов), был принят единодушно на всех предприятиях¹¹. Только на заводе «Красный треугольник» выступили на собрании с дополнением в Наказ: «Советская власть не должна ничего

скрывать о международном положении», на что им ответили члены бюро коллектива ВКП(б): «Советская власть ничего (выделено мною – *Н.О.*) не скрывает, побольше читайте и не разжигайте массу»¹². Вопрос на этом был исчерпан.

В обзорной сводке ОГПУ по итогам выборов отдельно рассматривались 36 предприятий, большинство которых относились к тяжелой индустрии, на 9 из них были зафиксированы какие-либо недовольства. На заводе им. К. Маркса список бюро коллектива был принят на 90 % персональным голосованием, а не голосованием «списком», несколько кандидатов были отведены. На Трубочном заводе им. М.И. Калинина чернорабочие выступали против делегата – председателя завкома, чья кандидатура была принята большинством по окончанию споров. На заводе им. Егорова и фабрике «Красная Заря» часть рабочих ушла с собрания, мотивируя свой уход формальностью проводимых выборов («На собрании делать нечего, назначенных товарищей утвердите и без нас ... Они уже заранее члены Совета»). На собрании на шоколадной фабрике «Десерт» произошел конфликт между коллективом и частью завкома, которые выдвигали делегатом работницу «от станка», кандидата в члены ВКП(б), с одной стороны, и общим собранием фабрики, выдвинувшим председателя завкома, исключенного из ВКП(б) за «меньшевистский уклон». Кандидатура собрания не прошла¹³.

На основании приведенных данных можно сделать вывод об отсутствии свободного проведения выборов, что является одним из важнейших признаков политического контроля авторитарного типа. «Назначенство» кандидатов в делегаты преимущественно со стороны партийных организаций, неэффективность и бессмысленность выдвижения кандидатур самими избирателями, голосование «списком», жесткий контроль выборного процесса органами политического контроля (партия, профсоюзы, комсомол, ВЧК – ОГПУ), применение властных санкций к нарушителям утвержденного порядка выборов порождали пассивность и/или безразличие большинства членов промышленного сообщества. Инженеры, мастера и рабочие в подавляющем большинстве случаев не могли повлиять на выборный процесс.

Вслед за выборами в городские советы в 1925/1926 гг. проводилась кампания по перевыборам фабрично-заводских комитетов. Кампании по перевыборам фабзавкомов в Северо-Западной, Центрально-Черноземной, Северной областях закрепили успех номенклатуры. Ленинградская информационная сводка «Итоги кампании перевыборов фабзавместкомов по Союзам» от 17 декабря 1925 г. фиксирует тщательную подготовку кампании. План был подготовлен Ленинградским ГСПС, за 40 дней до начала кампании на каждом предприятии было проведено расширенное заседание бюро коллектива с участием фракции РКП(б) профкома, затем –

заседание профкома, делегатское собрание, собрания рабочих по цехам под руководством делегатов, общее собрание коллектива предприятия, общее собрание рабочих. На предприятиях использовались стенгазеты, вывешивались списки выдвинутых кандидатур, организовывались доклады. Перед началом кампании в Ленинграде было проведено общее городское собрание профработников. Посещаемость предвыборных и выборных собраний составляла от 60-70% (металлисты) до 93% (кожевенники и текстильщики). Предварительно выдвинутые кандидатуры принимались в 70-75% случаев, «отвода кандидатов, намеченных в руководящую группу не было, кроме единичных случаев (незнание массами, малая активность, неумелый подход к рабочим)». Количество беспартийных в профкомах увеличилось в среднем на 4,5 %¹⁴. Эти данные подтверждают особую роль коммунистов на всех уровнях – от Севзапбюро ЦК ВКП(б) до цеховых ячеек. Несмотря на рост количества беспартийных в фабзавкомах (30-40% по области)¹⁵, на уровне руководства Союзами все оставалось по-прежнему. Если происходило обновление управленческого аппарата, то новые профработники выдвигались старым профкомом под руководством органов РКП(б). Если результаты собрания были нежелательными, то их решения отменялись в соответствии с инструкцией ВЦСПС как «незаконно состоявшегося», «нет кворума» и т.д.¹⁶

Такую же картину мы видим, например, в Иваново-Вознесенской губернии. В апреле – мае 1926 г. была проведена подготовка кампании, которая характеризовалась: слабостью и отсутствием интереса рабочих. Несмотря на принятые решения: не навязывать, а намечать делегатов в ФЗК – самых активных и авторитетных в рабочей среде, ликвидировать обязательный процент женщин и комсомольцев среди делегатов, разворачивать широкую агитацию¹⁷, ход кампании ничем не отличается от более северных регионов.

Итак, выборные собрания стали одним из важнейших средств политического контроля в заводском сообществе. Партийные, комсомольские и профсоюзные организации всех уровней проводили в государственные и иные органы «нужных» и лояльных к власти рабочих, а также своих активных работников, рабочих по социальному происхождению¹⁸, использовали сарказм и насмешки по отношению к своим противникам и просто сомневающимся, методы контроля и планирования, назначения, убеждения и принуждения. Одновременно выборы становились результатом совместной деятельности всех органов политического контроля, усиленной агитационно-пропагандистской работы, ужесточения борьбы с политическими противниками правящей партии, формирования новой морали, насаждения страха перед грядущей войной с капиталистическими державами, атмосферы «осажденной крепости».

¹См. напр: Выборы на заводах Петрограда // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-1000. Оп. 12. Д. 350. Л. 1-16; там же. Д. 361. Л. 1-12 и др.

² Там же. Д. 350. Л. 1-30; Д. 360. Л. 1-20; Д. 361. Л. 1-42.

³Прения по докладу Промбюро о положении нашей промышленности (сентябрь 1923 г.) // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб) Ф. 16. Оп. 5. Д. 4796. Л. 7; Протокол заседания бюро коллектива ВКП(б) Балтийского завода № 35 от 15 сентября 1925 г. // там же. Ф. 78. Оп. 1. Д. 115. Л. 117-119 и др.

⁴См., напр.: Взаимоотношения рабочих и спецов (завод Русский Дизель) // Вестник профсоюзов. 1924. №5. С. 65.

⁵Протокол №13 от 31.03.1925 г. заседания бюро коллектива РКП (б) Балтийского завода // ЦГАИПД СПб. Ф. 78. Оп. 1. Д. 115. ЛЛ. 38а-40.

⁶Закрытое письмо секретаря Новгородского губкома РКП(б) в Севзапблбюро ЦК РКП(б) за март-май 1924 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 733. Л. 5.

⁷ Сводки информационного подотдела ЦК РКП(б) о работе и состоянии «производственных ячеек» и «деревенских ячеек» от 09.10.1924 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 5. Д. 5248. Л. 19-20;

⁸Там же. Л. 8, 12.

⁹План по перевыборам Ленсовета // ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 6. Д. 6130. Л. 1.

¹⁰Сводки проведенных перевыборов в Ленсовет по районам Ленинграда // там же. Л. 21-30; Общие районные сводки по перевыборам в Ленсовет // там же. Л. 8-20.

¹¹Общие сведения о выборах в Ленсовет // ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 6. Д. 6130. Л. 45.

¹²Обзорная информационная сводка ОГПУ о перевыборах в Ленсовет X созыва (апрель 1924 г.) // там же. Л. 44

¹³Обзорная информационная сводка ОГПУ о перевыборах в Ленсовет X созыва (апрель 1924 г.) // там же. Л. 33-44.

¹⁴Итоги кампании перевыборов по Союзам от 17 декабря 1925 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 6. Д. 6820. Л. 1-3.

¹⁵ Сборник материалов Севзапбюро ЦК РКП(б). Ленинград, 1925. - С. 85-87.

¹⁶ См., напр.: Работа и достижения Ленинградских профсоюзов. Ленинград, 1926. С. 17-21.

¹⁷ Протокол заседания бюро Иваново-Вознесенского губкома // Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. П-35. Оп. 1. Д. 41. Л. 31-33.

¹⁸Об отчетной кампании Ленинградского Совета: (По секретным архивным документам) // Отечественная история. 1992. № 5. С. 131-142.

**Советский рабочий класс
в общественно-политическом процессе 30-х годов:
мифы и действительность**

История советского рабочего класса 30-х годов сложна и многогранна. Одним из важных вопросов является его участие в общественно-политическом процессе. И хотя советская историография уделяла этому особое внимание, нужно заметить, что участие рабочих в общественно-политической жизни страны во многом политизировано и идеологизировано. А это, в конечном счете, создало мифологию его творческой активности. Таков многотомник по истории советского рабочего класса¹. Кроме него, в отечественной историографии, по существу, вся литература, начиная от статей и заканчивая монографиями и диссертациями, имеет такой характер. Разумеется, современному читателю трудно ориентироваться в этом, чтобы ответить на поставленный вопрос об общественно-политической активности рабочих в период индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства.

Можно заметить, что и специальной литературы на эту тему нет. Единственная монография о роли рабочих в управлении государством очень слабо освещает нашу тему²

Отметим, что рабочие участвовали в общественно-политическом процессе, но только под руководством партийных организаций. Не было такой инициативы у профсоюзных и комсомольских организаций. Созданная мифология идеологической верхушкой ВКП(б) во главе с Сталиным показывала активное участие рабочего класса в социалистическом соревновании. Но это не была инициатива рабочих. Социалистическое соревнование имело государственный характер. Например, стахановское движение в Донбассе сразу же осенью 1935 года возникло по инициативе ЦК ВКП(б). Партийные организации не могли добиться повышения производительности труда. Промышленность и транспорт «лихорадило». Нужно было принимать какие-то меры воздействия на рабочий класс. Инициатива в этом вопросе пришла к парторгу Петрову с шахты «Центральное Ирмино», с его помощью было подготовлено все, чтобы Алексей Стаханов в ночь с 30 на 31 августа 1935 года установил рекорд по вырубке каменного угля, дав за смену 102 тонны. Обратим внимание, что эта инициатива якобы была подхвачена сразу же рабочими. И если в сентябре появились десятки стахановцев во всех областях и районах страны, то в октябре их стали сотни, и уже в конце октября были проведены слеты стахановцев по всем регионам. А в ноябре

¹ © Н.Р.Коровин, 2012

1935 года было проведено Первое всесоюзное совещание стахановцев. В декабре же этого года – Пленум ЦК партии, который обсудив вопрос о развитии стахановского движения, возложил всю ответственность за организацию и проведение стахановского движения на директоров и главных инженеров предприятий. Отныне партийные организации принимали решения о проведении хотя бы «месячников», «декадников» по стахановскому движению. Нами замечено по документальному материалу в Ивановском госархиве, что даже инициатор стахановско-виноградского движения Вигугская фабрика им. Ногина еле-еле справлялась с плановыми заданиями, а отдельные рабочие-стахановцы в прядильном, ткацком цехах выполняли нормы выработки только на 90-98 процентов. Но таких было немного- не более десятка в каждом цехе. Но ведь и нормы выработки у остальных стахановцев были небольшие: 102-110-112 процентов. И только Евдокия Викторовна и Мария Ивановна Виноградовы давали высокие результаты – от 150 до 200 % и более. Но каким трудом. Для них создавались специальные условия не только в наладке станков и механизмов, но и в заготовке и подаче сырья и материалов³ Таким образом, миф о развитии социалистического соревнования лишь «подстегивал» какую-то часть рабочих, чтобы повысить производительность труда. Заметим, что введение стахановского движения вызвало уже в январе – феврале 1936 г. из-за напряженности труда брак продукции.

Следующий миф о советском рабочем классе связан с его государственной деятельностью. Рабочих избирали депутатами местных и верховных Советов. Но и роль там была абсолютно минимальной. Нужно было в нужный момент проголосовать за то или иное решение поднятием руки. Или выступить на заседании Совета по заранее подготовленному в партийных инстанциях тексту. Обсуждались в основном производственные вопросы. Формально существовал не просто рабочий контроль, а власть рабочего класса- диктатура пролетариата. Если посмотреть на состав хотя бы местных Советов в 30-е годы, то можно увидеть, что в Советах больше было представителей номенклатуры, которые по социальному происхождению были выходцами из рабочих семей. Так, в 1931 г. из 14 человек, избранных на 2-й съезд Советов Ивановской промышленной области от Середского района, только 5 человек были рабочими, остальные 9 человек представляли собой партийно-государственную номенклатуру (секретари райкомов и обкомов партии, председатели райисполкомов, горсоветов и т.д.)⁴.

Конечно, это создавало видимость общественно-политической активности рабочего класса. Рабочие-депутаты всех Советов создавали на своих предприятия депутатские группы, которые оказывали какую-то помощь директорам предприятий, но изменить что-то коренным образом они не могли. Больше было контроля за действиями администрации,

информация об этом передавалась партийным организациям, а те, в свою очередь, по инстанции передавали ее в соответствующие органы. Особенно отличились в 30-е годы рабоче-крестьянская инспекция до 1934 г., а после партийный контроль при ЦК ВКП(б) и народный контроль при СНК СССР. Так, 13 марта 1933 года Президиум ОблКК ВКП (б) и Коллегия ОблРКИ Центрально-Черноземной области (ЦЧО) в г. Воронеже рассмотрели вопрос по проверке хода ремонта маслобойных заводов и подготовки их к хранению маслосемян, была отмечена неудовлетворительная работа не только руководителей многих предприятий, но и общественных организаций в них, указано на запущенность заводского хозяйства, формализм в проведении соцсоревнования рабочих и служащих. В постановлении определялась ответственность многих лиц и организаций.⁵

Вместе с тем нужно заметить, что в какой-то степени рабочие получали навыки в управлении общественно – политическими процессами. Они вносили свои предложения, но степень их реализации была низкой. Более эффективной была их работа, когда обсуждались вопросы на производственных совещаниях цехов, смен, заводов и фабрик. Активность рабочих повышалась в период подготовки к выборам в Советы. Много предложений внесли рабочие при обсуждении проекта Конституции СССР в 1936 году. Только с 15 августа по 19 октября 1936 года, по данным 65 Советов, проект Конституции был обсужден на 48 189 пленумах Советов, 79294 заседаниях секций и депутатских групп, на 411 100 собраниях трудящихся, в которых приняло участие 51,5 млн. человек, или 55 % взрослого населения страны.⁶ Конечно, в окончательный проект Конституции СССР 1936 года была включена лишь мизерная часть вносимых предложений. В 30-е годы проводились многочисленные чистки и проверки. Назовем лишь некоторые из них. В 1933 г. – чистка партии, в 1934 г. – чистка советских и хозяйственных органов, в 1935 г. – обмен партийных документов, когда прием в кандидаты ВКП (б) и в члены ВКП (б) был приостановлен до ноября 1936 года. Все эти общественно-политические процессы проходили на открытых рабочих собраниях, создавалась видимость политической активности не только партийных, но и беспартийных рабочих. От имени рабочих, именем диктатуры пролетариата, решалась судьба многих и многих тысяч человеческих судеб, фактически все определяли партийные организации в центре и на местах. В стране существовала не диктатура пролетариата, а диктатура партии. Об этом доказательно и всесторонне показал М.С. Восленский в своей монографии.⁷

Отдельно можно поставить вопрос о рабочем совместительстве в начале 30-х годов, когда передовых рабочих – ударников, стахановцев, коммунистов и комсомольцев направляли в государственные структуры в качестве следователей и прокуроров, в органы милиции, суда и т.д. Они

должны были небольшую часть времени в течение нескольких дней в неделю работать в государственных органах. Но такой непрофессионализм ничего хорошего не дал. И вскоре эта затея была отменена. Такое социалистическое совместительство наносило большой урон предприятиям, так как они лишались лучших рабочих. А в милиции, суде, прокуратуре их решения были во многом ошибочны и дали огромный вред обществу.

Общественно-политический процесс строго направлялся из центра. Удивительно, но факт остается фактом, что не было такого вопроса, который бы не рассматривался на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б). Такая мелочная опека республиканских, областных и районных организаций только усиливала не только личную власть Сталина, но и местных руководителей. Был создан культ личности Сталина, но были и десятки, если не сотни областных и районных, городских культиков, которые от имени рабочего класса часто осуществляли произвол и в производстве, и в общественной жизни. Об этом хорошо написал известный прозаик русского зарубежья Николай Нароков в романе «Мнимые величины», показав правдивую картину жизни российской провинции в период сталинских репрессий.⁸

Чистки, проверки, а с ними и репрессии шли все время. Но особый их пик приходится на конец 30-х годов. Только в 1937 году было осуждено 240 тысяч рабочих. Начало «большому террору» было положено приказом наркома внутренних дел СССР «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» от 31 июля 1937 года. Наряду с бывшими кулаками в приказе назывались репрессированные в прошлом церковники и сектанты, бывшие активные участники антисоветских вооруженных выступлений, а также кадры антисоветских политических партий-эсеров, грузинских меньшевиков, дашнаков, мусаватистов, белые, каратели, репатрианты и другие. В соответствии с этим приказом было арестовано в 3-5 раз больше первоначальной цифры, а именно – 770 тыс. человек. Среди репрессированных в 1937 г. было 137 тыс. служителей культа, из них расстреляно свыше 85 тыс. человек.¹⁰ 10 сентября 1938 г. были осуждены к расстрелу 172830 человек.⁹ Тысячи писем шли в советские и партийные органы, в центральные газеты и журналы. Рабочие писали о своей жизни, требовали улучшения положения с питанием и жильем, заработной платой и т.д. Уже в начале 30-х годов по стране прошли антисоветские выступления.¹⁰

Общественно-политическая жизнь была очень сложной. Люди видели, что в стране что-то делается не то. Но большинство молчали. И это молчание было знаком несогласия с политикой государства и партии. Это было молчаливое сопротивление сталинскому режиму.

Репрессиям подверглись служащие госучреждений, рабочие, крестьяне, интеллигенция, служители культа и члены религиозных организации. Тотальным террором И.В. Сталин уничтожил всех возможных оппонентов, работников партийно-государственного аппарата превратил в послушных исполнителей, а население – в запуганные массы.

Необходимо указать на то, что рабочий класс еще не мог оказать достаточное сопротивление правящему режиму в силу того, что он был еще не организован. В отечественной исторической литературе, особенно в учебниках, пишется, что рабочие в 30-е годы были кадровые, а многие и потомственные. Потомственных династий было много. А вот кадровыми рабочие, которые пришли на производство в 30-е годы – выходцы из деревни (а их было более 50 процентов всего состава рабочего класса) – не могли быть. Для этого требовался более длительный срок, не менее 10 лет.

Таким образом, рабочие 30-х годов стали кадровыми где-то в 40-е – начале 50-х годов. Именно им пришлось самые большие трудности. Рабочие 30-годов построили и освоили в годы первых пятилеток 9000 крупных предприятий союзного значения, такие, как Ивановский меланжевый комбинат, Новолипецкий металлургический завод, Ярославский шинный завод, Московский станкостроительный завод и другие такого объема и качества строительно-монтажных работ. И это было сделано, по замечанию В.С. Лельчука, при минимальном увеличении численности рабочего класса, начиная со второй пятилетки, всего на 20-23 % к исходному уровню. Если брать во внимание всю сложность индустриальной модернизации, всю сложность коллективизации сельского хозяйства, то можно увидеть, что рабочий класс был не только активен по своему в общественно-политическом процессе, но именно он своим героическим трудом создал материально-техническую базу нового общества. А в годы Великой Отечественной войны тысячи бронированных рабочих возводили корпуса эвакуированных на восток заводов истроек, а потом, начиная уже с 1942 года дали Красной Армии тысячи первоклассных танков, самолетов, пушек, минометов и другой военной техники и боеприпасов. Именно в первую очередь рабочим пришлось восстанавливать разрушенное войной хозяйство страны. Менее чем за две пятилетки, четвертую и пятую, они подняли страну из руин. Это был не только трудовой, но и общественно-политический подвиг рабочего класса. И опять, как и в 30-е годы, продолжал существовать со всеми отрицательными последствиями режим личной власти Сталина.

Заметим, что не только в трагические тона была окрашена жизнь советских рабочих, но и пронизана пафосом свершений, большим энтузиазмом людей. Советские люди верили, что пройдет какое-то время и жизнь улучшится. Во имя будущих поколений трудились и жили советские люди. Трудности закалили их, ради детей и внуков они пережили все. Наверное, на словах это понять невозможно молодому поколению

сегодняшней России. Только старшее поколение может рассказать об этом на своем жизненном примере.

Форм и методов общественно-политической активности или неактивности рабочего класса в 30-е годы очень и очень много. В небольшой статье невозможно это сделать. Назовем лишь некоторые из них: участие 25 тысяч рабочих в проведении коллективизации сельского хозяйства, поддержка рабочих капиталистических стран в его борьбе против фашизма и войны, их деятельность в подготовке молодых рабочих на заводах и фабриках, участие в воспитании вчерашних выпускников школ ФЗУ, ремесленных и железнодорожных училищ в конце 30-х годов.

В стране еще не было телевидения, но в крупных городах, да и в райцентрах, рабочих поселках было радио. Но не оно играло главную роль в развитии общественно-политической жизни. Агитация и пропаганда проводилась очень активно через газеты и журналы. Удивительно то, что газет и журналов было несколько тысяч наименований: центральные, областные, районные, городские. В каждой области было до десяти и более изданий периодической печати. Если к этому количеству добавить еще и заводские малотиражки, то можно понять, что каждый день рабочий грамотный или полуграмотный читал их, делал для себя определенные выводы об общественно-политической ситуации в стране.

Таким образом, читая литературу 30-х годов, видя кинофильмы тех лет, можно понять в некоторой степени мифологию и действительность. Частично помогает преодолеть эти трудности отечественная и мировая историография. Но она доступна не каждому читателю, а лишь отдельным специалистам. В небольшой статье сделана попытка определить отдельные ориентиры об участии рабочего класса в общественно-политическом процессе 30-х годов.

Советский рабочий класс стоял у руля индустрии, выполнял ответственные задания по модернизации страны, его роль была значительной, но не в том плане и масштабе, что было представлено в официальной агитации и пропаганде 30-х годов, да и последующих лет, вплоть до распада СССР. Государство и партия выступали как во внутренней, так и во внешней политике от имени рабочего класса. А проводили свои решения, определяя все вопросы развития общественно-политической жизни народа. По существу, не было гласности в развитии общественно-политического процесса, несмотря на многочисленные заявления в печати о ее существовании. Советские народ, в первую очередь рабочий класс, видели настоящую действительность и делали свои выводы о данном мифотворчестве. Народ невозможно было обмануть, он видел многое, хотя и за закрытыми дверями партийных комитетов. А эти двери действительно были закрытыми. Об этом свидетельствует во многом опубликованная переписка Сталина с Молотовым и другими членами Политбюро ЦК ВКП(б). Так, 26 сентября 1935 года Сталин писал

Молотову из Сочи, где он отдыхал: «Что касается хлебазаготовок, придется несколько снизить план. Все жалуются, что план велик». ¹¹ Изучая роль рабочего класса, мы видим, как номенклатура использовала его в своих интересах. Нужно изучать все это. Однако за последние двадцать лет мы отошли от изучения истории партийных, профсоюзных, комсомольских организаций, и не только 30-х годов. Это наносит непоправимый ущерб научной информации. Только изучая весь спектр общественно-политического процесса, можно увидеть его в деталях и по ним делать выводы и обобщения. Современная отечественная историография каких только тем не определяет в так называемой региональной историографии, но уходит от главных вопросов социально-экономической истории. И это положение нужно исправлять историкам. Для современности в процессе модернизации страны ценен как положительный, так и отрицательный опыт 30-х годов XX века. Его надо изучать целенаправленно и всесторонне. Иначе будет очередная мифология исторической роли рабочего класса.

¹ См.: История советского рабочего класса: В 6 томах. М., 1984. Т.2,3.

² См.: Рабочий класс в управлении государством (1926-1937 гг.). М., 1968.

³ См.: Виноградова М.И. Рядом с легендой. М., 1981.

⁴ См.: Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф.1792. Оп.7. Д.4. Л.41.

⁵ См.: Государственный архив Воронежской области (ГАВО), Ф.1013. Оп.24. Д.95. Л.105-106.

⁶ См.: Советы за 50 лет. М., 1967. С.294.

⁷ См.: Восленский М.С. Номенклатура: Господствующий класс советского общества. М., 1991.

⁸ См.: Нароков Николай. Мнимые величины. Роман. М., 1990.

⁹ См.: История России XX – начала XXI века / Под редакцией академика РАН Л.В. Милова. М., 2006. С.466-467.

¹⁰ См.: Письма во власть, 1928-1939: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям. М., 2002; Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах / Отв. ред. А.К. Соколов. М., 1998; Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 томах. 1927-1939. Т.2. Ноябрь 1929-декабрь 1930 / Отв. ред. Н. Ивницкий. М., 2000; Т.3. Конец 1930-1933 / Отв. ред. И.Зеленин. М., 2001; Советское руководство. Переписка 1928-1941. М., 1999;

Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939: Документы и материалы: В 4 томах ; и др.

¹¹ См.: Письма И.В. Сталина В.М. Молотову 1925-1936 гг.: Сборник документов, М., 1995. С.254.

**«Маленький Кронштадт» или «кризис пролетарской диктатуры»
в ИПО: их причины и последствия (апрель 1932 г.).**

Рабочие волнения, охватившие в апреле 1932 г. ряд районных центров Ивановской промышленной области (ИПО)¹ оставили заметный след в российской истории.² От предшествующих забастовок рабочих они отличались количеством участников, элементами организованности и выдвижением наряду с экономическими требованиями политических лозунгов: «Долой коммунистическую партию», «Долой советскую власть»³. Согласно архивным документам, кроме районов затронутых волнениями, предзабастовочная ситуация наблюдалась в Иванове, Костроме, Ярославле, Лакинске, Кольчугине, Гусь-Хрустальном и других городах ИПО. Ее чрезвычайность заключалась в том, что примеру иваново-вознесенцев в условиях бытия «великих» реформ могли последовать рабочие от Одессы до Владивостока.⁴ Для сглаживания ситуации, в Вичугу как один из центров рабочих волнений, из Москвы был направлен секретарь ЦК ВКП(б) Л.М. Каганович «во главе особого поезда с хлебом, мукой, сахаром, мануфактурой и прочим».⁵ С его приездом начались различные проверки, а также личное рассмотрение им жалоб и обращений рабочих. На трех чрезвычайных партийных конференциях, кустовых совещаниях коммунистов в гг. Ярославле, Костроме и Владимире, а также в закрытых письмах ЦК и обкома ВКП(б) были названы причины возникновения волнений. Среди них отмечались: недостаток рабочего снабжения, отрыв партийных организаций от масс, деятельность классового врага и т.д.⁶ К виновникам были отнесены партийные, советские и хозяйственные руководители Вичужского, Тейковского, Лежневского и Пучежского районов, прежнее руководство области. Информация о волнениях распространилась настолько быстро, что скрыть эти события оказалось невозможно, поэтому в июне 1932 г. газета «Рабочий край», а чуть позже «Правда» разместили репортажи о чрезвычайных конференциях, содержание которых в основном состояло из обтекаемых формулировок и свойственных тому времени политических штампов. Однако уже и в то время были другие оценки ивановских событий, а также причин их побудивших. «Пальму первенства» в этом вопросе следует отдать представителям «левой оппозиции» М.Н. Рютину и Х.Г. Раковскому. Их рукописи под названиями «Сталин и кризис пролетарской диктатуры»,⁷ «Назад к партийной программе, к советской конституции, ленинизму (наши задачи)»⁸ соответственно, были изъяты органами ОГПУ в октябре 1932 г. и тогда же доложены И.В. Сталину.

¹ © В.С.Околотин, 2012

Долгое время они были недоступны для исследователей и в научный оборот введены только в 1991 и 2003 гг. Так, согласно утверждению М.Н. Рютина, «партия и пролетарская диктатура переживают глубочайший кризис, который находит своё выражение и проявление: во-первых, в экономическом кризисе, охватывающем как социалистическую экономику, так и единоличное крестьянское хозяйство, во-вторых, в гигантском кризисе ВКП(б) и в-третьих, в кризисе всего механизма пролетарской диктатуры и её приводных ремней (советы, профсоюзы, кооперация, печать и пр.)»⁹. По его словам «перспективы экономического положения и «динамика» его развития... таковы, что в ближайшие два года абсолютно неизбежно полное прекращение капитального строительства, ибо ни налогово-финансовой, ни сырьевой, ни импортно-экспортной базы для этого не будет». Более того, «рост налоговых и вненалоговых бюджетных поступлений происходил не за счёт роста материального благосостояния масс, а за счёт снижения их экономического жизненного уровня и уничтожения основного капитала деревни. Прямые и замаскированные налоги отнимали у рабочего не менее 40% его заработной платы, а у крестьянина-середняка не только весь доход, но и часть его основного и оборотного капитала». И далее, «перспективы бюджета таковы, что в ближайшие два года его доходная часть должна в твёрдом исчислении опуститься на 30-40% ниже размеров бюджета 1927-28 гг., ибо платить прямые и косвенные налоги будет некому, а доходы промышленности составляют в бюджете всего 12-15%, и последние в свою очередь зависят от уровня благосостояния масс. Инфляция, развивающаяся необычайно быстро, в свою очередь будет углублять кризис... во-первых, благодаря новым и новым выпускам бумажных денег, и, во-вторых, вследствие сокращения товарооборота, перехода крестьян, рабочих и даже государственных и кооперативных организаций к прямому товарообмену»¹⁰. В этой связи Х.Г. Раковский назвал рабочие волнения в ИПО «переломными в настроениях рабочего класса», которые в совокупности с активизацией крестьянства и ухудшением общего положения в стране, приводят к кризису «самой советской власти»¹¹. Позднее, в 1937 году документально была зафиксирована оценка означенных событий со стороны Н.А. Угланова, который в начале 1930-х годов разделял взгляды лидеров правого уклона и в 1933 году даже был арестован в связи с делом «бухаринской школы». Согласно утверждению секретаря обкома ВКП(б) И.П. Носова на пятой областной партийной конференции в мае-июне 1937 года «Угланов, собираясь вместе с Колотиловым говорил, что это маленький Кронштадт, но он может превратиться при нашей работе во Всесоюзный Кронштадт»¹²

Несомненно, данные суждения заслуживают большего внимания и отвечают современной парадигме исторических взглядов. Так, что же предшествовало апрельским событиям. Напомним читателю, что в 1929-

1930 гг. в результате осуществления ряда реформ были сформированы условия для построения плановой экономики в форме продуктообмена. При этом считалось, что путем экономического районирования, огосударствления промышленности и централизации управления ею, превращения Государственного банка в единый расчетный центр, унификация налоговых платежей и признание финансового плана приоритетным перед бюджетом, а также коллективизация сельского хозяйства в течение короткого времени позволят реализовать его на практике. При этом устойчивость денежной единицы не рассматривалась в качестве обязательного условия ее построения. В этой связи мобилизация средств любой ценой стала неотъемлемой частью функционирования советского и партийного аппарата. Стремление соответствовать статусу области с мощными пролетарскими традициями накладывало на ИПО дополнительную ответственность. В результате первый квартальный план мобилизации средств населения ИПО выполнило на 103,8 % досрочно, к 10 марта 1932 г., намного опередив по достигнутым показателям другие регионы республики, в том числе Московскую и Ленинградскую области¹³. В постановлении коллегии НКФ СССР от 21 марта, говорилось, «что успех Иваново-промышленной области в выполнении плана мобилизации средств является результатом развертывания за последнее полугодие массовой политической работы, социалистического соревнования районов, большого внимания к этому делу местной печати...» и т.д.¹⁴ Однако, по госдоходам дело обстояло иначе. В решении заседания коллегии НКФ СССР от 25 апреля 1932 г. говорилось, что квартальный план по госдоходам на 1 марта ИПО выполнило всего на 63,2 %, что признано неудовлетворительным. ИПО было предложено принять меры к скорейшей ликвидации недоимки со стороны обобщественного сектора¹⁵. Такие меры были приняты, и по данным НКФ СССР к 1 апреля 1932 г. область в очень сжатые сроки выполнила план мобилизации по госдоходам¹⁶. За достигнутые показатели в мобилизации средств населения НКФ СССР решило выделить в распоряжение облфо ИПО 50 тыс. руб. для премирования передовых районов, отдельных сельсоветов, колхозов, местных газет и отдельных ударников финансовой работы. Премированию в первую очередь подлежали Костромской, Ярославский, Иваново-Вознесенский и Юрьевецкий районы, «как наилучшие в выполнении плана».¹⁷ Иваново-Вознесенск, как центр, «показавший лучшие образцы массовой работы», был избран местом проведения 24 апреля 1932 г. республиканского межкраевого финансового слета.¹⁸ «Лучшим рапортом к межкраевому слету, – говорилось в «Рабочем крае», – будет рапорт о максимальном выполнении к открытию слета финплана на основе широчайшей массовой работы, соревнования и решительной борьбы с оппортунистами всех мастей и примиренцами к ним»¹⁹. Однако была и обратная сторона достигнутых показателей. Количество жалоб с мест на

«перегибы, искривления классовой линии, нарушения революционной законности в налоговом обложении трудящихся», поступавших в НКФ РСФСР увеличилось. Только за февраль 1932 г. НКФ РСФСР удовлетворил 10,4% этих жалоб. По МО и ИПО этот показатель составил 13,6 % и 12,38% соответственно. При этом от рабочих и служащих поступило 27,7% жалоб, кустарей – 18,7%. Для сравнения число жалоб от бывших торговцев составило 9,8%, а кулаков 18,7%.²⁰ О нарастающем раздражении среди рабочих говорилось и в сводках ПП ОГПУ по ИПО²¹. К его появлению нередко провоцировала администрация ряда предприятий, которая самовольно осуществляла всевозможные денежные вычеты из заработной платы рабочих. При их одновременном изъятии «у рабочих, как отмечалось на расширенном заседании бюро обкома ВКП(б) ИПО в апреле 1932 г., зарабатывающих 120 руб., оставалось всего 16 руб.».²² В ряде случаев для достижения плановых показателей использовались оборотные средства предприятий. В частности, Ярославский горком ВКП(б) в январе 1932 г. предложил всем хозяйственным руководителям «внести за два месяца причитающиеся с рабочих вычеты по налогам, а вычет с рабочих произвести потом».²³ Обстановка осложнялась еще и тем, что выдача зарплаты на многих предприятиях области задерживалась. По заявлению управляющего областной конторы Госбанка Ф.Г. Кабанова, задолженность по заработной плате на конец 1931 г. составляла 7 млн. 618 тыс. руб.²⁴ В многочисленных обращениях в обком ВКП(б) хозяйственники неоднократно подчеркивали, что задолженность по зарплате даже на успешно работающих предприятиях порождала тревожные настроения среди рабочих и создавала предзабастовочную ситуацию²⁵. Не хватало средств и для расчетов между предприятиями и организациями. С целью расшивки неплатежей НКФ СССР своим постановлением от 17 марта 1932 г. разрешил использовать «расчетные знаки»²⁶. Проблемы с денежной наличностью, привели к появлению на местах и других денежных суррогатов в виде местных марок, принудительно вводимых в обращение.²⁷

В январе 1932 г. советское правительство своим постановлением объявило о «частичном повышении цен на некоторые товары широкого потребления» с тем, чтобы ликвидировать разницу в стоимости между нормированными и коммерческими товарами и тем самым подойти к ликвидации карточной системы». Однако на местах это решение правительства, согласно секретным сводкам оргинструктотдела обкома ВКП(б) было воспринято без воодушевления. На различных совещаниях актива неоднократно говорилось, что программа правительства зашла в тупик. Так, по словам председателя горсовета г. Вичуги Евтушенко: «Мы выполнили пятилетку, наметили вторую, все говорим – растем, а в результате высчитываем с рабочих за брак, за простои. Все строим, поднимаем производительность труда, требуем от рабочих темпов, а

рабочему ничего не даем. Повышаем цены на товары. Что нам скажет рабочий? У того не голова, а кочан капусты, который заявляет о росте реальной заработной платы».²⁸ Секретарь цеховой ячейки фабрики «Марксист» Вязниковского района Ивакин утверждал, что «жизнь становится невозможной. Я должен встать на другой путь. На рабочих собраниях никто не высказывается, кроме главарей, что наметил треугольник, то и происходит. Я сейчас найду на нашей фабрике настроенных против мероприятий Советской власти и партии до 50% рабочих».²⁹ И все же наиболее болезненным для населения оказалось постоянное снижение нормированного обеспечения продовольствием, сопровождавшееся активной борьбой со «злостной спекуляцией продуктами и промтоварами первой необходимости»³⁰. Новое сокращение продовольственных норм во втором квартале 1932 г., на фоне роста цен и непрекращавшихся призывов выполнить план по мобилизации средств и послужило толчком для возникновения массовых волнений среди рабочих.

17 апреля 1932 г. ЦК ВКП(б) под грифом «строго секретно» обратился к секретарю обкома ВКП(б) И.П. Носову с категоричным письмом, в котором обязывал местные органы власти, кроме всего прочего «облегчить налоговое обложение и местные сборы с рабочих, имеющих собственных коров и сельское хозяйство потребительского типа».³¹ В свою очередь обращение ЦК ВКП(б) послужило основанием для закрытого письма обкома ВКП(б) к партийным, советским и хозяйственным руководителям области с характеристикой апрельских событий и перечнем мер для преодоления их последствий. В нем признавалось, что бюджет рабочих значительно пострадал от повышения цен на промтовары и мобилизации средств. На многих предприятиях длительное время не выдавалась зарплата. В Иванове на фабрике им. Ф. Зиновьева с рабочих, живших в 350 фабричных квартирах, вычеты за квартплату и коммунальные услуги составляли более половины их ежемесячного заработка. Такая практика в письме была названа порочной. Органам власти было предложено в срочном порядке пересмотреть систему вычетов с рабочих, устранить штрафы, а также незаконное налогообложение тех из них, кто жил в рабочих поселках только на зарплату.³² Заявление ЦК ВКП(б) о необходимости снижения налогообложения рабочих, имевших собственных коров и сельское хозяйство потребительского типа с полной уверенностью можно отнести к вынужденной реакции центра, направленной на устранение причин, вызвавших рабочие волнения в центре страны. Вслед за этим последовала масштабная ревизия деятельности НКФ СССР и Госбанка СССР в ходе которой, помимо внесения корректив в оперативную деятельность, была выявлена масса управленческих проблем, требовавших скорейшего разрешения. С точки зрения оперативного управления, циркуляром наркомата от 16 апреля 1932 г. внимание всего фискального аппарата было

заострено на развертывании «систематической, повседневной и беспощадной борьбы с искривлениями линии партии в налоговой работе». Там же предлагалось практиковать публикацию в местной печати «решений по наиболее ярким фактам искривления налогового законодательства в отношении рабочих и служащих, кустарей и ремесленников, колхозников и трудовых единоличных хозяйств, практиковать организацию показательных процессов над теми налоговыми работниками, которые... допускают нарушения революционной законности...».³³

Постановлением коллегии НКФ СССР от 25 апреля «Об уточнении плана мобилизации средств населения на II квартал 1932 г.» было отменено прежнее постановление, принятое в марте. Имевшее гриф «не подлежит оглашению», оно предусматривало отмену увеличения плана мобилизации средств во втором квартале на 160 млн. руб. (размер образовавшейся недоимки). Вместо указанной цифры план мобилизации был увеличен всего на 39,2 млн. руб. и, прежде всего, за счет мобилизации добровольных платежей.³⁴ Было обращено внимание и на решение других накопившихся ведомственных проблем.

На межкраевом слете финударников, который все-же состоялся в Иваново-Вознесенске, завоблфо ИПО В.Ф. Королев признал наличие возмутительных фактов в налоговой практике, особенно в районах охваченных волнениями. В частности, Ковровский райфо на протяжении ряда кварталов преувеличивал показатели выполнения фиинплана (III-IV кв. 1931 г. на 8,9% и 13% соответственно и I кв. 1932 г. на 12,4%). Аналогичные факты имели место во Владимирском и Молвитинском райфо ИПО. Межкраевой слет закончился вручением переходящего Красного знамени Костромскому району, добившемуся лучших показателей в мобилизации средств и «рогожного» Гусевскому району, занявшему последнее место в области.³⁵ Выполняя циркуляр НКФ, в мае 1932 г. облфо ИПО провело обследование налоговой работы в Вичугском, Владимирском и Гусь - Хрустальном районах.³⁶ В результате обследования были вскрыты серьезные нарушения, допущенные при налогообложении частного сектора и городского населения. «За бездеятельность и халатное отношение, граничащее с преступностью к финансово-налоговой работе, повлекшее к грубому искривлению классово-линейной линии и потерю значительно-фискальных результатов» заврайфо и инспектора по массовым платежам Вичугского и Владимирского районов были сняты с работы и привлечены к судебной ответственности.³⁷ В Костроме по всем видам налогов за 1932 г. была рассмотрена 131 жалоба рабочих, служащих и пенсионеров. В результате их рассмотрения платежи сложены частично или полностью с 34 человек.³⁸ В Киржачском райфо по обложению местными налогами и сбором на нужды жилищного и культурного строительства проверены материалы 838 плательщиков из числа рабочих.

Неправильное обложение было зафиксировано только в двух случаях. Однако от уплаты налоговых платежей в местный бюджет полностью освобождено 97 и частично – 206 человек.³⁹ Изменения в подходах к налогообложению населения происходили не только на местах, но и законодательном уровне. Так, ЦИК и СНК СССР совместно с ЦК ВКП(б) в мае – июне 1932 г. приняли целый комплекс постановлений, направленных на корректировку ранее принятых решений, в том числе прямо или косвенно затрагивавших систему налогообложения. Среди них: «О плане хлебозаготовок из урожая 1932 г. и развертывании колхозной торговли хлебом»,⁴⁰ «О плане скотозаготовок и о мясной торговле колхозников и единоличных трудящихся крестьян»⁴¹ от 6 и 10 мая соответственно.

В своей радиограмме от 10 мая 1932 г. руководители государства М.И. Калинин и А. Енукидзе потребовали от органов власти на местах «обратить особое внимание на снижение плана хлебозаготовок и обеспечение тем самым возможности колхозникам и единоличникам по выполнению плана остальную часть излишков реализовывать на колхозно-совхозных рынках с освобождением получаемых доходов от обложения сельхозналогом». В телеграмме говорилось также об освобождении от сельхозналога «всех видов скота колхозов и колхозников, валового дохода колхозных ферм, пчеловодства и растениеводства» и предоставлении других льгот.⁴² Вскоре эта телеграмма была продублирована правительственным решением «О порядке производства торговли колхозов, колхозников и трудящихся единоличных крестьян и уменьшении налога на торговлю сельскохозяйственными продуктами» от 20 мая 1932 г., а также постановлением ЦИК и СНК СССР от 25 мая 1932 г., внесшим изменения в ст. 27 и 50 «Положение о сельхозналоге на 1932 г.». В результате доходы колхозников от продажи на рынке продуктов со своего подсобного хозяйств не подлежали обложению сельхозналогом. Объем доходов единоличных трудовых хозяйств от рыночной торговли, подлежавший налогообложению, был снижен со 100 до 30%.⁴³ Вниманием не была обделена и промышленность. В целях насыщения государственной и кооперативной торговли промышленными товарами 14 мая 1932 г. президиум ЦКК ВКП(б) принял постановление «О товарообменных операциях и внеплановой реализации продукции». В нем предприятиям обобщественного сектора и другим хозяйственным органам в жесткой форме было предложено тщательно соблюдать постановление СНК СССР от 18 октября 1931 г. «О ликвидации товарообменных операций» и прекратить их проведение.⁴⁴

Означенные постановления послужили основанием для принятия пакета ведомственных документов и законодательных решений на местах. В частности, постановлением Правления Госбанка СССР крайоблконторам было предложено оказать краткосрочный кредит «тем колхозам, кои для развития колхозной торговли нуждаются в средствах».⁴⁵ НКФ СССР

разработал и разослал на места директиву «О порядке обложения налогом с оборота колхозной торговли»,⁴⁶ которая одновременно была опубликована на страницах «Экономической жизни».⁴⁷ Согласно ее содержанию, колхозная торговля, осуществлявшаяся из ларьков, палаток или лавок, начиная с 21 мая 1932 г., подлежала обложению налогом с оборота по ставке всего 3% с полной валовой выручки за предыдущий месяц по каждой из перечисленных торговых единиц. Валовая же выручка, полученная колхозами от продажи сельхозпродуктов с рук, земли, лотков и возов, независимо от ее размеров полностью освобождалась от обложения налогом с оборота.

Другими циркулярами, имевшими гриф «не подлежит оглашению», НКФ СССР потребовал от всех звеньев аппарата «проявления величайшей классовой бдительности и беспощадной борьбы с коими бы ни было налоговыми перегибами в отношении колхозов, колхозников, единоличных трудящихся крестьян, реализующих свою продукцию на городских и районных базарах». Категорически запрещалось привлекать их к уплате различных налогов, таких как промысловый налог, за исключением разовых сборов, требовать от крестьян предъявления документов, удостоверяющих происхождение товаров или его социальное происхождение. НКФ СССР также потребовал от аппаратов не допускать взыскание разового сбора с рабочих и служащих, продающих на колхозных базарах продукты и товары, полученные в порядке планового снабжения.⁴⁸ В случае установления таких требований на местах, ограничивающих торговлю колхозов, колхозников и единоличников со стороны финорганов, предупреждал НКФ СССР, они будут рассматриваться «как бюрократическое извращение директив партии и правительства».⁴⁹ В то же время было предложено усилить борьбу «по искоренению нелегальной торговли и с перекупщиками – спекулянтами, пытающимися нажиться на торговле колхозов, колхозников и трудящихся единоличников». Однако, говорилось в директиве, «беспощадная борьба с нелегальной торговлей и перекупщиками, должна быть организована таким образом, чтобы обеспечить величайшую гибкость, тщательную проработку материалов в каждом отдельном случае обложения, полное устранение каких бы то ни было перегибов или ограничений в торговле колхозов, колхозников и единоличников».⁵⁰ Совместно с «Крестьянской газетой» НКФ СССР была развернута на местах сеть консультаций, в задачу которых входило обслуживание колхозов, колхозников и единоличников по вопросам юридического и производственно-хозяйственного характера, торговли на колхозных рынках и базарах, а также ее налогообложения.⁵¹

В директиве от 4 июня 1932 г. НКФ СССР уже была обобщена информация о практике с мест. В ней говорилось о вскрытии преступных злоупотреблений в налоговой работе, вызванных ослаблением внимания к

ней со стороны руководства финорганов, отсутствие повседневного контроля за деятельностью налогового аппарата, хаотичным состоянием учета и отчетности по реализации имущества и т.д. Для преодоления вскрытых явлений коллегия НКФ СССР призвала финорганы осуществить перестройку всей налоговой работы и предупредила, что «будет беспощадно карать не только непосредственных виновников в перегибах и злоупотреблениях, но и лиц ответственных за контроль и организацию налоговой работы на местах».⁵² Одновременно НКФ республик было рекомендовано обеспечить в ходе мобилизации средств населения дифференцированный подход к каждому краю, области, району, селу и колхозу, не допуская механического распределения заданий. Эту работу было предложено теснейшим образом увязать с развертыванием колхозной торговли, ширпотреба, обслуживания населения сберкассами и т.д.⁵³ В своем заседании 22 июня 1932 г. коллегия НКФ СССР постановила предложить всем финорганам с привлечением финактива обеспечить на базарах, станциях, пристанях и площадях контроль за правильным обложением колхозов, колхозников и трудящихся единоличников, продающих свою продукцию. Во избежание каких-либо нарушений финорганам предложено во всех организованных местах торговли разместить объявления с указанием установленных для данной местности ставок, а также в каких случаях и с каких продуктов они взимаются.⁵⁴ При этом для колхозников и единоличных трудящихся крестьян предельные ставки разового сбора за день торговли не должны были превышать 1 руб. при торговле с воза, с рук и лотков и т.п. – 20 коп, за голову крупного рогатого скота – 1 руб. и мелкого – 50 коп. Однако для прочих лиц при торговле с рук, лотков и т.п. разовый сбор возрастал до 1 руб., а вне рынка – 2 руб, с тележек и возов – 5 руб. Взыскание сборов было возложено на сборщиков, а оперативное руководство ими на райфинотделы.⁵⁵ При этом запрещалось строить систему оплаты труда сборщиков в процентах от объема собранных платежей. Финорганам было запрещено выдавать регистрационные удостоверения частным лицам, специализировавшимся на скупке в магазинах, лавках, ларьках и палатках продовольственных товаров с целью их дальнейшей перепродажи. Обращая внимание финорганов на огромное хозяйственное и политическое значение правильной организации работы по реализации установленного постановлением порядка обложения доходов колхозов, колхозников и единоличников, коллегия предложила «беспощадно карать всех лиц, допускающих перегибы в обложении их доходов», а также избегать механического присоединения рыночных доходов к облагаемому доходу хозяйств».⁵⁶

Одновременно правительством принимались меры по укреплению законности со стороны должностных лиц, пресечению искривлений, допущенных ими «при защите интересов рабочих и трудящихся крестьян и

борьбе с классовыми врагами». Так, постановлением ЦИК И СНК СССР от 25 июня 1932 г. «О революционной законности» органам прокуратуры и краевым (областным), исполкомам предлагалось следующее: тщательно производить проверку поступавших жалоб и заявлений о фактах нарушений ревзаконности, практики наложения штрафов и взысканий в период проведения сельскохозяйственных кампаний; устранять факты наложения твердых заданий, раскулачивания, допущенных в нарушение законов советской власти, привлекать к строгой ответственности должностных лиц в случаях осуществления ими незаконных арестов, обысков, конфискаций или изъятия имущества.⁵⁷ В то же время, придавая исключительное значение усилению борьбы за выполнение финплана, коллегия НКФ СССР была вынуждена принять оргмеры по своевременной выплате зарплаты рабочим. Для этого при его коллегии 31 августа 1932 г. была создана особая тройка по вопросам зарплаты. В состав тройки вошли С.М. Тамаркин (председатель) и ее члены – С.С. Горелик и Г.Г. Бейлинсон. Тройке вменялось немедленно развернуть работу по выполнению поставленной задачи, ведя ее «подлинно боевыми темпами».⁵⁸ Продолжалась нормотворческая работа в пределах полномочий, имевшихся у НКФ СССР. Так, 2 августа 1932 г. он принял очередное постановление «О льготах по подоходному налогу трудящимся, занимающимся разведением свиней, кроликов и домашней птицы». Согласно ему от обложения подоходным налогом освобождались доходы трудящихся от разведения свиней, кроликов и домашней птицы. Однако данная льгота применялась с ограничениями и не затрагивала отдельные категории городских жителей.⁵⁹ В декабре 1932 г. НКФ СССР, разъясняя порядок применения нового положения о взыскании налогов и неналоговых платежей в циркуляре, не подлежащем оглашению, указал, что продажа имущества рабочих за налоговую недоимку «как общее правило должна быть запрещена». В отношении рабочих и служащих, уклонявшихся от уплаты налогов и сборов, райфо рекомендовалось информировать об этом фабкомы и завкомы с целью оказания на них общественного воздействия. Опись имущества должников и продажа их имущества допускалась только в исключительных случаях, когда мера оказания общественного воздействия не достигала результатов.⁶⁰ Разумеется, дальнейшие меры правительства, отличались противоречивостью, а в ряде случаев и жестокостью. В частности через органы милиции, ОГПУ, прокуратуры и суды был предпринят ряд репрессивных мер. Только на предприятиях Вичуги из числа рабочих принимавших участие в волнениях был уволен 431 человек. В Тейкове «изгнано 308 человек и 85 – уволено». Однако этим не ограничились. Так, согласно справке УНКВД по Ивановской области, в Вичуге часть рабочих за антисоветскую агитацию была осуждена на 10 лет и выслана в отдаленную местность. В Тейкове была выявлена «небольшая

контрреволюционная группировка, состоявшая из проникших на предприятие раскулаченных крестьян» и имевшая программу: «Долой голодовку, долой налоги, долой обдираловку, долой патенты, долой коммунистов». В целом оперативно отреагировав на рабочие волнения, правительство не взяло на себя ответственность за случившееся. Об этом свидетельствует настойчивый поиск ПП ОГПУ организаторов волнений. В частности в Иваново-Вознесенске ПП ОГПУ в облснабе была выявлена и разоблачена «контрреволюционная вредительская группа» из 10 человек, деятельность которой якобы привела к срыву снабжения и возникновению волнений в рабочих районах области. В июне 1937 года в докладе на пятой областной партийной конференции секретарь обкома И.П. Носов всю ответственность за «вичугские события» возложил на бывшее правое руководство области во главе с арестованным органами НКВД Н.Н. Колотиловым.⁶¹ Более того, в июле 1941 года УНКВД по Ивановской области, оценивая местную оперативную обстановку в условиях военного времени, затрагивает и период 1932 года, когда классовая борьба, якобы спровоцированная областным право-троцкистским центром в Вичугском, Тейковском и Лежневском районах, приняла острые формы проявления. Были использованы и другие формы воздействия, которые ощущаются жителями области до настоящего времени. В частности, хлопчатобумажный комбинат в Тейкове был лишен названия «Красный октябрь», а Иваново-Вознесенск в августе 1932 года был переименован в г. Иваново. И, тем не менее, правительство вынуждено было внести существенные коррективы в построение плановой экономики. Отказ от продуктообмена и переход к развитию государственной торговли позволили в 1935 году отменить карточки на хлеб, а затем на другие продукты. Даже во время очередного хлебного обострения в 1936 г., а также в тяжелейшие годы Великой Отечественной войны оно не возвращалось к продуктообмену образца 1930-1932 гг.

Таким образом, рабочие волнения вскрыли существующие нарывы, в том числе и в налоговой политике государства и обнажили, по словам М.Н. Рютина, «кризис пролетарской диктатуры».⁶² Правительство признало нерациональным принцип жесткого ограничения торговли и заявило о необходимости ее восстановления. В первую очередь было решено наладить колхозную торговлю, как один из самых быстрых способов организации децентрализованного снабжения городского населения продуктами питания. Для этого был не только снижен объем госпоставок, но и уменьшена ставка налога с оборота, которым облагалась выручка колхозов от торговли из ларьков, палаток и лавок, а в некоторых случаях произведена и его отмена. Несомненно, означенный пакет правительственных и ведомственных документов, а также принятие решений на местах свидетельствовали о многом. Вместе с тем, говоря о принятых правительством мерах, не стоит давать им радужную оценку. По

утверждению Х.Г. Раковского попытки правительства «на фоне хозяйственно-политического развала, охватившего страну» сгладить их многочисленными декретами «обречены, вопреки воле руководства, остаться либеральными жестами. Они лишь аттестуют беспомощность руководства, его бессилие и его намерение вести дальше республику с «потушенными фонарями... «Что касается колхозной торговли, - утверждал он, - ее смысл также ясен. ...Принуждая, колхозников продавать свои остатки продовольствия на базаре, руководство преследует очевидную для каждого цель перевести часть тарифицированного населения, и в том числе рабочих, на самоснабжение... Выручаемые крестьянами деньги через советский кабак...или через финэстафету и финорганы все равно должны попасть в казенный сундук». Однако к числу самых важных для настоящего исследования умозаключений Х.Г. Раковского следует отнести его суждение о том, что «великие реформы» в эпохе «великого перелома» первой пятилетки «провалились с треском». Поэтому во избежание дальнейшего усиления кризисной ситуации руководству страной их пришлось отменить, а вину за провал взвалить на исполнителей.⁶³

В дальнейшем взглядам Х.Г. Раковского стали созвучны выводы, полученные российскими и зарубежными исследователями в середине 1990-х гг. Так, И.Е. Зеленин один из первых заявил о появлении иной, кроме нормированной формы удовлетворения населения продуктами питания, названной им «колхозным неонэпом».⁶⁴ Канадский историк Л. Виола также утверждает, что под давлением различных форм крестьянского протеста весной 1932 г., а затем в начале 1933 г. власть отступила от жесткой «революционно-колонизаторской миссии» в деревне, разрешила ограниченную торговлю и несколько умерила свой административный пыл.⁶⁵ Получил признание и термин «либерализация экономических отношений», введенный в научный оборот Р.У. Девисом и О.В. Хлевнюк. Также как и Х.Г. Раковский их причиной они называют рабочие волнения апреля 1932 г. в ИПО.⁶⁶ Тогда же Джеффри Россманн, работавший, в том числе и в Государственном архиве Ивановской области (комментарий О.В.), в одной из своих работ утверждал, что в более широкой перспективе рабочие волнения заставили «режим смягчить его экономическую политику».⁶⁷ О кризисе между снабжением и потреблением в данный период в своих исследованиях говорят Е.А. Осокина⁶⁸ и Н.Б. Лебина.⁶⁹ Однако в выводах указанных исследователей не звучит умозаключения о том, что их совокупность стала причиной отказа государства от продуктообмена как формы построения плановой экономики. Возможно, такая задача не стояла перед ними. Возможно и иное. В пылу полемики основное внимание было обращено на идеологическую составляющую, и формы построения плановой экономики с позиции историко-экономического анализа, оказались неохваченными.

Тем не менее, отказ от продуктообмена первоначально нашел отражение в принятии правительством озвученных решений и лишь в дальнейшем был публично осужден как неприемлемая форма для построения плановой экономики. В этой связи следует согласиться с суждением американских исследователей Р. Пауэлла и П. Грегори, утверждавших, что живучесть советской системы, заключалась в том, что «ее чиновники научились использовать информацию с мест для принятия экономических решений».⁷⁰ Заслуживает внимание и утверждение П. Грегори, что карточная система, с ее низкими ценами на товары, распределяемые по карточкам, лишала государство необходимых налоговых поступлений. Доходы от продаж по коммерческим ценам были слишком незначительны для того чтобы компенсировать бюджету низкие цены на товары, распределяемые по карточкам.⁷¹ На смену ей была призвана иная форма построения плановой экономики, основанная на развитии советской торговли, насыщении ее товарами широкого потребления, построения зависимости доходной части бюджета от развития товарооборота и т.д. В докладе на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), состоявшемся с 7 по 22 января 1933 г., И.В. Сталин подводя итоги пятилетки в четыре года в области товарооборота между городом и деревней дал следующее ее определение. По его словам, «советская торговля есть торговля без капиталистов – малых и больших. Это особого рода торговля, которой не знала до сих пор история и которую практикуем только мы большевики, в условиях советского развития».⁷² Спустя год в отчетном докладе XVII съезду ВКП(б) в январе 1934 г. он говорил, что при этом пришлось преодолеть левацкую болтовню ряда работников, отвергавших советскую торговлю, называвших ее пройденной стадией и утверждавших о необходимости налаживания прямого продуктообмена. «Незачем развивать торговлю, ежели стучится в дверь прямой продуктообмен», считали якобы они. «Эти люди, – утверждал И.В. Сталин, – неспособные наладить простейшей советской торговли, болтают о своей готовности наладить более сложное и трудное дело прямого продуктообмена...». «Они не понимают, – продолжал он, – что продуктообмен может придти лишь на смену и в результате идеально налаженной советской торговли... Понятно, что партия, стремясь организовать развернутую советскую торговлю, сочла необходимым погромить и этих «левых» уродов, и их мелкобуржуазную болтовню пустить на ветер»⁷³

¹ Постановлением ВЦИК РСФСР от 14 января 1929 г. было завершено административно-территориальное деление республики. Вместо губерний, уездов и волостей были образованы области (края), округа, районы и сельсоветы. В результате на ее территории в числе других появилась Ивановская промышленная область с центром в Иваново-Вознесенске из Иваново-Вознесенской, Владимирской, Костромской и Ярославской губерний.

² 25 апреля 2012 г. в Ивановском областном объединении организаций профсоюзов состоялся круглый стол, посвященный памятным датам рабочего движения, где было принято решение инициировать перед исполкомом ФНПР об отнесении рабочих волнений, состоявшихся в ИПО в апреле 1932 г. к знаковым событиям и памятным датам в истории профсоюзного и рабочего движения России.

³ Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф.П.- 327. Оп.4, Д.449, Л.23,72

⁴ *Раковский Х.Г.* Назад к партийной программе, к советской конституции, ленинизму (наши задачи) / Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина.

Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936 / под ред. А.Н. Яковлева; сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М.: МФД, 2003. С.331

⁵ Там же

⁶ ГАИО. Ф.П.- 327, Оп. 4, Д.509, Л. 60-72

⁷ *Рютин М.Н.* На колени не встану/ сост. Б.А. Старков. М.: Политиздат. 1992. С.113-252

⁸ *Раковский Х.Г.* Назад к партийной программе... С. 330-331

⁹ *Рютин М.Н.* На колени не встану... С. 194

¹⁰ *Рютин М.Н.* На колени не встану... С.201

¹¹ *Раковский Х.Г.* Назад к партийной программе... С. 334

¹² ГАИО. Ф.П.-327, Оп.5, Д.1314, Л.45

¹³ Равнение на Ивановскую область / *Экономическая жизнь*. 1932. 16 марта.

¹⁴ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф.Р.-7733, Оп.9, Д.222, Л.15

¹⁵ Равнение на Ивановскую область / *Экономическая жизнь*. 1932. 16 марта; РГАЭ.

Ф.Р.-7733, Оп. 10, Д.8. Л. 68-69

¹⁶ РГАЭ Ф.Р.-7733, Оп. 10, Д.8, Л.96

¹⁷ Лучшим бойцам финплана премии / *Экономическая жизнь*. 1932. 22 марта.

¹⁸ Межкраевой слет ударников финплана / *Экономическая жизнь*. 1932. 8 апреля.

¹⁹ Рабочий край. 1932. 11 мая.

²⁰ Налоговую практику на смотр общественности / *Экономическая жизнь*. 1932. 30 марта.

²¹ ГАИО. Ф.П.-327, Оп.4, Д.508, Л.45

²² ГАИО. Ф.П.-327, Оп.4, Д.449, Л.26

²³ ГАИО. Ф.П.-327, Оп.4, Д.509, Л.68

²⁴ ГАИО. Ф.П.-327, Оп.4, Д. 418, Л.50

²⁵ ГАИО. Ф.П.-327, Оп.4, Д.332, Л.12

²⁶ РГАЭ. Ф.Р.-7733, Оп.10, Д.2, Л.114-114об.

²⁷ РГАЭ. Ф.Р.-7733, Оп.10, Д.2, Л.210

²⁸ ГАИО. Ф.П.-327, Оп.4, Д.515, Л.143

²⁹ ГАИО. Ф.П.-327, Оп.4, Д.515, Л.5

³⁰ ГАИО. Ф.Р.-1698, Оп.1, Д.5, Л.34

³¹ ГАИО. Ф.П.-327, Оп.5, Д.243, Л.51-53

³² ГАИО. Ф.П.-327, Оп.4, Д.509, Л. 60-72

³³ Бюллетень Финансового и хозяйственного законодательства. 1932. № 21. С.9-10

³⁴ РГАЭ. Ф.Р.-7733, Оп. 10, Д.8, Л.113

³⁵ Финплану большевистские качественные показатели / *Экономическая жизнь*. 1930. 28 апреля.

³⁶ ГАИО. Ф.Р.-1698, Оп.1, Д.18, Л.312-315

³⁷ ГАИО. Ф.Р.-1698, Оп.1, Д.18, Л.75

³⁸ ГАИО. Ф.Р.-1698, Оп.1, Д.18, Л.393-395

³⁹ ГАИО. Ф.Р.-1698, Оп.1, Д.18, Л.374

-
- ⁴⁰ Сокращенное собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР для сельских советов. 1932. №10. С.169-171
- ⁴¹ Сокращенное собрание узаконений и распоряжений... 1932. №10. С. 171-172
- ⁴² РГАЭ. Ф.Р.-7733, Оп.10, Д. 326, Л. 49
- ⁴³ Бюллетень Финансового и хозяйственного законодательства. 1932. № 21. С.2
- ⁴⁴ Известия. 1932. 21 мая.
- ⁴⁵ Краткосрочное кредитование колхозной торговли / Экономическая жизнь. 1932. 1 июня.
- ⁴⁶ РГАЭ. Ф.Р.-7733, Оп.3, Д.3, Л.149-151об.
- ⁴⁷ Всемирно стимулировать развертывание колхозной торговли / Экономическая жизнь. 1932. 5 июня.
- ⁴⁸ РГАЭ. Ф.Р.-7733, Оп.10, Д.3, Л.215
- ⁴⁹ РГАЭ. Ф.Р.-7733, Оп.10, Д.3, Л.44
- ⁵⁰ РГАЭ. Ф.Р.-7733, Оп.10, Д.3, Л.44
- ⁵¹ РГАЭ. Ф.Р.-7733, Оп.10, Д. 3, Л.262
- ⁵² РГАЭ. Ф.Р.-7733, Оп.10, Д.3, Л.147-148
- ⁵³ РГАЭ. Ф.Р.-7733, Оп.9, Д.222, Л.7
- ⁵⁴ РГАЭ. Ф.Р.-7733, Оп.10, Д.3, Л.266
- ⁵⁵ РГАЭ. Ф.Р.-7733, Оп.10, Д.3, Л. 267
- ⁵⁶ РГАЭ. Ф.Р.-7733, Оп. 10, Д.3, Л.266
- ⁵⁷ Сокращенное собрание узаконений и распоряжений... 1932. №10. С. 210-211.
- ⁵⁸ РГАЭ. Ф.Р.-7733, Оп.10, Д.8, Л.343-244
- ⁵⁹ РГАЭ. Ф.Р.-7733, Оп.10, Д.4, Л. 109
- ⁶⁰ РГАЭ. Ф.Р.-7733, Оп.10, Д.6, Л.110
- ⁶¹ ГАИО. Ф.П.- 327, Оп.5, Д.1314, Л.44-45
- ⁶² *Рютин М.Н.* На колени не встану... С. 113.
- ⁶³ *Раковский Х.Г.* Назад к партийной программе... С. 330-332
- ⁶⁴ *Зеленин И.Е.* «Был ли колхозный неонэп» // Отечественная история. 1994. №2. С.106
- ⁶⁵ *Виола Л.* Крестьянский бунт в эпоху Сталина: коллективизация и культура крестьянского сопротивления / Виола Л.: [пер. с англ. А.В.Бардина]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина. 2010. (История сталинизма). С. 283
- ⁶⁶ *Девис Р.У., Хлевнюк О.В.* Развернутое наступление социализма по всему фронту // Советское общество: Возникновение, развитие, исторический финал. М. 1997. С. 120-172
- ⁶⁷ *Кип Дж., Литвин А.* Эпоха Иосифа Сталина. Современная историография / Джон Кип, Алтер Литвин; [пер. с англ. В.И. Матузовой]. - Изд. 2-е, перераб. и доп.- М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина. 2009. (История сталинизма). С. 78.
- ⁶⁸ *Осокина Е.А.* Цена «большого скачка». Кризисы снабжения и потребления в годы первых пятилеток // Советское общество: Возникновение, развитие, исторический финал. М. 1997. С. 205-243.
- ⁶⁹ *Лебина Н.Б.* Повседневность 1920 –1930 –х годов. «Борьба с пережитками прошлого» // Советское общество: Возникновение, развитие, исторический финал. М. 1997. С.244-290
- ⁷⁰ *Грегори П.* Политическая экономия социализма / П. Грегори [пер. с англ. И Кузнецова, А.Макаревича]. 2-изд. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина. 2008. – (История сталинизма). С. 18.

⁷¹ *Грегори П.* Политическая экономия социализма... С. 131.

⁷² *Сталин И.В.* Итоги первой пятилетки /И.В. Сталин. М.: 1951. Госполитиздат. Т.13. С. 203-204

⁷³ *Сталин И.В.* Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) / И.В. Сталин. М.: 1951. Госполитиздат. Т.13. С. 242-243.

А.А. Фишева

«Образовательный конвейер» для рабочих (К вопросу о политике ликвидации неграмотности в годы первых пятилеток).

На сегодняшний день в отечественной историографии существует ряд исследований, в которых изучается повышение уровня образования рабочего класса на протяжении первой половины XX века, в том числе, в контексте соответствия образовательного уровня населения задачам модернизации. Большевистское руководство планировало в течение 1930-х г. превратить СССР в ведущую индустриальную державу. Для этого необходимо было иметь достаточное количество квалифицированных специалистов, в то время как, значительная часть рабочих к началу индустриализации была неграмотной.¹

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. к неграмотным относили: совсем не умеющих читать и писать или умеющих читать, но совсем не умеющих писать либо пишущих с массовым пропуском букв. Малограмотными считали: умеющих читать и писать без массового пропуска букв на родном или русском языке, но не знающих элементарной арифметики или знающих нумерацию в пределах 1000, умеющих делать письменное сложение и вычитание трехзначных чисел, умножение и деление лишь на однозначное число. Также к малограмотным причисляли всех оканчивающих школы грамоты или имеющих знания в объеме программы этих школ.

Ликвидировать неграмотность значило научить неграмотного медленно, по слогам читать печатный и разборчивый письменный текст. Обученный должен был понимать прочитанное и уметь его пересказать. Он также должен был уметь написать свою фамилию, отчество, число, месяц и год, справку, короткое письмо, разного рода несложные деловые бумаги. По арифметике учащийся должен был знать цифры, основные меры времени, длины, веса и емкости, складывать и вычитать в пределах небольших величин, иметь понятие о доле и проценте, решать несложные задачи, составленные на материале окружающей жизни.² В целом, такая трактовка понятий «неграмотность» и «малограмотность» вполне соответствовала конвейерному принципу, которого придерживалась

¹ © А.А.Фишева, 2012

Советская власть в области народного образования. Его суть состояла в том, что неграмотный рабочий должен был пройти все ступени обучения: пункт ликвидации неграмотности, школа малограмотных, школа повышенного типа, рабфак, вуз. Таким образом, ликвидация неграмотности и малограмотности должны были быть первоначальными ступенями в повышении образовательного уровня населения страны.

По материалам Всесоюзной переписи населения 1926 г. грамотность рабочих находилась на уровне 83,7%.³ Выборочная профсоюзная перепись 1929 г. продемонстрировала, что неграмотных рабочих учтено 13,9%. Самое большое количество неграмотных рабочих приходилось на возраст от 40 лет и старше – 30,9%.⁴

Таким образом, перед большевиками в конце 1920-х гг. в области культурного строительства одной из первостепенных задач стала ликвидация неграмотности и малограмотности среди взрослого населения страны. Эту проблему Советская власть достаточно быстро начала решать, приняв ряд важных постановлений в деле ликбеза. Уже 17 мая 1929 г. вышло постановление ЦК ВКП (б) «О работе по ликвидации неграмотности», в котором говорилось о необходимости обратить серьезное внимание на ликвидацию неграмотности среди индустриальных и сельских рабочих страны.⁵

Выходят также нормативно-правовые документы, которые были направлены на борьбу с неграмотностью среди рабочих. Так, в 1930 г. по Генеральному договору между организациями, участвующими в ликбезработе, планировалось в основном закончить ликвидацию неграмотности в 1930-1931 учебном году с таким расчетом, чтобы к 1 мая 1931 г. завершить ликвидацию неграмотности по СССР среди индустриальных рабочих, членов профсоюзных организаций, рабочих совхоза, колхозников, допризывников и на 75% охватить неорганизованные группы населения.⁶

Идея столь быстрого завершения ликбеза среди рабочих также нашла свое отражение в периодической печати. В «Комсомольской правде» за 1930 г. сообщалось, что «ликвидацию неграмотности в городах среди рабочих мы в основном закончим в 1930-1931 г. и достигнем 100% поголовной грамотности в городе и среди рабочих в возрасте до 50 лет!». ⁷

В 1931 г. вышло постановление СНК РСФСР «О всеобщем обучении неграмотных», по которому вводилось всеобщее обучение неграмотного трудящегося населения в городе и деревне на территории РСФСР в возрасте от 16 до 50 лет. В нескольких регионах планировалось уже в течение 1931 г. завершить полную ликвидацию неграмотности.⁸

Ликвидировали неграмотность с помощью пунктов ликвидации неграмотности, а также активно применялась индивидуально-групповая форма обучения, которая осуществлялась культармейцами. В связи с тем, что плановые установки по ликбезу были столь высоки, а материальных и

финансовых ресурсов было явно недостаточно для их осуществления, в первой половине 1930-х гг. в деле ликбеза активно начинают применяться такие кампанейские формы решения проблемы неграмотности, как культпоход и его разновидности культэстафета и культштурм. Инициатором культэстафеты в 1930 г. выступили московские комсомольцы. Успех культэстафеты в Москве заключалась в том, что всего за один месяц в городе было мобилизовано 30 тыс. культармейцев, которые были тесно связаны с фабрикой и заводом.⁹ В ходе культэстафеты мобилизованные массы разбивались на культотряды в добровольном порядке, в свою очередь, отряды разбивались на команды и бригады, им давалось общее задание, которое делилось по командам. Проходила она в несколько этапов, связанных с решением конкретных задач культурного строительства: ликбез, библиотечные смотры, всеобуч, дошкольное воспитание. Для каждого этапа вводились жесткие сроки (один-два месяца) осуществления поставленных задач.¹⁰

Уже вскоре после успешного проведения культэстафеты в Москве данная форма ликвидации неграмотности получила широкое распространение на всей территории РСФСР. Так, к середине 1930 г. число культармейцев достигло 1 млн. чел., а число учащихся только в учтенных школах грамоты – 10 млн. чел.¹¹ В январе 1931 г. в ходе культэстафеты в школы Пензы было вовлечено более 90% неграмотных и малограмотных рабочих и членов их семей.¹²

В этот период в процесс ликвидации неграмотности также внедряется метод социалистического соревнования.¹³ Разновидностью соцсоревнования было соревнование промышленных предприятий, которое проходило под лозунгом «За грамотный завод». В ходе него ставилась цель добиться ликвидации неграмотности среди членов коллектива предприятия и членов их семей. На Саратовском заводе им. Ленина из числа рабочих и служащих по инициативе парткома и завкома была избрана «оргтрояка» по организации борьбы «За грамотный завод» и создан под ее руководством штаб культурной революции в составе 250 человек, руководивший всей работой по культурному строительству. Прежде всего, были привлечены к учебе имевшиеся неграмотные и малограмотные. Их посещение школ находилось под постоянным контролем штаба и оргтрояки. Если причина пропуска занятий была неуважительная, штаб устраивал суд над дезертирами, как тогда называли пропустивших занятия. На заводе имелась специальная «черная доска», где все рабочие могли увидеть фамилии своих товарищей – дезертиров с фронта учебы. В каждом цехе висел список неграмотных и бюллетень культпохода на заводе, где отражались итоги соревнования цехов и бригад за лучшее участие в ликбезе. Такое соревнование давало положительные результаты, так в 1930 г. Саратовский завод им. В.И. Ленина был признан заводом сплошной грамотности.¹⁴

В борьбе с неграмотностью среди рабочих применялись также и экспериментальные формы решения проблемы. Занятия с рабочими в основном проводились в вечернее время, когда после долгого трудового дня эффективно усваивать материал не получалось, поэтому стали практиковать обучение по производственным бригадам до начала работы (с 6 до 8 часов утра) через день.¹⁵

Популярность приобретает также такая форма борьбы с неграмотностью как шефство. В 1931 г. Ленинградская партийная организация взяла шефство над одной из главных строек страны - Кузнецкстроем. Ленинград отправлял в Сибирь своих рабочих, инструменты и оборудование. Помощь шефства также заключалась в финансовой поддержке дела ликбеза в том или ином населенном пункте или предприятии, а также направлением бригад культурмейцев на обучение неграмотных и малограмотных.¹⁶

Главную роль в решение проблемы неграмотности среди рабочих должны были играть профсоюзные организации. Профсоюзы обязаны были материально помогать делу ликбеза. В 1934 г. профсоюзы затратили на ликбез 24 млн. руб., в 1935 г. – 41 млн. руб.¹⁷ Однако их поддержка не должна была ограничиваться только материальной стороной вопроса. Профсоюзы также должны были выявлять неграмотных, организовывать ликпункты, создавать комиссии содействия ликбезпоходу на предприятиях. С этими своими задачами профсоюзные организации далеко не всегда справлялись успешно, неоднократно в отчетах Горono, Облоно, Крайно фиксировалось, что профсоюзные организации не уделяли должного внимания делу ликбеза. Отмечалось, что не только профсоюзы, но и хозяйственные и комсомольские организации, поступая в соответствие с «очередностью кампаний» дело ликбеза отодвигают на второй план, что в условиях наращивания промышленного потенциала, было неприемлемо.¹⁸ С неграмотностью рабочих необходимо было покончить в кратчайшие сроки.

Именно из-за коротких сроков и высоких плановых установок в деле ликбеза в 1930-е гг. применялись массовые, кампанейские формы (культпоход, социалистическое соревнование), которые были направлены на то, чтобы в кратчайший срок вовлечь в процесс обучения огромные массы населения при минимальных затратах. Данный способ решения проблемы принес свои плоды – количественные показатели обучающихся и обученных неграмотных повысились, однако в связи с тем, что сам процесс обучения был недлительным и осуществляли его в основном культурмейцы (большинство из которых были студенты и школьники) качество полученных знаний оставляло желать лучшего. Низкий уровень приобретенных знаний приводил к рецидивам, когда неграмотный, прошедший обучение и получивший статус «малограмотный» спустя какое-то время опять попадал в категорию «неграмотный».

На процесс ликвидации неграмотности среди рабочих также оказывал влияние тот факт, что в связи с проходившей индустриализацией на промышленные предприятия постоянно прибывали новые кадры, приехавшие из сельской местности, уровень грамотности которых был весьма низок. По переписи 1926 г. грамотность сельского населения была всего лишь 45,2%.¹⁹ Выходцы из деревни составляли, по разным оценкам, около 40% новых пополнений. По данным Госплана СССР, удельный вес крестьянства при комплектовании рабочей силы в городах в 1927-1930 гг. составляли 40%. В последующие годы реконструктивного периода произошли существенные сдвиги в источниках новых пополнений. По тем же данным, относившимся к 1933 г., 68% всех работников, вновь вовлеченных в народное хозяйство в годы первой пятилетки, были выходцами из деревни.²⁰ В «Итогах выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР» о составе новых пополнений рабочих и служащих приводились следующие данные: их численность определялась в 12,6 млн. человек, из которых 4 млн. (31,8%) приходилось на горожан, а 8,5 млн. (68,2%) – на бывших крестьян.²¹ Пополнялись рабочие кадры также за счет притока женщин на производство. Так, по данным учета профсоюзов за период первой пятилетки общая численность работающих женщин увеличилась на 4 117 тыс. чел. (с 2 394 тыс. на 1 октября 1928 г. до 6 511 тыс. на 1 января 1933).²² При этом необходимо отметить, что женщины по уровню своей грамотности значительно отставали от мужчин. Таким образом, численность неграмотных рабочих постоянно увеличивалась: в 1929, 1932 и 1936 г. она составляла соответственно 750 тыс., 1 млн. 66 тыс., и 1 млн. 120 тыс. Все это оказало влияние на то, что выполнить указанные выше плановые установки не удалось. Тем не менее, мероприятия, проведенные большевиками, привели к тому, что процент охвата учебой неграмотных рабочих по данным за те же годы был равен 22,9%, 64,5 и 68%, т.е. объем работы увеличился в 4 раза.²³

Невыполнение плановых установок было связано также с положением самих рабочих в годы пятилеток, которое было настолько сложным, что уделять должного внимания процессу обучения не было возможности. Так, в начале 1930-х гг. продолжала существовать карточная система и нормы продажи товаров по карточкам постоянно сокращались, сокращался также их ассортимент. Во втором квартале 1932 г. на основе решения ЦК ВКП(б) была отменена продажа по карточкам рыбы, кондитерских изделий, яиц, овощей, молока, сыра и других продуктов. Это, в свою очередь, приводило к тому, что рабочие голодали. Голод же давал возможность руководителям предприятий заставлять рабочих трудиться непосильно за ничтожную плату. Зарплата же позволяла удовлетворять самые естественные жизненные функции организма человека, поэтому за выданное

дополнительно продовольствие голодные люди соглашались повышать выработку, становясь ударниками труда.²⁴

Естественно, находясь в таких условиях, рабочие думали не о том, как ликвидировать свою неграмотность, а о том, как выжить и прокормить семью. В этой связи невозможно было говорить о завершении ликвидации неграмотности среди рабочих, не обеспечив их нормальными условиями для жизни, что позволило бы уделять внимание вопросам образования.

Ситуация изменилась после постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О работе по обучению неграмотных и малограмотных» от 16 января 1936 г.²⁵ Если раньше в основном сообщалась информация о близком завершении ликвидации неграмотности, то в этом постановлении открыто заявили о неудовлетворительном положении в деле ликбеза. Провозглашалось в течение 1936 г. и 1937 г. полностью обеспечить ликвидацию неграмотности среди трудящихся в возрасте до 50 лет. В этом постановлении был также утвержден учебный план для школ неграмотных и малограмотных, что свидетельствовало о повышении качества обучения, которое стало более продуманным и системным.

После этого постановления профсоюзы более активно стали выявлять на предприятиях всех неграмотных и малограмотных, которые раньше были не учтены. Это отразилось в увеличении численности учтенных неграмотных и малограмотных: по данным профсоюзов на 1 ноября 1935 г. числилось 1024,6 тыс. неграмотных и 2392,4 тыс. малограмотных, на 1 июля же 1936 г. число неграмотных уже достигло 1343,7 тыс. неграмотных, малограмотных – 3120,9 тыс.²⁶

В 1937 году по этим же данным обучено было неграмотных: 548,4 тыс. и малограмотных - 689,6 тыс. В сравнение с 1936 г. было обучено на 112,8 тыс. больше неграмотных и на 137,5 тыс. больше малограмотных. Однако общая численность неграмотных по учтенным союзам уменьшилась всего лишь на 166,8 тыс., а именно: с 1019,2 тыс. на 1 января 1937 г. до 852,4 тыс. на 1 января 1938 г. Представленные цифры свидетельствуют о низком проценте охвата обученных неграмотных и малограмотных на 1 января 1938 г. Из учтенных на 1 июля 1938 г. 718,1 тыс. неграмотных, обучалось только 354,9 тыс. чел. т.е. меньше половины всех учтенных неграмотных. Не было ни одного союза, который обучал бы больше 80% неграмотных, только по 23 союзам обучались 60-70% неграмотных.²⁷

В свою очередь, Всесоюзная перепись населения 1939 г. показала, что грамотность населения СССР достигла 81,2%, по РСФСР эта цифра была чуть больше 81,9%. Основной процент грамотных приходился на мужчин, по РСФСР этот показатель составлял – 92,1%, грамотность женщин находилась на уровне 73%.²⁸ Данные этой переписи, характеризующие грамотность населения по общественным группам, демонстрируют, что грамотность рабочих достигла к 1939 г. – 84,8%, из

них грамотность мужчин-рабочих – 94,8%, уровень грамотности работниц – 76,2%. Грамотность рабочих в возрасте от 9 до 49 лет была 92,6%. Основную категорию неграмотных составляли рабочие старше 50 лет – 49,2%.²⁹ В целом, по данным 190 ЦК профсоюзов в 1939 г. было обучено 467 324 чел. неграмотных, из них 62 598 чел. членов семей и 502 525 чел. малограмотных. План обучения неграмотных среди работающих был выполнен на 53,9%, неграмотных членов семей на 33,1% и малограмотных на 29,4%.³⁰

Таким образом, политика индустриализации требовала повышения общеобразовательного и культурного уровня, как населению всей страны, так и рабочих, в частности. Поэтому Советская власть хотела в кратчайшие сроки покончить с ликвидацией неграмотности среди рабочих, однако в связи с огромным притоком рабочей силы из сельской местности и из числа женщин, процент неграмотных рабочих на протяжении первой пятилетки не сокращался, а наоборот увеличивался и для того, чтобы решить эту проблему в кратчайший срок большевики используют штурмовые методы работы, от которых постепенно отказываются в виду того, что они не решали проблему качества обучения, а давали только количественные показатели.

Итак, в образовательной политике большевики также как и других сферах применяли индустриальный, массовый подход, наподобие конвейера, однако даже это не помогло им полностью решить проблему неграмотности взрослого населения СССР (в частности, рабочих).

¹ Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900-1941 гг., Екатеринбург, 2006; Соколов А.К. Рабочий класс и революционные изменения в социальной структуре. М., 1987; Фельдман М.А. Уровень образования промышленных рабочих России и СССР в 1900-1941 гг. // Вопросы истории, 2007, №3, с. 13-30.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 5083. Л.44.

³ Фельдман М.А. Уровень образования промышленных рабочих России и СССР в 1900-1941 гг. // Вопросы истории, 2007, №10, с. 16.

⁴ Там же, с. 17.

⁵ Народное образование в СССР: сб. документов 1917-1973 г. М., 1974, с. 383.

⁶ ГАРФ. Ф. А-2306. Оп.70. Д.5155. Л.44.

⁷ Комсомольская правда. 1930, №89, с. 3.

⁸ Сталь. Л. Итоги и перспективы работы ОДН. М., 1931, с. 53-55.

⁹ Куманев В.А. Социализм и всенародная грамотность. Ликвидация массовой неграмотности в СССР. М., 1967. с. 189.

¹⁰ Гофлин Б. К победным финишам на культфронте // На культфронте. 1930, №15-16, с. 10.

¹¹ Куманев В.А. Ук. соч., с. 190.

¹² Винокуров Г. Ф. Ликвидация неграмотности на территории Пензенского края // Очерки истории народного образования Пензенского края. Пенза, 1997. с. 215.

-
- ¹³ Подробнее см.: Фишева А.А. Решение проблемы неграмотности взрослого населения на территории РСФСР в 1930-е гг. // Научно-технические ведомости СПбГПУ, 2012, №1, с. 185-189.
- ¹⁴ Терентьева Л.А. Культпоход на Нижней Волге. Из истории культурного строительства. - Саратов, 1967. С.39.
- ¹⁵ Государственный архив Новосибирской области (ГАО).Ф.61.Оп.1. Д. 1421.Л.8.
- ¹⁶ История Сибири .Т.4. Л., 1968. с. 409.
- ¹⁷ Федосеева, Л.Ю. Рабочие Поволжья и культурное строительство в регионе: Во второй половине 1920-х-середине 1930-х гг. Пенза. 2000, с. 29.
- ¹⁸ ГАРФ.Ф.2306.Оп.70.Д.5083; ГАО.Ф.П-3.Оп.10.Д.1053. Л.18.; ГАО. Ф. П-4.Оп.2. Д.304.Л.19,33.
- ¹⁹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф.1562. Оп. 336. Д. 241.Л.23-24.
- ²⁰ Ведущая роль рабочего класса в реконструкции промышленности СССР. М., 1973, с. 79.
- ²¹ Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. М.-Л., 1934, с. 174.
- ²² Статистический справочник ВЦСПС: (Материалы к международному коммунистическому женскому дню 8 марта 1936 г.) – Вып. 1. М., 1936, с. 32.
- ²³ Филиппова Л.Д. борьба за всеобщую грамотность женщин-работниц СССР в период построения социализма: автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1963, с. 13.
- ²⁴ Иванов Ю.М. Положение рабочих России в 20-х-начале 30-х годов // Вопросы истории. 1998. №5, с. 37.
- ²⁵ Народное образование. Ук. соч., с. 387.
- ²⁶ Статистический справочник ВЦСПС. - Вып. 5. М., 1936. с. 16.
- ²⁷ Статистический справочник ВЦСПС. - Вып. 1. М., 1938, с. 74-75.
- ²⁸ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 241.Л.23.
- ²⁹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп.336. Д.235.Л.3.
- ³⁰ Статистический справочник ВЦСПС. - Вып. 2. М., 1940, с .56.

А.В. Семёнова

Домашний быт рабочих 1930-х гг. по материалам Костромского научного общества по изучению местного края

В конце 1920-х гг., в связи с 10-летием Октябрьской революции, сотрудники Костромского научного общества по изучению местного края (КНОИМК) поставили перед собой задачу – провести исследование быта костромских текстильщиков, что имело, по их мнению, большое значение в связи с изучением причин роста производительности труда и улучшением жизни рабочих. Кроме того, изучение быта рабочих имело значение вообще для истории рабочего класса, наполняя страницы ее истории конкретным, «живым» материалом, который со временем мог быстро исчезнуть. Объективно это исследование подводило к вопросам: о

конкретных результатах социалистической революции для рабочих и в конечном итоге о ее смысле. Итак, как же изменилась жизнь рабочих масс с начала пролетарской революции, согласно их собственным описаниям?

Для анализа домашнего быта костромских рабочих сотрудники КНО воспользовались материалом, хранившимся в фабрично-заводских архивах, в архивах профсоюза. Их интересовали сведения о составе рабочих данного предприятия, об их грамотности, возрасте, стаже, партийности, семейном положении. В архиве статбюро, санитарном отделе губздравицы изучены были материалы санитарного состояния жилищных условий рабочих. Но этого *материала было* недостаточно, чтобы составить полную картину происшедших изменений за 10 лет существования советской власти. Поэтому сотрудники Костромского научного общества впервые поставили и осуществили на практике – вовлечение в краеведческую работу самих рабочих. С этой целью были организованы небольшие кружки при клубах, библиотеках, рабочих поселках и общежитиях, перед которыми стояла задача исключительно изучения рабочего быта. Из отчета Е.М. Полянской: «...работало 5 кружков, состоялось 36 собраний кружков, собрано 500 анкет и получено около трех десятков описаний рабочих семей, сделанных кружковцами. В целях пропаганды изучения быта было проведено более двадцати бесед и докладов на разного рода рабочих собраниях»¹. Постоянная работа и собирание материала научными сотрудниками в поселках «Безбожник», «Начало», в общежитии «Дома труда», а также в частном секторе городских квартир позволили изучением быта рабочих семей, живущих в разных жилищных условиях, разного материального достатка и культурного уровня. Сотрудниками научного общества – Лидией Сергеевной Китицыной и Василием Ивановичем Смирновым – была разработана программа, которая предусматривала изучение быта рабочих в трех направлениях (производственный, домашний и общественный быт). Разработаны были и анкеты, рассчитанные на то, что собирателями сведений будут сами рабочие. Каждая анкета не носила анонимный характер, сведения записывались дословно, вплоть до сохранения особенностей говора, с указанием времени, места и лица, от которого сделана запись. Последний вопрос в анкете, который как бы подводил итог всего сказанного, звучал следующим образом – «какая разница в жилищных условиях, одежде и питании данной семьи по сравнению с дореволюционным временем». Ответ на данный вопрос был ошеломляющим в большинстве случаев – «разницы нет» или «до революции лучше»². Одна, и самая главная, особенность отличала анкеты – все сведения записывались правдиво, без прикрас и зачастую описание рисовало перед читателем отрицательные стороны рабочей жизни. К работам костромских текстильщиков прилагались сделанные сотрудниками КНО фотографические снимки разных жилищ рабочих,

которые мы публикуем впервые. В собрании документов музея-заповедника хранится коллекция анкет «Быт рабочего. Материальная обстановка жизни (жилище, одежда, питание)» и работы-дневники рабочих с описанием их фабричной, общественной и личной жизни, которые представляют исключительный интерес и для современных исследователей. Ответы рабочих на поставленные научными сотрудниками вопросы позволяют сделать выводы относительно общественного сознания пролетарской массы в Костроме, круга его интересов в повседневной жизни и степени желания принимать участие в социалистическом строительстве. Кропотливая работа сотрудниками КНО была проведена, и материал ждал своей обработки и подготовки к печати. Сегодня мы предлагаем Вашему вниманию несколько работ, в которых сохраняем авторскую орфографию и пунктуацию.

Работа Павловой. Домашний быт рабочей семьи из 5 человек. 1930 г.

«Мать 38 лет, муж лет 40-45. Дети 8,9 и 1 год.

Дом находится на Кирпичной улице недалеко от фабрики им. Ленина. Домовладение частное. Здание деревянное одноэтажное. Занимаемое помещение квартира состоящая из небольшой кухни и одной комнаты. Домик довольно хороший, состоит из двух половин в одной половине живут хозяева его, а в другой описуемая семья. Стены оклеены обоями, освещение керасиновое. Окошки небольшие, отопление дровами две печки одна в кухне и подтопок же в кухне. Запасы продовольствия хранятся в отдельном чулане, а также и в кухне в ящике. Питьевая вода берется из водокачки и хранится в ведрах. Пища готовится в кухне в русской печке.

Из сеней попадаешь в кухню. Кухня небольшая. Половины кухни занимает русская печь, здесь же стоит столик небольшой, где семья обедает и пьет чай и на этом же столе хозяйка стряпает, вокруг стоит несколько табуретов, по стене стоит лавка. Из кухни прохожу в комнату. В комнате пусто ничего почти нет, стоит одна убогая кровать, да три стула. Около кровати висит вроде люльки, в которой спит и укачивается ребенок году. В углу висит одежда, прикрытая каким то темным лоскутом. Недалеко от кровати стоит сундук. Вот и все убранство комнаты. Никаких портретов, ни каких картин не развешано на стенах, стены голые, с мрачными обоями. На окнах цветы...

Ни книг, ни газет не имеется, музыкальных инструментов тоже нет.

В этой квартире живет семья состоящая из мужа, жены и троих детей. Муж нигде не служит. Раньше служил на фабрике конторщиком но пил и часто запоями. Много раз ему прощали. Бывало запьет, гуляет целую неделю, а потом опять его принимали на фабрику, но потом стал чаще и чаще пить и был уволен совсем. В конце концов совсем спился и сейчас у

него нет определенного занятия. Все время шатается по Молочной горе... Часто пропадает по несколько дней но по большей частью приходит домой совсем раздетый, разутый. Жена приобретает ему что-нибудь, но, увы, до первого запоя, весь свой костюм пропивает и является домой рваный, босиком. Часто дома устраивает скандалы, и бьет все что попало, то всю посуду разобьет, то как то савком разбил зеркало довольно приличное, единственное украшение комнаты. Также часто в отсутствии жены таскает вещи, которые получше и пропивает. Такая убогая обстановка квартиры жена объясняет тем, что нельзя ничего выставить, так как уж много им и пропито, да и жалование то ее небольшое только и хватает на скудное питание. Жена из деревни, совсем неграмотная и в прошлом очень довольна была, что она вышла замуж за конторщика. Раньше, несмотря на его пьянку, скандалы, не разводилась с ним, все жалела и говорила, да ведь он у меня не кое-кто, а конторщик. А теперь, когда он дошел до последнего, то она уже ничего не может сделать. Все равно он к ней является, сколько раз его буйного уводила милиция и все равно он опять является домой. В трезвом виде старается все-таки помочь семье, занимается с детками, питание у них очень плохое, а потому растут они бледными, чахлыми и одна из них зимой была в лесной школе, а другая уже назначена летом. Третьему мальчику около году и его носят в ясли. Обед состоит из картофельного супа и картошки, или каши с постным маслом. Молоко тоже редко пьют. В получку тоже состав кушанья не меняется, а приобретаются какие нибудь вещи, необходимые деткам, или самой матери: то ботинки, то пальто, а то мужу дешевенькие костюмы, но увы столько уж у него этих костюмов перебивало. Едят из общей чашки, деревянными ложками. Одежда только самая необходимая и вся бумажная и у детей и у матери. На голову зимой девочкам одевается шапка вязаная, два платка теплых, так что на голову обращено большое внимание и она больше всех кутается. На ногах плохенькие валенки.

Она работает сменно. Утром с половины 6-ого и вечером с двух до половины 11-го. Спать приходится мало, так как беспокоит ребенок по ночам, да и приходится рано вставать, истопить печь до ухода на фабрику. Днем никогда не спит, так как пользуется свободной минуткой, чтобы сшить что нибудь, или ушить. Машинки нет, шьет все руками. В дни отдыха тоже только шьет, стирает, стоит в очередях. В театры, в кино никуда не ходит. Нет желания, да и интереса. Уж очень горькая жизнь, так не до чего. Время отпусков используется так: вся семья уезжает в деревню на полевые работы и также собирает там ягоды, дети остаются все лето у сестры в деревне и приезжают загорелыми с блестящими глазками. А зимой опять начинают чахнуть. Детей редко, но все таки мать и бьет, но отец же никогда не бил их. Бьет она их только тогда, когда у матери неприятности с мужем, вот тогда даже больше из-за пустяков, они и получают подзатыльников.

Отношение к религии. Мать верит что есть Бог, дома молится, икона есть, но в церковь никогда не ходит, священников тоже не принимает. При болезнях и в других случаях обращается прежде всего к знахаркам и гадалкам. Очень суеверна. Церковные праздники, а особенно большие, как-то Пасху, Рождество отличает от других дней. Гостей не бывает, разве только придет брат мужа с семьей, а всегда уже к этим праздникам убирается, постилает белые салфетки. Ребят всех крестила и считает, что это необходимо, а то, как это ребенок некрещеный она не может и представить себе. Получает она рублей 40 или 45 в месяц и другого дохода нет» .

КМЗ КОК 40647 Описание домашнего быта семьи А.Г. Ефимовой из поселка «Безбожник» 4 корпус, 3 этаж, кв. 41 15 мая 1930 г.

Комната одна 15 метров маленька, но довольно чистенько убрана, два окна, величина 1 1/4 метра, на окнах большие тюлевые занавески, и стоят в горшках домашние цветы. В окнах форточка через которую проветривают комнату, ежедневно. Освещение комнаты электрическое, одна лампочка. Комната разделяется на 2 половины ситцевой цветной занавеской. 1-ая половина прихожая и спальня, а 2 заменяет кухню. В 1 половине: 3 стула и большой стол покрыт белой солфеткой на столе в подцветошниках искусственные цветы и в горшке «роза», рядом окно, у окна стоит горка с чайной и обеденной посудой. В другом углу стоит маленький кругленький столик на столике стоит ручная швейная машина. Рядом комод покрыт белым чистым накомодником, на комодке искусственные цветы и несколько фотокарточек в рамках, настенное круглое зеркало среднего размера, над которым висит большое зеркало, портрет мужа увеличенный и часы-ходики. При входе в комнату стоит у стены кровать полутораспальная, которая убрана чисто, одеяло байковое, белая чистая простынь. 3 подушки накрыты «накидушкой». В углу большая богато убранная икона.

Родилась в Костромской губернии Кинешемского уезда Ивашевской волости на химическом заводе. В семье бедного рабочего, работающего на хим-заводе в 1888 году. Работать сама пошла с 15 лет но за этот период были перерывы, как то была замужем, а надо сказать что была замужем за 3 мужьями. Один муж пропал без вести, а два остальных умерли. В настоящее время работаю на фабрике им. Ленина в приготовительном отделе в качестве ленточницы. Работаю 9 лет без перерыва. Зароботок в среднем в месяц 32 рубля. Семья состоит из 2 человек. Самой Ефимовой и сына 13 лет, который учится в 4 классе в школе им. Бухарина. Мальчик болеет туберкулезом. Связи с деревней не имею и ни когда не имела. За апрель месяц получила на руки 31 рубль но из этой суммы нужно платить за следующее:

За квартиру в месяц 2 р.75 коп.

За освещение 1 рубль

За воду 35 коп.

За дрова 6 рублей

За все коммунальные услуги как-то: за освещение в коридоре, дворнику, за ассенизацию и т.п. 1 руб 60 коп. На табак не тратиться и не тратятся средства на алкоголь в виду того что пить некому, а самой мне пить нельзя на что ей дал запрет врач. На культурные нужды деньги не расходуются. Газет, книг и журналов не выписывают. Мальчик берет книги из библиотеки, а самой времени читать совершенно нет, в силу того что она одна. И придя с работы домой выполняет домашнюю работу как то уборка комнаты приготовление пищи и т.п. В кино и театры не ходит «Вот уж лет 18 не была и ходить то что то не хочетца».

Питание: продукты питания: мука картошка крупа капуста хранится в комнате в виду того что у них хранить больше не где. Погреба нет, чулана нет. Мука и крупа хранится в низу горки, а картошка в корзинке во второй половине комнаты под обеденным столом. Дрова хранятся в дровеннике на улице. Вода для употребления берется из водо-разборного крана в ихнем же дворе, хранится в комнате в ведрах. Пища готовится в комнате в русской печке так как общей кухни нет. Стирка белья так же производится в комнате за неимением общей прачечной. Едят 3 раза в день. Утром завтрак чай с хлебом и картошка или капуста. В обед суп мясной или рыбный в зависимости от пятидневки на второе каша или картошка но не ежедневно. Вечером часов в 11 чай и тот же ужин что и в обед. Едят из отдельных тарелок.

На кровати иногда спим двое с сыном, но больше всего он спит один на кровати в виду его болезни «туберкулеза». Я уступаю ему кровать, а сама сплю или на полу или составляю стулья и делаю себе вроде кровати. Одеялами одеваемся отдельными. В баню ходим в пятидневку раз в день отдыха и белье сменяем каждый раз...

При дневной смене встают в 4 ½ часа утра, приходит с работы в 2 часа. При вечерней встает в 7 часов утра и приходит в 11 часов, ложится спать около 12 часов вечера. До ухода и по приходе домой с работы почти ни когда не отдыхает, а берется с разу за выполнение домашней работы: приготовление пищи, уборка комнаты. На стояние в очередях тратится время очень много иногда часа 2 и 3 стоит в очереди. Мальчик рыболов любитель.

Дополнение о семье Ефимовой.

Влияние улицы на сына плохое, они занимаются хулиганством и воровством, картежной игрой и т.п. Замечается иногда отвечает матери грубо и даже есть грубые выходки. А главное это то что его отвлекают от учения, иногда пропускает уроки из за гуляния и плохо их готовит. Но я его держу еще пока в руках и не даю ему большой воли. Мальчик проводит все свободное время на улице или в клубе. При болезнях Ефимова

обращается только к медицинской помощи но невкоем случае к гадалкам и ворожеям, знахаркам. В церковь не ходит вот уже больше 3 лет. В пасху или рождество духовенство не принимала, а так же эти праздники не справляла, да и справлять то нельзя, в пасху работала это одно, а второе то что к празднику нужно кой что купить хорошего, а его нет ни чего по этому и не справляла. Советские праздники проводит обычным днем так же как и религиозные ни чем не отличаются. Раньше жилось конечно лучше в смысле продовольствия было лучше и что только желаеш того и купиш, а теперь нет ни чего. В отношении советкой власти так мне все равно какая бы власть не была, но только бы жить хорошо. Что при сов. Власти надо работать то и при Николае тоже работала.

Со слов Ефимовой 15/V 30

Записал Белослущкий».

КМЗ КОК 40644 Работа Степановой. Домашний быт рабочей семьи из 3 человек. 1930 г.

Семья состоит из трех человек: мать -38 лет и 2 сына. Старший 16 лет и младший 12 лет. Мать работает в приготовительном отделе фабрики «Знамя труда» и зарабатывает в среднем рублей 50. Старший сын учится в школе ФЗУ и ВТО же время работает в ткацком отделе фабрики Ленина и зарабатывает рублей 17. Младший учится в школе в 3 группе. Живут они на частной квартире по Рабочей улице. Комната или верней кухня представляет из себя приделок к дому, который раньше служил кухней для хозяев. Площадь 2 ½ м. Квартира ветхая, окна очень маленькие, рамы и косяки сгнили, во время дождя над дверью протекает, потолок и стены штукатурены, но штукатурка местами осыпалась. Освещение керосиновое, отопляется дровами. Дрова стоят на дворе, сарая нет. Погреб и подвал есть, так что продукты: картофель и капуста хранятся там, а мука находится дома в ящике. Убранство квартиры бедное: направо от двери стоит кровать, на которой спит мать, дети спят на полу. Много места занимает русская печь и лежанка. Около печи стоит стол-шкаф для посуды. Дальше у стены, между окнами стоит стол, покрытый клеенкой, над столом зеркало, а по сторонам стоят табуретки. По другую сторону двери стоит сундук и ящик с мукой. На одной стене висят два увеличенных портрета матери и старшего сына в трехлетнем возрасте. На противоположной стене висит большая картина в красивой раме, изображающая какую то красавицу. Больше никаких украшений нет. Книг своих нет, а газеты выписываются: Голос текстилей, Рабочий край, Северная правда журнал «Работница». Сама мать малограмотная и конечно плохо разбирается в газетах, но «Работницу» читает. Уж и не хотела бы, говорит она, так много выписывать, денег и так не хватает, да заставляют.

Питание очень неважное. Варится в большинстве случаев только один суп или щи то с мясом, то с рыбой, иногда жарят картошку в постном

масле, молока покупают редко, но зато много выходит хлеба. Его едят с чаем и часто всухомятку. Чай пьют три раза в день. Обедают по приходе с работы и если остается то и ужинают. Едят из общей чашки. Спать ложатся в 10 в 11 час. А встают в утреннюю смену в 4 часа, а если работают с обеда, то встают в 7 час. До отхода на работу много дела дома: стряпня, уборка, стирка, много времени тратится и на очереди. Сыновья помогают в хозяйстве: колют дрова, носят воду. Отдыхать после работы не приходится. Так как она кандидат партии, то часто ходит на собрания, ведет в цеху общественную работу. Плохо, говорит, что малограмотная, хотела бы поучиться если бы на дом ходили, а то самой и ходить некогда. Много пришлось пережить молодой женщине, оставшись после мужа с двумя детьми. Муж ее служил в Красной Армии добровольцем и в 1919 г. пропал без вести. Младший сын почти все время жил у бабушки в деревне, а старший сын все время жил с матерью, не любил деревни. Вообще мальчик очень не глупый, развитой, всем интересуется, учится хорошо, но матери грубит и не слушается. Младший более податливый и стоворчивый, но не такой способный. На нем сказалось влияние деревни, потому что вот уже три года как он живет в городе и до сих пор выглядит серым деревенским мальчиком. Старший же, наоборот любит почище одеться, пофорсить, отчего часто бывают столкновения с матерью. Недавно он вступил в комсомол и занялся общественной работой. Дома бывает редко: то на собрание, то в клуб, часто ходит в кино. В Бога не веруют, праздников церковных не справляют, а к советским праздникам особенно к 1 мая и к Октябрьской революции готовятся. Но приготовление это отмечается большей частью в стряпне. Всегда стараются поесть что-нибудь получше, одеться понаряднее. Связь с деревней пока есть, так как в деревне живет мать. Но с переходом деревни в колхоз мать переедет к ним жить».

КМЗ КОК 40648 Описание домашнего быта семьи Свешниковых из поселка «Начало» 30 мая 1930 г.

Поселок «Начало» ул. «Нового быта», 24. Семья Свешникова. Беседа с обоими.

Муж, рабочий фабрики им. Ленина, зарплата в среднем 65 рублей в месяц, жена работает ткачихой на фабрике «Лента», зарплата в среднем от 60 до 70 р. В месяц. Семья из трех человек. Третий член семьи сынишка 8 лет, ходит в детскую комнату при клубе поселка «Начало» и для него держат няню 38 лет (дальняя родственница). Общий расход в месяц:

За квартиру 17 рублей

За освещение 2 электрические лампочки 3 рубля

За воду 30 коп.

За дрова в среднем 13 рублей

На табак 5 рублей так как курит только папиросы

За радио 50 коп. в месяц

За выписку газет центральная «Правда», «Северная правда», журнал «Работница» и «Мурзилка» для сына, выписываю полное собрание сочинений В.И. Ленина за 40 рублей в синем каленкоровом переплете.

Няне 8 рублей в месяц.

В клуб ходит но не часто разве только на собрание да и то редко. Уж очень не нравится молодеж хулиганит, и сами не слушают и другим мешают слушать своими разговорами и смехом. Вот в кино хожу раза 3-4 в месяц. На это уходит 3 рубля в месяц.

Квартира разделяется на 3 комнаты, прихожую и кухню. В прихожей висит рабочая одежда перегордки из рейки ошкатурины. Пол белый не крашенный потолок тоже, стены не чем не оклеены а просто обстроганные бревна, как в деревне. В первой комнате «столовая» стоит стол около середины комнаты, размер средний покрыт клеенкой клетчатой, в углу между окнами ножная швейная машина покрыта белой вязаной от руки салфеточкой, в другом углу гардероб для одежды выкрашенный под дерево «сосна». На стене висит большой портрет в черной самодельной рамке «Карла Маркса», почти рядом с ним также на стене прикреплен статуэтка «Калинина», под ним приделаны наушники «радио», у входной двери в большой рамке картина из жизни старого времени «Катание на гондоле знатных вельмож» и маленькое продолговатое зеркальце, В комнате 2 окна со створками и с форточками. На окнах занавесочки тюлевые – вверху и внизу – полотняные. Вторая «спальня» в которой стоит 2 кровати и одна с никелированным верхом, и у сына железная детская простая кровать. Накрыты ватным одеялом и белой чистой простыней, 3 подушки покрыты «накидушками» и это на обеих кроватях, одеяла для покрывания во время спанья другие. Этими не одеваются, так как эти еще новые. Над кроватью висит картина на писаная масляными красками с изображением озера на берегу которого дом и сад. На озере плавают лебеди, картину купили у любителя крестьянина за 8 рублей, делали на заказ. На окнах темные занавески из темной ткани. 3 комната «чистая общая» на стене от входной двери висит масляной краской нарисованная картина не очень большая «Место около Казани» берег Волги на горе дом с полисадником, а по Волге идет транзитный пароход. Стоит малинькая подставка под «подтефон» с пластинками. В углу «горка» с чайной посудой, которой очень много. У стены стоит комод оклеенный дубом по крыт белым накомодником. На комод: зеркало квадратное среднего размера, по бокам его стоят 2 подсвечника с стеориновыми свечками и пепельница с изображением рабочего с лопатой. Затем двух местное кресла с двум разным сиденьям между которыми маленький кругленький столик называют его «газетка». Название его не знает сама от куда но где то слышала. Между окнами висит стенное большое зеркало. В углу кругленький столик по крыт солфеточкой на нем стоит лампа керосиновая белая металлическая. На четвертой стене в рамке

портрет в «полроста» В.И. Ленина и подпортретом столик на котором лежат книги и «библиотечка Ленина». По середине стоит стол покрыт белой солфеткой. На столе никелированный белый самовар. В комнате 6 штук венских стульев. На полу ковер красный с большими цветами «Варшавский» половой. Почему он называется «Варшавский» не знает.

Продукты питания хранятся в ларе (ящиках) без мешков, ларь стоит в чулане, в нем же хранится крупа и остальные продукты питания, картошка в корзинке тоже в чулане. Мясо, молоко в погребе в котором в яму на кидан снег. Вода берется из водоразборной будки и хранится для питья в закрытом баке специально приспособленном для хранения воды. Дрова хранятся в дровеннике в специально приспособленном сарае. Пища готовится в кухне в русской печке. В кухне стряпают одни, кухня содержится очень чисто. Едят 3 раза в день. Утром – завтрак: чай с хлебом, ну яичек сварим (имеют своих куриц), молочка или еще что приготовлю. Обед: суп или щи мясной или рыбный. На 2 каша или картошка, но больше яищница. Это теперь любимое кушанье. Ужин чай и что останется от обеда. Самоваров 2. Один белый никелированный, четвертной «рюмочка» а второй маленький медный. Музыкальных инструментов нет. И имеется только «подтефон» и радио.

Стирка белья производится в большинстве случаев в общей прачечной в которую на производстве дают очередные номерки. Общественная прачечная от правления фабрики и бесплатно. Спят все на кроватях. Свешниковы двое на одной, а сын отдельно один.

Общие замечания: семья очень богатая по сравнению с другими семьями, самое главное это то, что квартиры поселка «Начало» выделяются из всех существующих поселков как по величине квартир и удобствам. Сравнить поселок «Безбожник» где нет хороших удобных квартир и прочих удобств, как-то чуланов, дровенников, погребов и т.д.

¹ КМЗ КОК 40649 Черновик отчета Е. Полянской «О методах и формах изучения быта рабочих». 1930, л.1об.

² КМЗ КОК 38740/2,4,7,17,23,25,32,43,45,50,61,64,66,67,69,71,72,74,75 Анкеты «Быт рабочего». Поселок «Начало», «Безбожник», «Дом труда».

Сведения об авторах

Аманов Станислав Фараджевич, студент 4 курса исторического факультета Костромского государственного университета им. Н.А.Некрасова

Баранов Андрей Николаевич, к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории, историографии и источниковедения Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова

Гнусарев Илья Сергеевич, аспирант кафедры социально – экономических и гуманитарных дисциплин, Кузнецкий институт информационных и управленческих технологий (филиал Пензенский государственный университет)

Ермушин Максим Валерьевич, к.и.н., доцент, кафедры истории и культурологии ФГБОУ ВПО Костромской государственной сельскохозяйственной академии

Камардин Игорь Николаевич, к.и.н., доцент, Заместитель директора Института информационных и управленческих технологий, заведующий кафедрой социально-экономических и гуманитарных дисциплин Пензенского государственного университета)

Карнишина Наталья Геннадьевна, д.и.н., профессор, зав. кафедрой «Государственно-правовые дисциплины» Пензенского государственного университета

Коровин Николай Романович, д.и.н., профессор, академик Международной академии наук (г. Иваново)

Миловидова Наталья Владимировна, к.и.н., доцент кафедры истории России Костромского государственного университета им. Н.А.Некрасова

Околотин Владимир Сергеевич, к.и.н., докторант кафедры новейшей отечественной истории Ивановского государственного университета,

Омельянчук Игорь Владимирович, д.и.н., профессор Владимирского государственного университета

Офицера Наталья Владимировна, к.и.н., Санкт-Петербургский государственный политехнический университет

Потолов Сергей Иванович, к.и.н., ст. научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН, Действительный член Петровской академии наук и искусств, лауреат Государственной премии СССР

Прислонов Николай Николаевич доцент кафедры «Государственное и муниципальное управление» Международного университета природы, общества человека «Дубна»

Репников Александр Витальевич, д.и.н., профессор Российского университета театрального искусства (ГИТИС), главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ).

Семёнова Анна Викторовна, Хранитель фондов «Документы» и «Фотография» ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник»

Ульянова Светлана Борисовна, д.и.н., профессор, Зав. кафедрой истории Санкт-Петербургского государственного политехнического университета

Фишева Анастасия Александровна, соискатель кафедры «История» Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

Научное издание

**Рабочие и общественно-политический процесс в России
в конце XIX – XX в.:**

**Материалы VI Всероссийской научной конференции
Кострома, 20–21 сентября 2012 года**

ЧАСТЬ II

Авторская редакция

Компьютерная верстка А.В. Новиков

Подписано в печать 01.08.2012.

Формат 60х90/16.

Уч.-изд. л. 8,1

Тираж 100 экз.

Изд. № 78

Костромской государственный университет имени Н. А. Некрасова
156961, Кострома, ул. 1 Мая, д. 14